

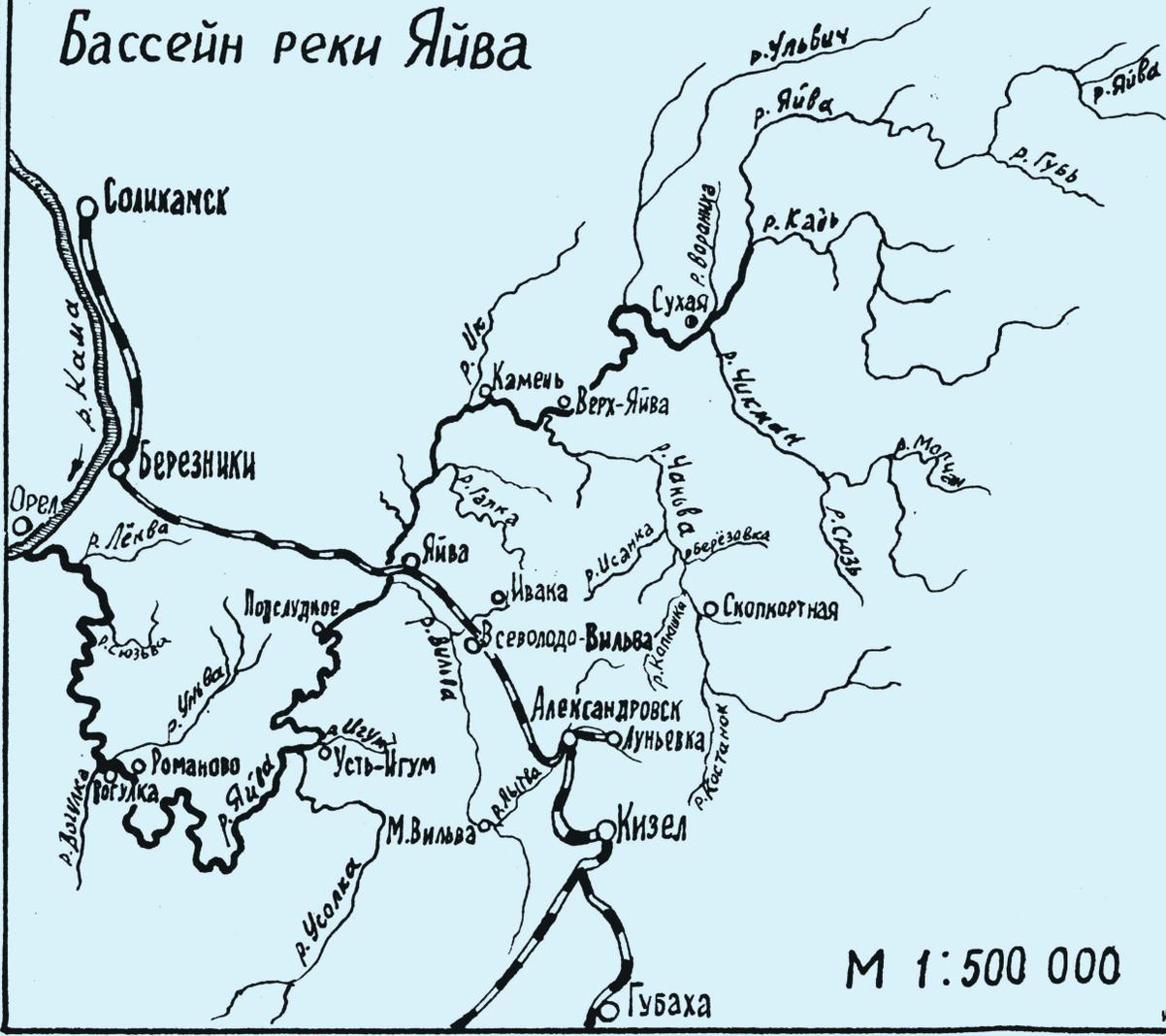
У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫМ

ISSN 0134 - 241X

9'1994

Бассейн реки Яйва

М 1:500 000

И.А.М.

Читайте очерк И. Мюллера "Яйва — таежная река" на стр. 2.

УЧРЕДИТЕЛИ —
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Маргарита ГОРШКОВА
(художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШЛАВИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОПОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий".

Reg. № 441 от 13.12.90.

Подписано к печати 01.07.94.

Формат бумаги 84×108/16.

Бумага книжно-журнальная.

Печать с фотополимерных форм.

Усл. печ. л. 84.

Уч.-изд. л. 10,0.

Усл. кр.-отт. 11,76.

Тираж 25 000 экз.

Заказ № 734.

Все претензии по ошибкам в тексте предьяв-
лять редакции журнала "Уральский следопыт".

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий":

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1, 3 и 4 стр. обложки слайды

Николая ПЕРЕВЫШИНА

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ:

9/1994

Яйва — таежная река

Игорь МЮЛЛЕР

2

Невеста из Царьграда

Юний ГОРБУНОВ

6

"Сибирского железа пушки..."

Владимир ЛЯПИН

10

В ожидании берестяной грамоты

Александр БРЫЛИН

14

Журнал в журнале "Аэлита"

Чистый разум. Повесть

Дмитрий БАЮШЕВ

15 (215)

Ой, куда мы залетели!..

25

Прабабушкины сказки

Наталья ЛАЗАРЕВА

26

Простодушный Ганс

Сергей ГЕОРГИЕВ

30

Три рассказа

Марина МОСКВИНА

33

Сэр Суер-Вьер

Юрий КОВАЛЬ

41

Четыре страшилки

Валерий РОНЬШИН

48

Мультки "а ля Аляшев"

Ася ИВАНОВА

54

Заочный КЛФ

67

Душе порой надежда выпадает...

Владимир СИБИРЕВ

69

"Дорогая наша Флора и Фауна!"

Лидия МИШЛАНОВА

70

Ловушка для наемника

Дайана МАНФЕРТ

72

Пирамиды Египта

Михаил МИХАЙЛОВ

74

Все вороны были в сборе

Ольга КОЛПАКОВА

80

Среди увалов Верхнекамья несет свои воды дочь величественной Камы — река Яйва. Она особенно не выделяется среди сестер. По протяженности — 304 км — уступает Белой, Вятке, Чусовой и Вишере. Но площадь ее водосбора — 6250 кв. км — вместит территории нескольких некрупных европейских государств, таких, как великое княжество Люксембург или средиземноморская республика Мальта, которая могла бы двадцать раз поместиться на бассейне реки Яйвы.

Яйва — таежная

Яйва и ее притоки

Бассейн Яйвы охватывает земли, административно подчиненные Александровскому городскому и Соликамскому районному Советам. С севера и северо-запада граничит с бассейном реки Язвы, притока Вишеры, а с юга и юго-востока — Косвы, другого притока Камы.

Территория эта похожа на широкое блюдо, наклоненное с северо-востока на юго-запад, окруженное и разделенное на части грядями и увалами средней высоты.

Начинается Яйва неподалеку от административной границы Пермской и Екатеринбургской областей, на южных склонах хребта Кваркуш, входящего в систему водораздельных хребтов Урала — это на высоте свыше 700 метров над уровнем моря. На пути своем вода опускается примерно на 600 метров и впадает в Камское водохранилище ниже г. Березники, против пос. Орел.

Характер течения реки на разных участках меняется. В верховьях — бурный горный поток, в среднем течении — стремительная река, с мелководными, хорошо прогреваемыми солнцем перекатами, а в нижнем течении — спокойная, текущая меж низких болотистых берегов.

Река образуется от слияния двух истоков — Северной и Полуденной Яйвы и многочисленных ручьев, берущих начало в болотах. Она извиливается между крупными глыбами обломочного происхождения, дно бурлящего потока устилает грубый хрящеватый песок. Водораздельные увалы покрыты редкостойным лесом. При небольшой высоте стволы деревьев быстро сужаются кверху. Лесники говорят: "как морковка" и называют "сбежалостью". Вывозка

коротких конических хлыстов на большие расстояния нерентабельна.

Постепенно река собирает большие воды и стремительно мчится вниз, принимая все новые и новые ручьи-притоки. Первый крупный приток Яйвы — речка Губь.

Ниже появляются разливы-плесы. Здесь сквозь толщу кристально-чистой воды видны спины стоящих около дна рыб. Это уральская форель — хариус. Чтобы поймать эту осторожную рыбу, нужны опыт и сноровка.

Между притоками Губь и Кады Яйву перегораживают пороги, которые здесь называют Тулумами. Река вынуждена искать себе путь между обломками скал. Этот участок опасен для туристов-лодочников. Всего тулумов восемь. У них есть названия: Березовая голова, две Прерывниинские головы, Косая голова, две Белых головы, Медвежья голова. Последний порог называется Овраги. Преодолевая их, вода пенится и шумит, шум этот слышен довольно далеко.

Ниже Кады река принимает левый приток Чукман. Теперь она, хотя и сохраняет быстрое течение, но смотрится более спокойным потоком. Реже угрожают водным туристам подводные камни. Здесь на правом берегу расположился поселок лесозаготовителей Сухая.

Ниже Сухой в Яйву впадает крупный приток Ульвич. Эти места в свое время были покрыты непроходимой тайгой, но за годы усиленных лесозаготовок совершенно облысели. На правом берегу Яйвы раскинулось когда-то богатое ямское село Верх-Яйва, возникшее в XVI веке на Верхотурском тракте (Бабиновской дороге). Дорога не сохранилась, погребло и село. В нем сейчас живут несколько стариков. Нет ни школы, ни магазина, ни больницы...

Ниже Верх-Яйвы в реку впадает приток Чаньва. Яйва становится полноводной и практически безопасной для водных туристов. Но недалеко от дер. Камень она прорезает горный кряж, снова становится быстрой, беспокойной. Появляются перекаты, над водой поднимаются утесы, величественные и живописные. В одном из утесов, в Камне Тихом, высоко над водой видна неправильной формы арка. Это вход в пещеру.

Приняв еще несколько притоков, Яйва уже полноводной рекой подходит к одноименному поселку городского типа (12 тыс. жителей). Здесь реку перегородила плотина тепловой электростанции и железнодорожная линия Чусовская—Соликамск. Она делит бассейн Яйвы на две части: северо-восточную — верхнее и среднее течение реки, и юго-западную — нижнее.

Ниже станции река течет среди невысоких заболоченных берегов, описывая широкую излучину. Между поселком Яйва и устьем реки напрямую не более 30 километров, а река накручивает чуть не полторы сотни (точнее — 136). В низовьях раскинулись обширные болота.

Самый значительный из 48 притоков Яйвы — Вильва (дл. 107 км, пл. басс. 1180 кв. км). Она течет на север, принимает притоки Ивака, Лытва. Речка Ивака в 1916 году была воспета Б. Л. Пастернаком*. На ней стоят поселки Ивака и Ивакинский Карьер. А на Лытве город Александровск (20 тысяч жителей). В Александровске Лытва принимает приток Луньву, на котором стоит пос. Луньевка (600 жителей), первенец Кизеловского каменноугольного бассейна. Здесь, в ее среднем течении, в реку сливаются шахтные

* См. "Ивакинский конторщик" (УС, 1991, № 3).

река

воды. В результате Вильва совершенно обезжизнена. А ведь летом 1902 года посетивший Всеволодо-Вильву А. П. Чехов в этой речке щук ловил!

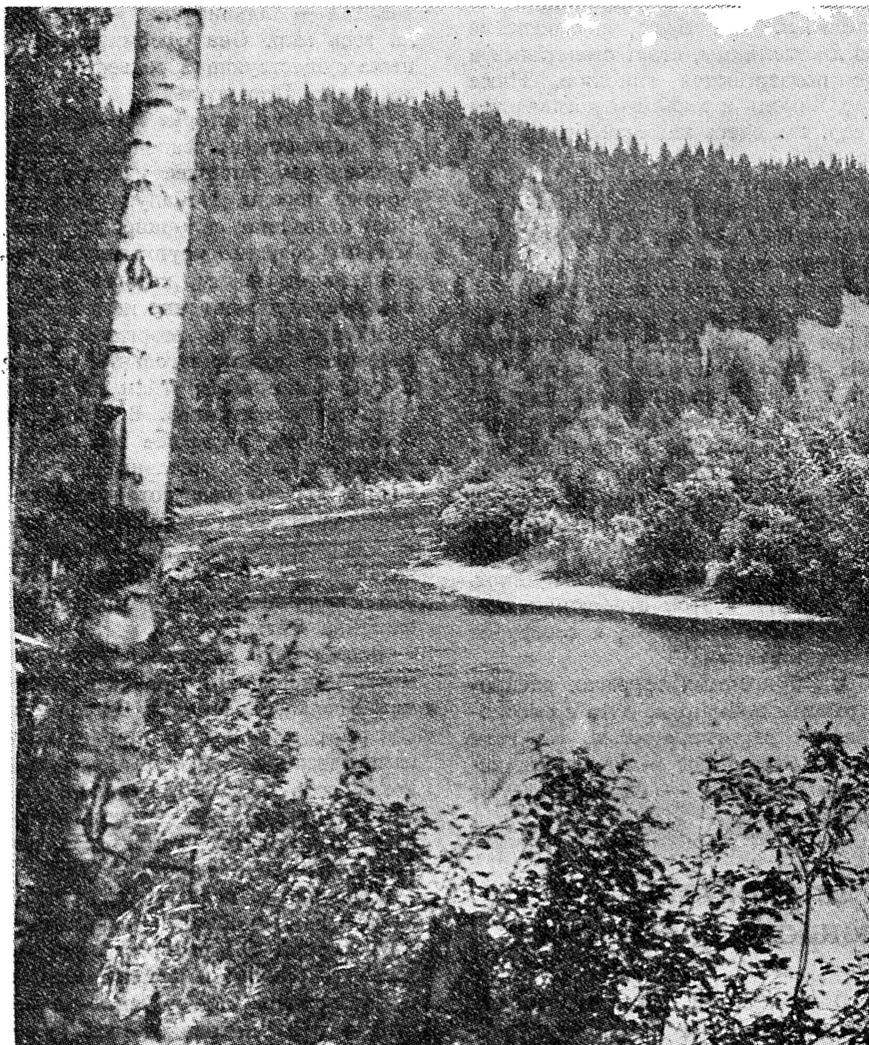
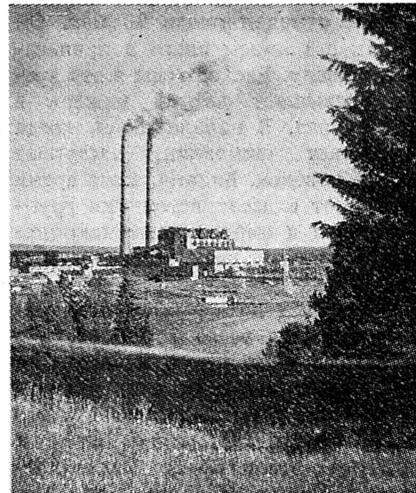
По глубокой долине протекает другой крупный приток Яйвы — Чаньва. Это горная река с большими перепадами высот на всем протяжении. В прибрежных скалах много пещер, которые несут на себе следы деятельности первобытного человека. На берегах Чаньвы между притоками Копюшка и Костанок добывают известняк для Березниковского объединения "Сода". Сюда ведет шоссейная дорога и железнодорожная линия полной колеи.

Особинки яйвинской тайги

Климат в бассейне Яйвы определяется северным положением ее территории, открытым северным массам воздуха влагосодержащим циклонам с Атлантики. Встречаясь, они всегда образуют осадки. Количество их возрастает с юго-запада на северо-восток, достигая местами 815 мм. в год. Причем наибольшее количество приходится на лето (38 процентов), весну и осень (23 и 27). А толщ зимнего снега, достигающие полутора метров, составляют всего 12 процентов годовых осадков. Летом температура воздуха в тени достигает + 38°C, а зимой опускается ниже - 48°C.

Реки одеваются в лед к середине ноября, а освобождаются от него только к концу апреля. Ледоход обычно длится 3—5 дней. В районе пос. Сухая ледоход заканчивается "затулумским льдом". Он плывет в виде отшлифованных на тулумах шаров, которые растаивают не доходя до устья Чаньвы.

Наиболее высокий уровень воды

в Яйве отмечен около 20 мая. Он связан с таянием снега в прилегающих лесах. Расход воды в это время превышает летний межень в 12—14 раз. В начале июля, когда расцветает шиповник, наступает вторая паводок. Видимо, в это время оттаивают в лесах источники грунтовых вод и выбрасывают накопившуюся за зиму воду. Влияет и обильные летние дожди.

Растениям на вегетационный период остается всего 150 дней, а в отдельные годы и того меньше.

Типична для этих мест темнохвойная тайга, елово-пихтовая с моховой подстилкой. Ниже Кади к хвойным добавляются мелколиственные: береза, осина, рябина, кустарники. В старину здесь было много лиственницы. Это лучший строительный лес. Дома, построенные из лиственницы, стоят столетиями и не подвергаются гниению. Ниже дер. Камень к хвойным добавляется кедр, так здесь называют кедровую сосну.

Повсеместно распространена липа. Это дерево дошло до нас из доледниковых времен. по ее распространению можно судить, до каких мест доходил древний ледник.

В ледниковую эпоху бассейн Яйвы был покрыт мощным панцирем плейстоценового ледника, был его южным краем. Граница ледника проходила через места, где сейчас протекает река Вильва и стоит поселок Всеволодо-Вильва. Глубокие долины, занятые сейчас рекой Яйвой и ее притоками, образованы не водными потоками, а именно массами доисторических ледников. Характерна в этом отношении глубокая торговая долина к северу от Александровска.

На приречных террасах распространены пойменные луга с высоко травной растительностью. На всем протяжении Яйвы — от горных истоков до устья — ей сопутствуют болота.

Где спрятаны сокровища Ермака?

В нижнем и среднем течении Яйвы к реке подступают живописные, высотой 30—40 метров, обна-

жения верхнепермских глин, песчаников и мергелей. В среднем течении, выше Сафоновой горы, — отвесные скалы нижнепермских и карбонных известняков и поломинов, высотой до 80 метров над уровнем воды. А в верховьях Яйва вскрывает девонские кварцевые песчаники. Хребет Кваркуш, как и вся водораздельная часть Урала, сложен нижнепалеозойскими кварцитами.

Нынешний бассейн реки Яйвы — это остаток некогда величественного горного массива. За время существования Урала здесь не раз происходили катаклизмы. На месте гор разливалось море. Затем морские отложения снова поднимались ввысь. Последняя стадия горообразования — "альпийская" — потрясла весь мир. Она сформировала и ныне существующий рельеф — поверхность Предуралья.

Западные предгорья Урала состоят в основном из осадочных пород. Причем чем западнее участок, тем моложе породы. Немалую роль играют отложения силурийского моря. Им мы обязаны крупными месторождениями нефти, которые впрочем пока промышленно не освоены.

В бассейн Яйвы вторгаются Кизеловские каменноугольные копи. Вместе с каменным углем возникли и толщи известняков. В пермский период море, залившее эти места, разделилось на отдельные мелководные лагуны, вода которых, испаряясь, образовала крупнейшее в мире Верхнекамское месторождение солей калия, натрия, магния. Оно тоже вклинивается на территорию бассейна Яйвы.

Вода в реке "жесткая", содержит много минеральных примесей. А речки Усолка, Соленая и Рассольная содержат хлориды, о чем говорят сами названия. В прошлые времена, когда соль была довольно дорога, жители прикамских деревень западали воду соляных источников, использовали ее в пищу и в быту.

Разрушение известняков грунтовыми водами привело к возникновению карста. Он распространен по всему бассейну и проявляется в форме воронок, пещер, гротов и частично пересыхающих речек (Ульвич, Сухая Скопкортная и пр.).

Многие гроты и пещеры изучены местным спелеологом-энтузиастом Е. П. Близнецовым, а иные из них внесены в перечень охраняемых природных территорий Пермской области. При обследовании донных отложений многих пещер обнаружены кости млекопитающих и кремневые орудия палеолита. А в одной из пещер по течению реки Чаньвы Близнецову повезло найти череп пещерного льва.

Чаньвинскую Вогульскую пещеру описал еще академик И. И. Лепехин, посетивший ее в 1771 году, когда возвращался из Сибири по старой Бабиновской дороге. В 1965 году Л. Балашенко обнаружил у входа в пещеру керамику времен энеолита (медного века, примерно IV—III тысячелетия до н.э.), а Е. П. Близнецов нашел медный наконечник стрелы. В память о посещении пещеры И. И. Лепехиным ей присвоили его имя.

Гроту Белоснежному повезло особо. Близнецов обнаружил здесь кости ископаемых животных, которые, по мнению археолога принадлежали северному оленю, лошади, шерстистому носорогу, мамонту, бизону и другим животным плейстоцена. Предположение Близнецова подтвердил академик О. Н. Бадер. А радиоуглеродный анализ показал, что возраст этих костных останков составляет 28 тысяч лет. По инициативе О. Н. Бадера гроту было присвоено имя александровского спелеолога Евгения Панфиловича Близнецова.

В шести километрах от пос. Скопкортная была разведана пещера, названная Пещерой Тайн. Здесь найдены громадные скопления черепов и костей пещерных медведей. Видимо, это было культовое место древних охотников, которые приносили сюда головы и передние лапы убитых пещерных гигантов. К сожалению, эта пещера стала памятником другого рода. После рассказа о ней в печати ее разграбили мародеры и любители первобытных талисманов.

Несколько пещер Близнецов разведывал в долине речки Аюноши, притока Чаньвы. В пещере Черных костей находки оказались раздробленными и обожженными, вероятно пе-

шерой пользовались охотники каменного века. А пещера на правом берегу Чаньвы так и называется — "Пещера подземных охотников". Она была обнаружена Близначевым в 1962 году и описана в книге "Пещеры Урала" (1971). В голоценовых ее отложениях обнаружены кости бурых медведей, кремневые отщепы со следами обработки, а также костяное орудие мезолита с вкладышами из яшмы.

По преданиям, где-то в верховьях Яйвы лежат сокровища Ермака и атамана Сокола. Документальных свидетельств этого, разумеется, нет. Но, как утверждает легенда, сокровища могли быть спрятаны в пещерах Соколиного Камня...

От нехоженой тайги — к "лунному пейзажу"

Исторически территория бассейна Яйвы входила в состав земель купцов и промышленников Строгановых, т. е. была дарована им русскими царями в XVI—XVII веках. Позднее юго-восточная часть — Александровск, Всеволодо-Вильва, Ивака и Луньевка — отошли Всеволожским. Административно же все эти земли лежали в пределах громадного Соликамского уезда.

В начале прошлого века Всеволожские построили в Александровске, Всеволодо-Вильве и Иваке три завода древесно-угольной металлургии. Появились пруды, энергия падающей воды привела в движение молоты для изготовления железного листа. Позднее Александровский завод стал машиностроительным, а в послевоенные годы специализировался на выпуске горно-шахтного оборудования.

Всеволодо-Вильвенский был в конце прошлого века перестроен, стал лесохимическим и называется "Метил". Ивакинский же перестал существовать.

В Луньевке многие годы добывали каменный уголь — пока запасы его не истощились. Еще живут лесопромхозы: Верх-Яйвинский, Ивакинский и Александровский. С краев на территорию вторгаются два

лесопромхоза — Кизеллага и Вишералага. Связующей артерией района служат железнодорожная линия Кизел-Соликамск.

Лесозаготовительные предприятия сильно сократили запасы древесины на территории бассейна реки Яйва. Лесхозы не успевают ее восстанавливать. Ведь саженец становится деловой древесиной лишь через 80—100 лет.

В дореволюционные времена здешние места не только кормили свой народ, но и давали товарное зерно. Ныне сельское хозяйство развито слабо, не способно накормить население региона.

Влияет неблагоприятная экологическая обстановка. Общее количество вредных веществ выбрасываемых в воздух Соликамско-Березниковским промышленным комплексом, Губахинским коксохимическим комбинатом сегодня составляет 137,7 тыс. тонн в год. В пос. Яйва по 6,5 тонны на каждого жителя.

Площадь загубленных земель на территории бассейна Яйвы превысила 380 гектаров.

Можно ожидать, что выйдут из строя реки Якуниха и Чикман, где предполагается добыча алмазов, недавно здесь обнаруженных. Поймы рек превратятся в безжизненный "лунный пейзаж", а воды, включая и Яйву, — в мутный грязевой поток.

Защитит ли тайгу заказник?

Чтобы сохранить природную среду, и оставить будущим поколениям не задетые цивилизацией участки тайги, в верховьях Яйвы на склонах Кваркуша создается заказник "Верхнеяйвинский". Эта территория навсегда изымается из хозяйственного пользования и может эксплуатироваться только в научно-исследовательских или культурно-просветительских целях. Она включает 37 кварталов Чикманского лесхоза и несколько кварталов Верх-Яйвинского лесничества. Здесь сохраняются кедровые насаждения, глухариные тока, клюквенные болота, участки, покрытые черникой, обры-

вы и крутые склоны, туристский маршрут и генетический резерват.

43 километра река Яйва течет в пределах заказника. Это та земля, где расположена площадь незамутненного ручейного, так называемого "эмбрионального водостока". Здесь насчитывается до 527 участков болот общей площадью 262 тыс. гектаров.

От каждого болота отходит ручей, который несет свою воду в Яйву. Труднодоступность территории сделала ее уникальной. Практически это единственный участок тайги, не тронутый антропогенным воздействием и обойденный пожарами.

По лесорастительному районированию территория заказника относится к области горных лесов, подзоне северной тайги. Преобладают ельники. Почвы торфяно-подзолистые переходного типа.

Благодаря труднодоступности района, здесь сохранились особо охраняемые дикорастущие растения и дикие животные — белка, куница, горностай, норка американская, росомаха, бурый медведь, лось и др. Из птиц — водоплавающие, глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка, в реке — харнус и таймень. Сохранившаяся здесь естественная тайга — эталон экомониторинга, участок, где обитают редкие, занесенные в "Красную книгу" птицы, исчезающие непромысловые виды животных. Понятно, что в случае рубки леса в этом районе не избежать необратимого нарушения экологического режима рек и потери биогеноценоза в целом.

Комиссия лесоустroительной партии Нижегородской экспедиции "Леспроект", которую возглавлял К. П. Татаринов, дала научное обоснование изъятия под заказник части сырьевого лесфонда Верх-Яйвинского леспроемхоза и привела ряд доводов, доказывая нерентабельность отводимых земель и в то же время уникальность природных образований.

Массив леса принесет наибольшую пользу для народного хозяйства именно как памятник природы, — к такому выводу пришла комиссия К. П. Татаринова.

Фото автора статьи и С. КОДОЛОВА

Юний ГОРБУНОВ

Невеста из Царьграда

На том перекрестке русской истории, когда языческая славяно-варяжская Русь искала себе веру, а следовательно культуру и последующую историческую судьбу свою, на том знаменательном перекрестке опять оказалась женщина и, похоже, роль ее была далеко не эпизодической.

Крещение князя Владимира и Руси киевской происходило на мечах и коварстве — совсем не так, как принимала христову веру княгиня Ольга. Предание доносит до нас следующее.

Давний и притягательный сосед Руси киевской — Византия — то добрый торговый партнер; то военный противник — теперь оказалась в трудной ситуации. У императора византийского Василия II открылась грозная оппозиция в лице двух мятежных военачальников. Император, как это и раньше нередко случалось, попросил русского князя помочь ему дружиной. А хитрый князь Владимир, умело оценив ситуацию, потребовал в ответ руку царевны Анны, кузины императора.

Требование было неслыханное и ни с чем несообразное. Византия — первая евроазиатская держава, центр культуры европейской, а тогдашнюю языческую Русь даже и государством-то назвать было трудно.

Но помощь позарез нужна была императору, и он смирил гордыню. Однако же поставил

условие: отдаст сестру в жены только христианину, язычнику — не отдаст.

Ситуация, конечно, была не та, что в Полоцке. И Владимир, скорее всего, предвидел это условие, потому что сразу же на него согласился.

Дело, конечно, было не в самом князе Владимире. Ведь совсем недавно он выступал неистовым язычником, незадолго перед тем устраивал в Киеве парады языческих идолов и кровавых жертвоприношений Перуну. Он и престол киевский удержал, потрафляя языческой партии против христианской, к которой тяготел несчастный брат его Ярополк.

А дело в том было, что Киевская Русь переросла уже свое язычество. Давнее и плодотворное соседство с Византией и Болгарией, обретение грамоты славянской — все поворачивало Русь лицом к христианству. Варяго-славянские купцы и воины, посещавшие Византию, воевавшие на ее стороне и против, не могли не вынести и не передать соотечественникам свое впечатление о красоте и нравственной высоте единобожия, его обрядов и храмов.

Язычество не могло не отступить перед столь близким и красноречивым соседством, а княжествам русским, этнической их разногласице нужен был не только административный, но и нравственный, духовный стержень, чтобы сообщество славяно-варяжское превратилось в народ русский.

Рисунок
Натали ПЛАСТОВОЙ

И еще ведь почему с такой готовностью повернулась Русь к христианству? Как ни противны были новой вере языческие обряды и боги, христианство тем не менее многим в язычестве согласилось, многое позаимствовало, лишь слегка переиначив, а кое-чему и подчинилось. Убедительно написал об этом Д. С. Лихачев в статье "Крещение Руси и государство Русь". Он разделяет в язычестве "вышую" мифологию, представленную богами и идолами и решительно отвергнутую новой верой, и мифологию "низшую", которая связана с бытовыми и трудовыми нравами и обычаями. Хочется сказать, с женским началом в народной жизни.

Разве не женскую суть находим мы в извечном, из глубины язычества идущем, уважении к земле-матери, земле-кормилице? Разве не женская доброта и милосердие сквозит в языческом же обычае помочи (толоки), когда общество приходит на помощь односельцу, не требуя платы, а довольствуясь общим угощением, и чтобы не обидеть жалостью, превращает толоку в веселый праздник, а, помогая вдове, несет и свое угощение? Сколько во всем этом женского, материнского, добросердечного! А ведь эти и многие другие языческие обычаи, получив христианскую окраску, живут и до сего времени.

Вот на этом-то распутьи Руси у великокняжеского престола в Киеве оказался мудрый и коварный, смелый и тщеславный князь-"робичич".

Сделав последнюю попытку "оживить", раскрасить языческих богов и увидев, что из этого ничего не получится, Владимир решительно пошел на сближение с христианством. Он принял условие византийского императора и, выполняя свое обещание, в 988 году послал в Константинополь шеститысячный отряд своей дружины, самолично проводив его до днепровских порогов. Помощь пришла очень своевременно. Войско мятежных военачальников было дважды разбито. Император устоял на троне и теперь должен был в свою очередь ответить на услугу услугой.

Но Василий II не спешил. Он вновь почувствовал себя царем Нового Рима и надеялся избежать неравного, на его взгляд, брака своей двоюродной сестры. К тому же и самой невесте ой как не хотелось уходить в далекую варварскую страну и быть женой уже много раз женатого князя, о котором послы и купцы византийские приносили столько противоречивых и устрашающих известий.

Царевну Анну источники называют то гречанкой, то болгаркой. У историков в этом согласия нет. Но новейшие из них, в том числе Д. С. Лихачев, считают, что верно и то и другое. Ее мать, дочь византийского императора Романа, была замужем за болгарским царем и, выходит, что по отцовской линии Анна была славянкой. Царствующему императору Византии Василию II приходилась она по матери двоюродной сестрой, то бишь была и гречанкой. В пору сватовства Владимира Анне исполнилось двадцать шесть лет.

Словом, император не спешил. "Сначала крестись, —

передал он Владимиру через послов, — а уж тогда пошлем тебе нашу сестру".

Но провести хитроумного "робичича" еще никому не удавалось. "Пусть крестят меня те священники, — отвечал он императору, — которые приедут ко мне с сестрою вашей".

Владимир, а за его спиною и Русь Киевская ждали ответа из Византии. А ответа все не шло и не шло. И Владимир решил мечом поторопить несговорчивого императора. Взяв сильную дружину, он пошел с нею на Корсунь, главную византийскую твердыню на северном Причерноморье. И осадил город.

Мужественно держались корсуняне, не даваясь киевскому князю. Но читаем у Карамзина: "к счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас". Со стрелой он пустил в русский стан послание князю и сообщил, где находятся колодцы, питающие город водой. "Доброжелатель" советовал князю перекрыть эти колодцы и принудить корсунян к сдаче.

"Если сбудется, — якобы загадал Владимир, — то крестись".

Случилось так, как предсказывала стрела предателя. Еще раз воспользовался князь изменой. Изнемогая от жажды, корсуняне открыли ему ворота города. Без крови конечно же не обошлось. Летописец сообщает, что убит был тамошний князь с княгиней. О прочих жертвах умалчивается.

Взяв Корсунь, Владимир шлет послов в Царьград с грозным предупреждением императору: "Если и на этот раз не отдашь за меня Анну, то и с твоим городом будет то же".

Угроза в виду падения Корсуни была реальной. Вчерашний союзник становился опасным врагом Византии, которая только-только с его же помощью избавилась от внутренней смуты. Да и не вовсе избавилась: один из мятежников, оставшись в живых, вновь угрожал императору.

Император снова подступил к плачущей навзрыд кузине, уповая на ее патриотические чувства: "А что если Бог обратит тобою русскую землю в покаяние, а греческую избавит от лютой рати? Видишь ведь, сколько зла наделала Русь грекам. И теперь, если не пойдешь за князя, будет то же".

Не сразу согласилась Анна, и долго не высыхали ее слезы. "Иду точно в полон, — прощалась она с родными, — лучше бы мне здесь умереть". Она уходила как заложница веры христовой. Кому, в самом деле, захочется добровольно и навсегда покидать Новый Рим ради варваров! В такое осеннее настроение Анны можно поверить. Зачем бы летописцу усугублять антипатию невесты-славянки?

Жители Корсуни встретили ее как избавительницу от бед и напастей, свалившихся на них с приходом русского князя. А сам князь вдруг заболел глазами и страдал до такой степени, утверждает летописец, что вовсе перестал видеть. Богословы, а вслед за ними и историки резонно полагают, что речь идет о слепоте духовной, о

неких сомнениях, посетивших Владимира: не прогневаются ли его прежние боги за новую веру?

Найдя Владимира в таком смятении и "слепоте", Анна наверняка испугалась, что он не прочь взять ее и остаться язычником, и миссионерское поднялось в ней. Вместо дикого варвара она узрела смятенного и заблудшего человека. "Если хочешь исцелиться от болезни, — сказала князю, — то крестись поскорее, иначе не избавишься от недуга". Так сказала женщина. И Владимир окончательно отринул сомнения. "Если и в самом деле такое случится, — отвечив ей, — то поистине велик будет Бог христианский".

Корсунский митрополит и византийские священники, прибывшие с Анной, совершили обряд крещения Владимира, и князь тотчас же прозрел. Вслед за тем был совершен христианский обряд бракосочетания. Владимир отказывался от прежних своих жен и с этого времени имел одну — христианскую. Ею стала славянка и греческая царевна Анна. По одним сведениям это случилось в 988, а по другим в 989 году. При крещении Владимир получил имя Василия — византийского императора, как некогда бабка его княгиня Ольга приняла христианское имя Елена — в честь царицы же византийской.

Благодарный Византии за столь блистательный для него акт и руку Анны, породнившую Русь Киевскую с домом ромейских императоров, Владимир вернул завоеванную Корсунь Византии — в качестве выкупа за невесту. Вместо пленников, пишет Карамзин, он взял с собой из Корсуни одних только священнослужителей, а вместо дани — церковные принадлежности, скульптуры и мощи тамошних святых. Ведь князю предстояло крестить Киев, а с ним и Русь Киевскую.

С заплаканным и смиренным ликом княгини Анны явилось на Русь христианство. Было от чего княгине томиться и скорбеть. Ей предстояло увидеть и познать остатки обычаев и нравов, таких как многоженство и наложничество, увидеть варварское свержение с пьедесталов вчерашних богов, узреть днепровскую купель, кипящую от тел разгоряченных...

Все это стало теперь естественным окружением княгини Анны. А между тем в лице этой смиренной женщины на русский великокняжеский двор впервые ступила европейски образованная особа царской фамилии, с большим багажом интеллекта и веры. Это был человек другого мира, уровня и стати. Анна принесла с собой иную культуру поведения и иную этику. Как женщина — человек подчиненный мужу, она не могла раскрыть свою мессианскую суть в полной мере, и в летописях, к сожалению, больше не оставила следов. Но можно с полной уверенностью сказать, что ее нравственное и эстетическое воздействие на окружающий, пусть и очень узкий мир, было благотворным.

Да, князь Владимир восстал из корсунской купели совсем иным человеком. Братоубийца и насильник, он, приняв христианство, смущался казнями разбойников — не согрешит ли этим? Больше, чем усобицам, стал при-

вержен щедрым пирам и празднествам. Есть тут несомненный след летописно-церковной традиции, есть действительное влияние новой веры, но не надо сбрасывать со счетов и присутствие рядом женщины — не девочки, не неофита, а человека с убеждениями, жизненными правилами и опытом христианским. В полном смысле слова — личности. Ее облик представляется нам тихим, смиренным, но внутренне сильным и цельным.

Крещение киевлян Владимир начал с собственного семейства. Потом было, как сообщает предание, низвержение идолов. Оно было тем более ревностным и скрытым, что боги языческие напоминали князю его собственный грех — давно ли сам их ставил и украшал.

По образу и подобию князя — так изначально повелось на Руси — обращалась в христианство и сама Русь Киевская. Стремительно падали идолы, их рубили на части и жгли. А главного — Перуна — привязали к лошади и потащили с горы, и волокли до самого Днепра. На пути этом люди неистово били вчерашнего бога палками, плача и стона при этом. Вот слова летописца: "Чюдны дела твоя, господи! Вчера чтим от человека, а днес поругаем!" Если бы не старая орфография, трудно было бы поверить, что слова эти век уже живут — так свежо и молодо звучат они сегодня!

Все было на глазах изумленной княгини — и иступленность, и покаяние. И страх, и слезы. Было дико и одновременно чем-то похоже на ее собственную судьбу...

Христианская проповедь и языческие слезы перемещались на Русь. Ходили по городам и весям византийские священники и сам князь, рассказывают, ходил, и "благодетель" его корсунянин Анастас, пустивший из осажденного города роковую стрелу, и болгарские учителя-книжники, за которыми немедленно послал гонцов Владимир... Русь обращалась в новую веру. Кто-то крестился сразу, иные, "множайше размышляя, отлагали день за днем", как писал Татищев, а некоторые упорствовали и бежали в степь, "как аспиды глухие, затыкая уши свои". Наконец князь повелел известить город, чтобы на другой день все, не принявшие еще креста, шли бы к Днепру, и кто не явится, будет противником ему, князю.

И забурила вода в Днепре от тел человеческих. Молитвы священников, стоявших на берегу, ликующие возгласы оглашенных заглушали уже слезы тех, кто упорствовал в вере.

Но Киев к Царьграду ближе. Куда больше слез, а то и открытого протеста было в северных княжествах Руси Киевской. Верный княжеский мажордом в Новгороде Добрыня-любечанин крестил, бывало, и мечом. Иные княжества еще долгое время сопротивлялись христианству. Но остановить обращение Руси к вере христовой было уже невозможно. То тут, то там уже встают на Руси храмы христианские. Первый из них — каменная церковь Успения Божьей Матери в Киеве. Здесь были поставлены античные скульптуры, иконы, кресты и соуды, привезенные Владимиром из Корсуни. Настояте-

лем стал Анастас Корсунянин. Ему и его храму полагалась десятая часть княжеских доходов, потому церковь называли еще Десятинной. Сюда, в Десятинный храм, Владимир перенес мощи своей бабки — княгини Ольги. Здесь же два десятилетия спустя будет похоронен и сам великий князь Владимир.

"Неповторимо прекрасным было сочетание античного наследия, византийского искусства и древнерусского умения, — пишет Р. Штильмарк в книге "Образы России". — Бронза и мрамор греческих скульптур, могучие башни и прясла крепостных стен, золотые купола и кресты Десятинной церкви, верхи княжеских теремов на Старокиевской горе царили над пестрой неразберихой нижнего города".

Первые русские храмы, а также прекрасные шатровые хоромы знати киевской строили вместе с ромейскими скульптурами русские опытные мужи "от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь".

При Ольге было еще не крещение народа. Владимир же взял на себя смелость и труд приобщить Русь Киевскую к миру богоизбранному, христианскому. И Анна, в которой говорила же и славянская кровь, шла на это божье дело как на высокую жертву — ради присоединения Руси варварской к империи христианской. К миру, существующему как высшее целое. Именно так, вслед за Римом, воспринимали христианство византийские ромеи. Так его должен был воспринимать и князь Владимир.

Русь и Византия были далеко не равны по "удельному весу", но та и другая была тем не менее самобытна. Русь приняла христианство из рук самой культурной и могущественной евроазиатской державы, но приняла его со своим языком и духовным своеобычием. Как и все варяги-пришельцы, то ли призванные, то ли сами забредшие на Русь, беспрекословно усваивали ее язык, становясь поэтому русскими людьми, так усвоила славянский язык и пришедшая из Византии вера, став верой русского народа. Русь не приняла культуру ромеев, а обогатилась ею, не подчинилась ей, а впитала ее в культуру свою, самобытную. И присутствие на этом начальном этапе "болгарыни" Анны, Анны-славянки и символично, и важно.

Как ведется у летописцев, в княжеский терем они не заглядывают, и мы потому ничего не знаем о том, как жила Анна после замужества. Знаем зато, что рождены были ею два младших Владимировых сына — Борис и Глеб. И Борис при этом был любимым его сыном.

Анна же, как сообщает предание, умерла в 1011 году и была похоронена Владимиром в том же Десятинном, можно сказать, фамильном храме.

Судьба сыновей княгини Анны оказалась трагической. Они стали первыми жертвами той междуусобицы, которая разгорелась после смерти Владимира между его сыновьями. Он благоразумно раздал им русские княжества, пытаясь не раздробить, а наоборот собрать Русь киевскую. А случилось обратное.

Заводилой смуты стал старший, но нелюбимый сын

Владимира — Святополк. Молва нарекла его сыном двух отцов, ибо он родился от второй жены Владимира — гречанки, которая осталась беременной вдовой после гибели Ярополка киевского.

Смерть отца застала Святополка в Киеве, и он, похоже, неожиданно занял киевский стол. Борис в это время воевал печенегов. Дружина его хотела идти в Киев и добыть для своего князя престол. Но молодой князь не захотел поднять руку на старшего брата, о чем и заявил дружине. И дружина покинула князя. Но Святополк и не думал оставить в живых опасного, любимого дружиной, соперника. С коварством, некогда присущим отцу, он воспользовался незащищенностью Бориса и руками бояр убил князя в его собственном шатре. Потом тоже хитростью выманил из Муромы совсем молодого княжича Глеба, убил и его. Наконец в горах Карпатских братоубийственная мания настигла и третьего его брата — Святослава. Только Новгородский князь Ярослав (будущий Мудрый) и его дружина остановили маньяка, которого молва справедливо нарекла Святополком Окаянным. (Существует, правда, и другая версия убийства Бориса и Глеба.)

Юные князья Борис и Глеб, чья доверчивость и великодушность к убийце признаются характерной чертой русской духовности, стали первыми святыми нашей христианской церкви. Нетленна память о них в народе. Их смерть стала идеалом русской "чистой страдательности" — как пишет С. С. Аверинцев в статье с характерным названием "Византия и Русь: два типа духовности". Но при этом мне не довелось встретить в литературе попытки как-то соотнести нравственные достоинства братьев с личностью их матери — княгини Анны. И это удивительно. Летопись и жития единодушно утверждают, что братья погибли очень молодыми, почти не выходя из духовного лона своей матери, в котором росли и воспитывались. Поэтому ответ их непорочной души и христианских добродетелей падает прежде всего на их мать, и начало духовности, от них исходящей, гнездится именно в славянской натуре "болгарыни" Анны.

Другие жены великого князя Владимира, его снохи и внучки оставили нам лишь имена: Ингигерда, Предслава, Доброгнева, Анастасия, Елизавета... О последней даже сохранилось поэтическое предание: пленила она сердце некоего норвежца Гаральда, и тот старался подвигами заслужить ее любовь. Об этом поет он в своей песне. В переводе она заканчивается словами: "А дева русская Гаральда презирает..."

Иные из женского окружения Владимира оставили только след национальной принадлежности: "чехиня", "гречанка". Порой, то или иное имя мелькнет в эпизоде нашей исторической драмы и канет... А драма — акт за актом — длится, не зная антрактов...

Урок седьмой: первые уральские заводы

К началу XVII века Урал, что называется, созрел для возникновения здесь промышленности. Он изобилует лесом, горными реками и рудой. Была и надежная водная магистраль — Чусовая. Центр мог дать специалистов и рабочие руки.

А металл России требовалось много, особенно на военные нужды.

Наш следующий "урок" как раз и посвящен первым уральским заводам. Его ведет Владимир Александрович Ляпин, доцент кафедры истории России УрГУ. Он много лет шефствовал в университете над Школой юного историка, а ныне преподает в Специальном учебно-научном центре УрГУ (университетском лицее). Кроме истории горнозаводского дела, Владимир Александрович усердно занимается историей одежды и мундира. Он — зам. председателя Екатеринбургского военно-исторического клуба, один из авторов книги "Екатеринбург в мундире".

Владимир ЛЯПИН

"Сибирского железа пушки..."

Первые заводы на Урале строит Сибирский приказ. А во главе Приказа в 1694 году был поставлен думный дьяк А. А. Вinius. Корыстолюбивый и ловкий сановник, он, вместе с тем, на деле оказался одним из образованнейших сотрудников Петра I.

Свои экономические и административные функции Приказ осуществлял через воевод, которые стояли во главе уездов. В 1695—1697 годах в Верхотурье воеводил столичный Д. П. Протасьев. Летом 1696-го, в самый разгар осадных работ под Азовом, Сибирский приказ предписал Протасьеву осмотреть, "в которых местах камень-магнит и железная добрая руда есть ли". Воевода сообщил в Москву, что руду нашли в двух верстах от реки Тагила у Краснопольской слободы и в окрестностях слободы Невьянской. Он выслал 5 пудов 35 фунтов образцов.

В Москве мастера-бронники "Тимошка с товарищи" заключили, что железо из той руды "против тульского, и свицкого (т. е. шведского) пожестче", "во всякие оружейные стволы и замки годится". Уральская руда испытывалась в Голландии, где из 100 ее футов получили 45 ф. "самого доброго железа". Отправили

руды и в Тулу — промышленнику Никите Антуфьеву (Демидову), которого Петр ценил как металлурга и оружейника. Демидов из того железа изготовил две фузеи и два копья, похвалив, что "железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лучше свицкого".

Узнав результаты опытов, А. А. Вinius послал верхотурскому воеводе грамоту, в которой предписывал "на реках Тагил и Нейва, где сыскана железная руда, завести вновь железные заводы. И на тех заводах лить пушки, гранаты и всякое ружье для обороны Сибирского царства и для привозу к Москве и в иные Понизовые и Верховые города".

Воевода однако еще раз обследовал рудные месторождения. Руду нашли в 15 верстах от Невьянской слободы и при впадении Алапахихи в Нейву. А место в 20 верстах от Краснопольской слободы у деревни Федьковки признали подходящим для строительства завода. Всего 35 верст было отсюда до судоходной реки Чусовой.

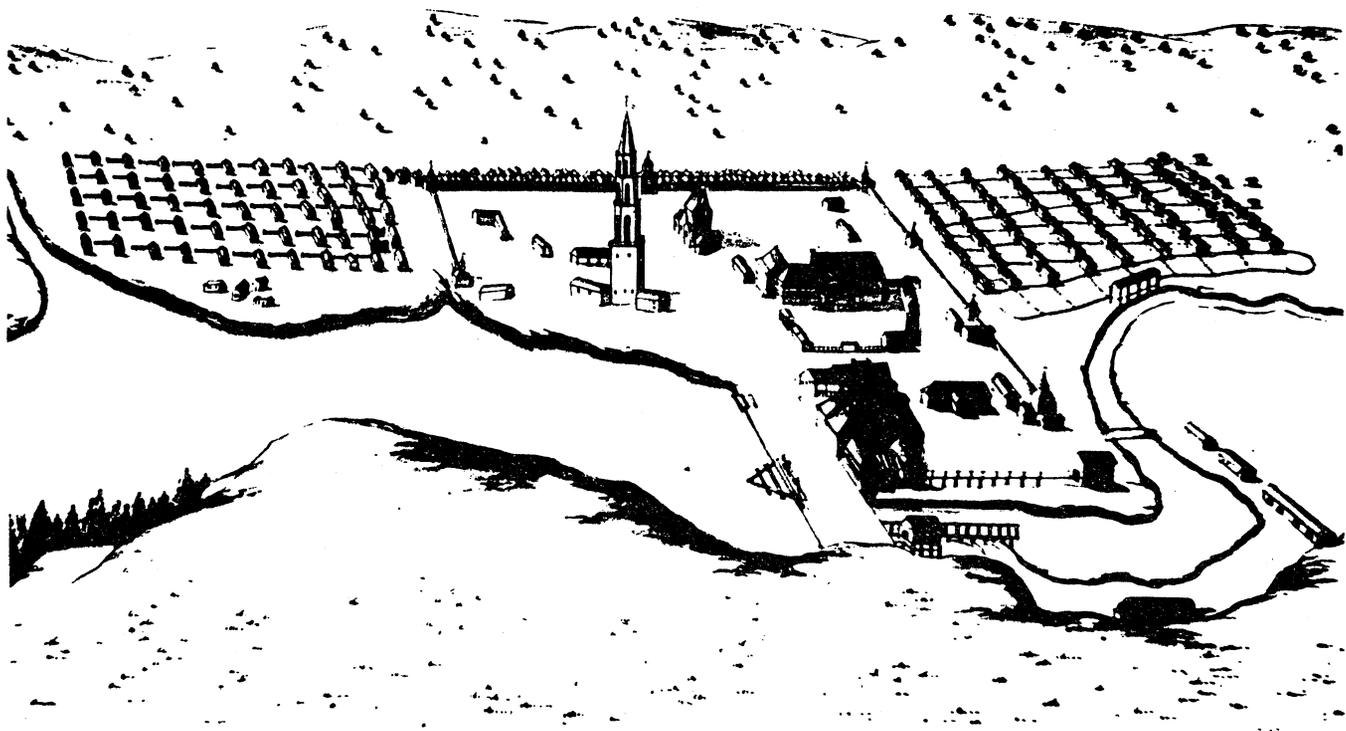
В декабре 1697 года результаты обследования и чертежи отослали в Москву, но там не торопились, видимо, потому, что царь Петр пре-

бывал за границей. Вinius переслал сведения царю, и только в сентябре от него последовал указ: "В тех вышеписанных местах завод завести". В Верхотурье потянулись мастера с подмосковных заводов. Восемь первых мастеров и 32 подмастерья прибыли на место в марте 1700 года. Руководить строительством назначили сына боярского М. Бибикова.

Другим царским указом тобольским воеводам Михайлу Яковлевичу и Алексею Михайловичу Черкасским повелевалось испытать руду, добытую во владениях Далматова монастыря. Образцы подтвердили высокое качество руды. Воспользовавшись давними спорами монастыря с казаками и крестьянами из-за земель по р. Каменке, правительство перевело эти земли в казну и в том же марте 1700 года в Тобольск из Сибирского приказа ушла грамота о строительстве на Каменке завода. Из московских мастеров, направленных в Верхотурье, сюда командировали плотинного мастера Е. Яковлева (Неклюдова). Строить завод велено было "споспешанием".

Невьянский поднимался медленно. Собрали на площадку крестьян из 15 близлежащих слобод. Мастера

Невьянской дворянина Акимфея Демидова Заплатъ

"ни в какое дело не вступали", так как плотинный Е. Яковлев обретался на строительстве Каменского завода. Верхотурский воевода по этому отослал мастеров в Тобольск, а оттуда их тоже направили на Каменский. Управляющий стройкой на Невье Бибилов вынужден был заняться заготовкой "всяких припасов".

Война, которую Петр I объявил Швеции в 1700 году, началась неудачно. Восемьтысячная отборная армия Карла XII разгромила 34-тысячное русское войско, наспех обученное и плохо вооруженное. Под стенами Нарвы Россия потеряла всю артиллерию: 95 осадных и 50 полковых орудий.

Положение сложилось критическое. Предстояло в кратчайший срок возместить потерянное. Дело осложнялось острейшим дефицитом

пушечной бронзы. Своей цветной металлургии страна практически не имела, а импорт цветных металлов с началом войны прекратился. Петр начал снимать колокола с церквей и монастырей "для делания пушек и мортир": колокольная бронза была близка по составу пушечной.

Производство артиллерии было поручено А. А. Виниусу, возглавившему с 1701 года также и соответствующий Приказ. Петр торопил его: "Ради Бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть".

К ноябрю 1701 года на Московском пушечном дворе отлили 243 пушки, 12 мортир и 13 гаубиц. Однако они не решили проблему перевооружения армии. Стало ясно, что война будет долгой и трудной. Выиграть ее без мощной военной промышленности невозможно и ба-

зой для ее создания должен был стать Урал. Строительство заводов резко ускорилось.

Вместо М. Бибилова руководить строительством Невьянского завода прислали С. Викулина — "для того, что он заводское дело управлять может и пред сего у таких дел бывал". Вместе с ним приехал плотинный мастер П. Павлов с Угодского завода Меллера Малоярославского уезда. Прибыв на место, Викулин тотчас затребовал от Сибирского приказа 300 пудов "доброего свицкого железа" для оковки валов и молотовых станков, 200 пуд. связанного железа, 200 сажень канату, а также железную бабу для забивки свай. Просил он, кроме того, прислать мастеров. Все затребованное было незамедлительно отправлено в Невьянск.

С весны 1701 года работы пошли

быстрее. Павлов присмотрел другое место для плотины, несколько ниже ранее намеченного, запросил на ее сооружение тысячу крестьян. Дополнительно было приказано изготовить 135 тыс. шт. кирпича. Возводить домну приехали московские каменщики. В итоге Виниус прислал верхотурскому воеводе грамоту с "милостивым словом", напомнив, однако, о скорейшем пуске завода ввиду большой дороговизны железа из-за прекращения его поставки из Швеции.

К лету 1701 года поднялись плотина, молотовая, два угольных сарая, но домна еще не была готова.

Возведение Каменского завода началось в июне 1700 года в двух верстах от впадения Каменки в Исеть. Крестьянами окрестных слобод руководил сын боярский И. Астраханцев и упомянутый уже плотинный мастер Е. Яковлев. К осени построили плотину, доменную печь, молотовую фабрику с двумя кричными горнами, кузницу, вспомогательные строения и 25 жилых изб. Датой пуска Каменского завода считается 15 октября 1701 года, а сам завод — первым на Урале.

15 декабря того же года доменный мастер Я. Фадеев получил и первый невянский чугуно. Верхотурский воевода торжественно докладывал об этом Петру I: "Милостью Божией, а твоим, Великого Государя, счастьем, с нашей, холопей твоих, к тебе, Великий Государь, службою и всеусердным радением, твои, Великий Государь, Верхотурские железные заводы в совершенство приведены, а руда в домну засыпана декабря 11 числа и мехи дуть почали, а из домны чугуно пошел в 15 день, а из чугуна железо пошло в дело января 8 числа".

Первые уральские орудия были отлиты на Каменском заводе. Пять пушек, две мортиры (орудия были неочищенные и несверленные, т. е. сверильный цех еще не был построен), 56 ядер, 19 бомб были отправлены в Москву на санях в феврале 1702 года. В столицу обоз прибыл 9 марта. После окончательной отделки на Московском пушечном дворе первые уральские орудия опробовали. Присутствовавший на ис-

пытаниях Виниус сообщал Петру, что орудия оказались "зело изрядны". Обрадованный царь за редкую оперативность удостоил тобольского воеводу М. Я. Черкасского "многого похваления".

Каменский завод задумывался не только как пушечный, но и оружейный. С этой целью сюда направили суздальского оружейника Н. Пиленку с 49 подмастерьями для производства 5—6 тыс. фузей в год. С первым же каменским обозом Пиленок отправил 12 ружей. Однако в дальнейшем было решено строить особый оружейный завод на реке Ремзянке в 10 верстах от Тобольска, снабжая его железом с Каменского завода.

Невянский завод принадлежал казне только два с половиной месяца. По указу 4 марта 1702 года он передан Никите Демидову. Мотивировка была такая: "те заводы Верхотурские ему, Никите, для того Мы, Великий Государь, отдать указали, что нерадением и многими крамолами приставников чинилось тому доброму и полезному делу остановка и уездным людям премногая тягость, а Нашей В.Г. казне в дачах мастеровым людям лишние расходи". Но главными были конечно экономические причины. Завод надо было постоянно финансировать, а это не сразу окупалось. Н. К. Чупин писал, что "наука государственного хозяйства давно уже решила, что казна не может заниматься горным промыслом с такой выгодой, как частные лица". В Демидове Петр нашел предприимчивого и умелого дельца, который, не забывая о собственной выгоде, умел и государству принести огромную пользу. В 1700 году, писал В. Шишонко, узнав от самого же Петра, с каким трудом он доставал солдатские ружья, платя за каждое по 10 и 12 руб., Демидов представил ему сначала шесть отлично сделанных им самим ружей, назначив по 1 руб. 80 коп. за каждое. Словом, просьба Демидова к Сибирскому приказу об отпуске его в Сибирские заводы и предлагаемые им условия как нельзя более соответствовали видам царя. 20 мая 1702 года состоялась передача Невьянского завода. Деми-

дову отдали мастеровых, переселенных в Невьянск из Москвы и Тулы и работных людей из местных крестьян. Демидов обязывался сумму, потраченную казной на строительство завода, и стоимость полученных им материалов возместить продукцией, поставляя в казну в течение пяти лет ежегодно 14 тыс. пуд. металла. Грамота Сибирского приказа предписывала Демидову "ставить в казну всякие воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты". Были утверждены расценки на военную продукцию "с убавкою вполы" против расценок европейских заводчиков. Правительство настаивало еще и на производстве шпаг, но Демидов отказался, "потому что на заводах его, Никиты, таких мастеров нет".

В 1702 году на Каменском заводе было отлито 182 орудия и 12418 снарядов. По распоряжению А. А. Виниуса 45 орудий отправили в том же году в Москву на 30 крестьянских подводах "от слободы до слободы", т. е. в счет выполнения подводной повинности.

В Невьянске же Виниус в ноябре того же года обнаружил всего четыре несверленных пушки, отлитых еще в пору казенного управления, и "усмотрел, что мортиров и гаубиц лить не почато". Демидов, объясняя причины, писал: "Пушек, мортир и гаубиц не вылито потому, что верхотурские воеводы Великого Государя именного указу не послушали и поставили то дело в смех, и для сечения угольных дров крестьян прикащикам моим не дали". Демидов жаловался на то, что все заводское оборудование "в дело не годится". В частности, "тчан, в котором льют пушки, плавал на воде. Канатное воротовое рыскало, что таскают из тчана пушки, зделано не против тчана. Отсега учинилась пушечному литью остановка".

Виниус тотчас направил Демидову "память", в которой требовал, чтобы бы то ни стало отлить нужные орудия и еще по зимнему пути отправить хотя бы одну пушку, а остальные — летом. Мастерам следовало объявить, что орудия должны быть "чистые, а не криворотые и не нездравые и без всякой охулки".

В противном случае из мастеров "быть кому повешену".

В ответ на настойчивые жалобы Демидова на нехватку рабочей силы, Петр отдал ему земли и леса по реке Нейве "во все стороны по тридцати верст" вместе с Аятской, Краснопольской слободами и селом Покровским. Этим указом было положено начало в центре Урала обширной горнозаводской вотчины, демидовского "горного царства".

В 1703 году Невьянский завод отлил 52 пушки и 1 мортиру. В марте Н. Пиленок отправил в Москву 208 фузей. Оружейный завод под Тобольском к этому времени представлял собой централизованную мануфактуру ("две избы для общей работы").

Таким образом, к весне 1703 года Урал уже оказывал действительную помощь в войне со шведами. Край становился кузницей оружия.

В том же 1703 году в трех верстах выше Каменского началось строительство Верхне-Каменского завода. Это было первое на Урале вспомогательное предприятие-цех. Здесь сверлили пушки и изготавливали железо.

Той же весной тобольский воевода Черкасский начал готовить к отправке первый караван с продукцией Каменского завода. На Уткинскую пристань на Чусовой прибыли начальник будущего каравана С. Резанов и служивый человек И. Станикеев и начали строить судаколоменки. Караван должны были обслуживать 400 тобольских крестьян в счет повинности. Первый уральский караван, открывший чусовскую транспортную артерию, отправился в путь 27 апреля, а 18 июля прибыл в Москву. "Ведомости" сообщали: "Ныне июля 18 день привезли к Москве из Сибири в сороке двух стругах триста двадцать три пушки великих, двенадцать мартиров, 15 гоубиц, да с теми же пушками привезено железа, стали и укладу немалое число и еще ожидаем другого каравана вскоре. А в Сибири велми умножается железный завод, и такова доброго железа в свейской земле нет". Всего же в 1703 году на Каменском заводе было отлито 522 орудия.

Весной того же года отправил

первый караван и Демидов. На трех стругах везли две пушки и 8,5 тыс. ядер.

Прибытие первых караванов с Урала совпало и с первыми крупными победами русского оружия в Северной войне. Сообщая Винуусу о взятии Нотебурга, Петр I отмечал, что "артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила". В ответном письме Винуус радовался тому, "что сибирского железа пушки и мортиры опыт свой выдержали".

В первые пять лет промышленного производства на Урале (1700—1704) вошли в строй еще два крупных завода — Уктусский и Алапаевский. Казна не надеялась на приток сюда частного капитала и сама выступала в роли промышленника.

4 декабря 1702 года на Уктусе крестьяне окрестных слобод начали строительство доменного и медеплавильного завода. Построили "острог рубленный о дву башнях проезжих, церковь деревянную, двор для житья начальникам, приказы в дву избах, для житья мастеровым людям 21 избу, плотину, при ней 2 молотовые, две доменные печи, 2 сарая, кузницу, караульную избу". Железная руда доставлялась с Решетского и Шиловского рудников, "приисканых" крестьянином Арамилской слободы Р. Бабиним. 14 ноября 1704 года завод был пущен и производил артиллерийские снаряды.

Тогда же по указу Петра I в Верхотурском уезде на реке Алапахе неподалеку от впадения ее в Нейву был построен Алапаевский завод. Дата начала строительства точно не установлена, но, судя по письму верхотурского воеводы в Тобольск, 29 мая 1703 года завод уже возводился, а в 1704 году отправил в Москву две пушки.

Начало, казалось бы, было удачным. Здешние орудия стали известны за границей. Винуус сообщал Петру: "Агличане сибирские пушки зело возлюбили и просят одной пушечки для образца". Но вскоре появились сообщения, что "пушки сибирского литья в стрельбе ненадежны". Сказалась спешка в организации производства, отсутствие опыта,

а также то, что техника производства чугунных пушек, особенно из тугоплавкого магнитного железняка, стояла еще на низком уровне. Чугун выходил жесткий, крупнозернистый, и орудия разрывались при испытании. В результате по указу 19 ноября 1705 года производство артиллерийских орудий на Невьянском, Алапаевском и Каменском заводах было прекращено, а "велено на тех заводах лить бомбы и гранаты", производить полосовое железо. За три года Каменский завод отлил 854 орудия, из которых отправил в Москву 567, Невьянский — 350 орудий, из коих большая часть оставалась на заводе. Таким образом, нет оснований считать Демидова основным поставщиком орудий для русской армии, как это сделали, например, авторы фильма Свердловской киностудии.

Стрелковое оружие производилось и на Невьянском заводе. Сюда "для делания тысячи фузеев" прибыло 10 лучших тульских мастеров. Кроме фузей, делали карабины, пистолеты, палаши.

Оружейное производство на Урале и в Сибири прекратилось в 1723 году. Оружейный завод под Тобольском к этому времени был уже крупной мануфактурой, на которой работало 154 чел. После прекращения оружейного производства тобольские оружейники занялись кузнечным промыслом и торговлей.

Таким образом, в 1700—1704 годах четырьмя крупными заводами казна положила начало уральскому горнопромышленному району. Построенные в этот период частными лицами Мазуевский (близ Кунгура) и Шuvaкишский (в окрестностях будущего Екатеринбургa) заводы были слишком малы, чтобы играть заметную роль в металлургическом производстве.

Александр БРЫЛИН

В ожидании берестяной грамоты

До недавних пор археологов ставили в тупик неизвестного назначения предметы, изготовленные из металла или кости. Это небольшая палочка длиной в два—два с половиной вершка. Один ее конец тонко заточен, второй обычно утолщен и переходит в отполированную головку, иной раз художественно оформленную.

А около сорока лет назад, в Новгороде обнаружили клочок березовой коры с выдвинутым на ней письмом. находка произвела сенсацию в научном мире. Оказалось, что на бересте не писали чернилами, а выдавливали (или выцарапывали) специально остро заточенным предметом. Археологи теперь тщательно рассматривали всякую, попавшую в руки бересту. Обнаружив на ней письмена, присваивался находке номер и называли "берестяной грамотой".

К концу 1993 года в разных городах найдены 754 берестяные грамоты. Ученые составили по ним своеобразную берестяную летопись, содержащую ценные сведения из русской культуры. Многие узнали даже об уровне грамотности средневековой Руси. В Новгороде грамота была, оказывается, достоянием не только знати, но и самых низших слоев городского люда. Среди авторов писем на бересте были и женщины.

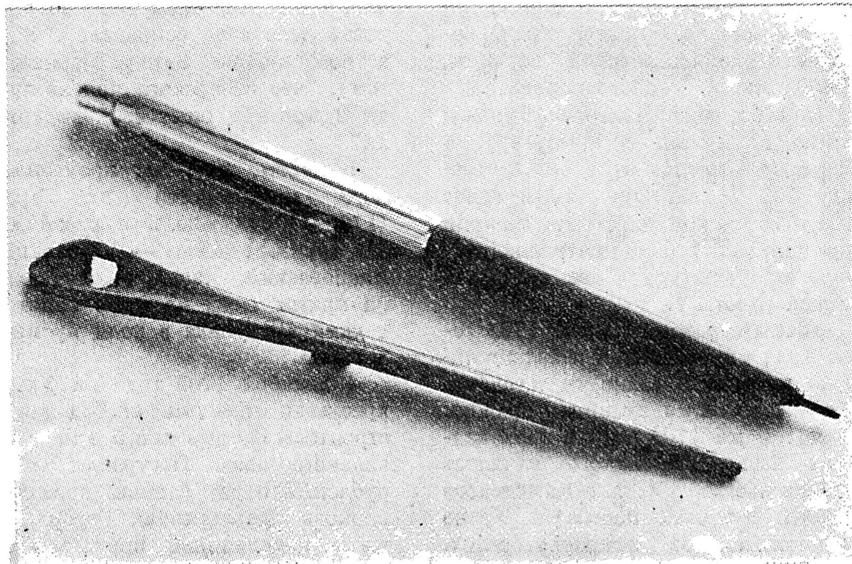
Вот тут-то и вспомнили о старинных предметах непонятного назначения. Эти загадочные палочки, внешне похожие на современные шариковые ручки, называются "писалами". Ими выдавливали или выцарапывали цифры и буквы на сырой бересте. Отполированная головка или утолщение с косым срезом служили для затирания неправильно нанесенных знаков или исправления ошибок.

Именно такой предмет из кости лежит сейчас передо мной. Он найден в селе Покровском Артемовского района Свердловской области. Во дворе одного из домов на центральной улице, той ее части, которая исстари называется "заимкой", бурили скважину для артезианского колодца. С глубины полутора метров kern выбросил вместе с землей и костяную палочку.

Вначале я принял ее за большую, как у нас говорят на селе, "хомутовую иглу". А на правильную догадку натолкнуло сообщение о том, что в Кировской области при раскопках Никулицкого городища

найден писало — костяная палочка для письма выдавливанием на бересте. Тогда я взял сырую бересту, приготовил из нее небольшой листок и острым концом найденного в Покровском предмета нанес надпись. И убедился, что это скорее всего писало.

Но как оно здесь оказалось?

...Село Покровское — одно из старейших русских поселений Свердловской области. Основано в 1621 году монахами невянского Богоявленского монастыря. Именно отсюда, с берега небольшой речки Бобровка (приток Ирбита), и началась монастырская заимка. Здесь появились первые крестьянские избы села, вытянувшегося впоследствии вдоль речки на семь верст.

Двор и дом, где найден костяной предмет, принадлежал коренному покровчанину П. Н. Писчикову. В их семье живет молва о том, что предки их жили на этом месте со времен основания села. Передается, например, рассказ о великой беде, постигшей первопоселенцев во время нашествия конных башкир и калмыков в 1663 году. В старинных грамотах, опубликованных историком В. Н. Шишонко, об этом событии говорится так: "...башкирцы монастырское село Покровское повоевали, церковь божию со всеми строениями сожгли, и мельницу, старца поселского убили, крестьян 78 человек убили, женского полу, и девок, и робят в церкви погорело и в полон взято девять десятъ пять (девяносто пять, — А. Б.) душ, кроме младенцев..."

Эти события произошли в XVII веке. Писали ли тогда еще на бересте? Оказывается, писали. В екатеринбургском му-

зее хранится берестяная книга XVII века. Правда, она исполнена чернилами. А совсем недавно в Суздале обнаружено железное писало XVII века.

Среди первопоселенцев Покровского несомненно были грамотные. Обращает на себя внимание фамилия владельцев дома, где найден костяной предмет, —

Писчиковы. В церковных книгах их записывали по-разному: то "Писчиков", то "Пищиков". А по словарю В. И. Даля "писчик" и "пищик" — это писец, писарь. Ирбитский краевед конца прошлого века уроженец села Покровского И. В. Воробьев в автобиографической рукописи "Мой путь" отмечает, что его мать Степанида Родионовна Писчикова была из грамотной семьи. Генеалогическое древо Писчиковых по сохранившимся в архивах церковным книгам прослеживается до середины позапрошлого века, устремляясь к временам основателей села, среди которых кто-то мог быть и "писчиком". Вполне возможно, что между фамилией владельцев дома и найденным предметом есть прямая связь.

Может быть отыщется в Покровском и 755-я берестяная грамота?

г. Артемовский,
Свердловской обл.

Фото Эдуарда СОКОЛОВА

ЧИСТЫЙ РАЗУМ

Повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

На первых порах инспектор произвел двойственное впечатление. С одной стороны — представительный упитанный битюг с тяжелой "волевой" челюстью, с другой — не соответствующая внешности мелочность, какая-то нарочитая суетливость, подозрительность. Чувствовалось, что если такой прицепится, то нескоро отстанет.

Глазки у битюга были голубенькие, безмятежные, умеющие, однако, наливать свинцом. Звали его Аркадий Семенович Ильин. Кто бы мог предположить, что у Аркадия Семеновича за плечами десятилетний опыт космодесантника, руководство подразделением космической психогигиены, что теперь он — член Совета по внеземным связям, эксперт высшей категории по аномалиям чистого разума? Этого мы не знали. Мы видели перед собой крупного въедливого мужчину с обезоруживающей улыбкой, которой он как бы маскировал свою въедливость, инспектора, занимающегося расследованием несчастного случая. Ильин шатался по станции, разговаривал с людьми, к себе вызывал редко и ненадолго. Пользуясь своими правами, уединялся на по-

сту контакта. Но в один прекрасный момент Тая пришла от него совершенно потерянная. Внешне она была по-прежнему эффектно: стройная, загорелая, в белой майке и голубых шортиках. Бросалась в глаза какая-то не свойственная ей подавленность.

Я сунул ей стакан с "тоником", который до этого собирался выпить сам.

— Он докопается, — сказала Тая, усаживаясь на низкую кровать и зажав руки между загорелыми коленями.

— Посмотрим, — я поставил стакан прямо перед нею на журнальный столик. — Собственно, докопается до чего? До ВИБРа? Он его сто раз видел.

— Что-то с фильтрами. Почему они не сработали?

— Мне кажется, это не в первый раз. — Было поздно, и я потихоньку готовил ей постель. — Я, например, лично задавал Черу вопросы и получал ясные ответы. Понимаю, это нарушение, но покажи мне человека, который бы этого не сделал. Просто-напросто кэпу не повезло.

У Таи сузились глаза...

Когда в постовую, куда я заскочил после вахты, вошел капитан, Вася Лаптев, дежурив-

ший в этот раз на посту контакта, сказал вдруг: "Хочет поговорить с вами", — и уступил место. Капитан Фунтиков садиться не стал, будто общение с Чером было для него в порядке вещей. Не моргнув глазом, он приспособил к вискам присоски и спустя несколько секунд рухнул без сознания. В бессознательном состоянии Евгения Антоновича перенесли на корабль, с которым после нашей радиограммы прибыл Ильин и который сразу взял курс на Базу...

— Ладно, ладно, — сказал я. — Ничего страшного, Антоныч-то жив.

— Жив? — странным голосом переспросила Тая.

— Но ты же знаешь, — не совсем уверенно сказал я.

Тая покивала и заторможенно сняла с вешалки халат. Чтобы не мешать, я перебрался в свою комнату...

Утром перед вахтой я устремился в душевую. Люблю по утрам ионный душ, особенно если всю ночь боролся с бессонницей. Бодрит, так сказать, и вдохновляет. Здесь уже плескался Вадик Коржиков, наш главный антенщик. Честное слово, я им залюбовался. По его торсу стегал душ Шарко, а он с невозмутимым видом читал с экрана бегущую строку последних новостей, которые гнали по всем телекорам станции прямо из радиорубки. Оставляя голову в покое, он плавно подставлял необработанные участки тела под тугую струю, чтобы вся площадь обрабатывалась равномерно. Восхищало его хозяйственное отношение к собственному организму. Честно говоря, я завидую людям, которые способны часами качать ту или иную группу мышц. Вадик на это был способен. Наш спец по излучениям чистого разума отличался отменным телосложением. К созалению, росту в нем было каких-то метр восемьдесят.

— Добрынин? — произнес Вадим ровным голосом, стоя ко мне спиной. — С Ильиным не разговаривал?

— Ждем, — ответил я, неторопливо раздеваясь.

— Что Тая?

— А что Тая? — переспросил я довольно агрессивно. Не нравился мне его интерес к моей жене.

Впрочем, я тут же об этом пожалел, потому что Вадька такого отношения к себе не заслуживал.

Он молча пошел выключать душ. Так же молча и быстро он оделся и уже взялся за дверную ручку, когда вдруг сказал, опять же стоя ко мне спиной:

— Таю к Ильину больше не пускай. Придумай что-нибудь.

И вышел, не дав мне рта раскрыть.

Очень интересно. Что-то ему такое известно об Ильине...

Тая уже проснулась, встала, но движения у нее были вялые, а глаза — как у мороженого судака, большие и глупые.

— О господи, какая мне чепуха снилась, — сказала она хриловато. — Наш противник, оказывается, ребенок.

— Какой противник? — насторожился я.

— Ах, да, — она зевнула. — Ну, конечно же, не противник. Партнер. Подопечный.

— Ты про Чера, что ли?

— Да. Он ребенок и он потрясен.

— Ты что, рассказываешь мне свой сон? — спросил я. — Интересно. И что же дальше?

— Дальше — как обычно. Я проснулась.

— А перед тем, как проснулась?

— Он был испуган, что причинил кому-то вред.

— Действительно, чепуха, — сказал я. — Чистый разум — и испуг. Тем более потрясение. Несовместимо, а? Как ты думаешь?

— Я же говорю — это был сон.

— Понятное дело — сон, — согласился я. — После вчерашнего разговора и не такое происходит.

— Да, конечно, — Тая как-то сникла. — Аркадий Семенович намекал.

— На что? — удивился я.

— На то, что мы попали в зону аномалии.

Чего-чего, а этого я никак не ожидал. В нашем секторе — и аномалия? Совершенно непонятно. Аномалии — это угасающие отторжения Чера, результаты, так сказать, добровольной ампутации отмирающей части. Здесь же чистенький, здоровый и крепкий Чер.

— Пойдем на кухню, — предложил я и по дороге спросил: — Так о чем вы вчера говорили? Что-то очень неприятное?

— Ой, Толечка, я не могу объяснить, — проговорила она скороговоркой, включая электролечь. — Вот я астробиолог, а он меня ловит на неточностях. Ты понимаешь? Он, неспециалист, мягко так, деликатно таскает меня, специалиста, за уши. Причем очень обходительно. Обходительный мужчина. Поставь, пожалуйста, воду... Но самое главное, вопросы. По смыслу — ерунда. Коротенькие необязывающие вопросы. Начинаешь отвечать — и в такие дебри лезешь. То есть, вопросы-то квалифицированные. Тут и дураку ясно.

Тая вынула из холодильника все, что необходимо для легкого завтрака, то есть масло, молоко, упаковочку с красной икрой, сосиски, и набрала заказ на доставку новой порции, но уже на ужин.

— Короче, раскрутил он меня своими вопросиками почти до точки. — Она вынула из пакета ржаной хлеб и жестом показала, что его надо нарезать (будто я сам не знал). — Я уже рот раскрыла, чтобы рассказать про доработку ВИБРа, как вдруг он усмехнулся и спрашивает: суперпозиция? Вы что, мол, тоже до этого додумались? А вы, мол, знаете, девушка, он так и сказал — девушка, что одурманивание чистого разума неэтично? И тут он рассказал коротенькую историю про одного типа, который умудрялся доводить Чера до состояния эйфории. Как-то к нему подключался и гонял всякую

похабщину. Я подумала: у нас почти то же самое. И подключение, и прекрасный контакт, и суперпозиция. А кто его знает, разум этот, что он там выискивает в наших глубинах и что потом в нас, в глубины наши, впихивает?

— Ну хорошо. — Я спрятал оставшийся хлеб в пакет и опустил сосиски в кипящую воду. — Пусть так. Но к чему он это рассказал?

Дело в том, что по станции уже ходили слухи про какого-то предприимчивого субъекта, ухитряющегося выходить на прямой контакт с Чером. Рассказ Ильина, который почему-то явился откровением для Таи, как бы подкреплял эти слухи компетентностью инспектора из Центра.

— С тем типом случилось то же самое, что и с нашим кэпом. Ильин назвал это информационным шоком. С одной разницей — наш капитан жив.

— А тот, значит...

— Вот именно. Как представлю, что это могло случиться с нами, так тошно становится.

— Давай-ка позавтракаем, — сказал я. — Сил нет, как есть охота.

По пути на вахту в свое навигационное хозяйство я хотел было заглянуть в рубку Коржикова, но передумал. Успеется.

Глыбообразный Сеня Рыбаков, которого я сменял, выразительно посмотрел на настенные цифровые часы. Я тоже посмотрел. Там было 8 час 1 мин. Эту минуту я потерял у дверей Коржикова.

— Хуже нет быть женатым, — завел свою песню Сеня, пока я устраивался в кресле дублера. — Вечно он не выспался, вечно он устал, вечно он опоздал. Утвердился? Расписывайся, да я пошел.

— Дуй, холостяк, — не глядя на запись в журнале, я расписался в приеме вахты. — Опять у тебя все в порядке. Преодолели, понимаешь, очередную космическую милю, а у тебя все в порядке. С каждой милей мы становимся старше, дружок. Заруби на носу.

— Ночью помеха шла. Вот из этого сектора, — Рыбаков привстал и, перегнувшись через пульт, щелкнул по экрану. — Не иначе — к дождю.

Все правильно, была помеха. В вахтенном журнале Сеня записал: "04 час 39 мин 52 сек. В секторе СВ-1735 визуально наблюдается помеха. Длительность помехи 1 мин (эта цифра зачеркнута) 02 мин 02 сек, следующая помеха через 03 мин с длительностью 02 мин 36 сек. Природа не ясна. Произведена запись пом. на дежурный осциллоскоп".

Чуть позже я разгадал характер этой серии помех, но сейчас моя рука произвольно потянулась к затылку.

— Я же говорю — не выспамшись, — сказал Сеня и ушел довольный собой.

Собственно, ничего сверхъестественного в этой записи не было. Наша станция исследовательская, дрейфующая, встречается на своем

пути различного происхождения излучения, регистрирует их, отфильтровывает посторонние наложения и выдает на контроль. Одно из направлений нашей работы. Тут было другое. Выявленная Сеней помеха шла точно из района нахождения Черы, который для любого вида излучений являлся экраном или, скорее, отражателем. А если быть еще точнее, то мы с нашими мощнейшими психозондами пробивались к нему после многочисленных безуспешных попыток, будто он был замкнут в защитном поле, как куколка в коконе. То есть, суммируя сказанное, можно было предположить, что Рыбаков зарегистрировал направленное излучение Черы. Такого еще не бывало.

И тут я вспомнил Таин сон, затем, почти тут же, странноватое предупреждение Вадима. На вызов по видеокому он ответил почти сразу. Некоторое время мы тарасились друг на друга.

— Вообще-то я думал, что ты зайдешь, — сказал он, усмехнувшись.

— Ты один? — спросил я.

— Один, — он снова усмехнулся.

— У меня к тебе дело.

— Пойдешь обедать — загляни, — сказав это, Вадим отключился.

А случай-то, видно, серьезный, если Вадим не доверяет даже внутренней связи, коммутация которой не позволяет подключиться к линии и тем самым перехватить информацию.

Я поймал себя на том, что лезу в область психогигиены, и успокоился. И занялся работой, которая отбивала всякие посторонние мысли, так как свою работу я старался делать хорошо. Привычка, так сказать, воспитание, самоосознание, наконец, себя в полезном для общества проявлении. Но, несмотря на это, во мне моментально завелся микродобрыйнин, который немедленно приступил к арифметике.

Итак, чистый разум, для краткости Чер. Предположительно — это цивилизация, достигшая всех мыслимых высот и в силу своего развития отказавшаяся от брентности. Распространенность в галактике — неизвестна, возраст — неизвестен. Обнаружен полтора земных года тому назад. В первой фазе обнаружения запеленгован дрейфующей станцией "Габарит" как объект, отражающий сигналы ДВ-локатора. Для "Габарита", не сменившего курс, оказался пронцаем без какого-либо видимого ущерба, но с повальной галлюцинацией у членов экипажа. "Габарит" отправлен в зону карантина. Следующий этап — поисковая станция "Каскад". Станция была оборудована психозондирующими "поплавками". Рассказывать о "поплавке" сложно, да и не нужно, главное, что он "плывет" по радиоканалу к абоненту, как по течению. Это при условии установления контакта с абонентом. Естественно, "поплавки" прибывало обратно к "Каскаду". Контакт был осуществлен после множества попыток. Объект позволил психозондам равномерно распределиться по своему участку протяженно-

стью в 300 километров. "Каскад" искал связи по всем разумным частотам около двух недель, после чего вынужден был уступить место "Утесу". Если говорить честно, знаков отличия в первую очередь заслуживал трудяга "Каскад", но никак не "Утес". Кстати, "габаритчики" в это время находились в изоляторе и как бы выпали из благодатной зоны наград. Тем не менее, открытие Чера было приписано экипажу "Утеса". Такого грандиозного банка информации еще свет не выдал, и на его освоение были брошены крайне щедрые средства.

В настоящее время в районах локализации Чера постоянно дрейфовали жилые станции, в том числе наша, поэтически именуемая "Глыбой" (существовали названия и поэтичнее, например — "Зелень", "Скирд", "Апельсон" и т. д.). Команды станций были малочисленны, что компенсировалось обилием автоматики.

Именно эта автоматика позволила одному умнику подключиться к Черу и втихомолку решать свои куриные проблемы. Для Чера это было раз плюнуть.

С этого умника и началось потребительское отношение к чистому разуму. Тот тип, про которого рассказал Тае Ильин, умудрялся подключиться к Черу напрямую. Настраивая автоматику на биоритмы своего мозга, он вызывал ответную реакцию, в результате чего получалось довольно оригинальное наложение двух гармонических колебаний (суперпозиция) различного информационного уровня. Тип начинал мыслить масштабами Чера, а Чер — масштабами типа. Отловил его дежурный электрик, который зафиксировал несанкционированную утечку энергии. По крайней мере, мне преподнесли это именно в таком виде. Хотя, может быть, и приврали для пользы дела. А вот про то, что тип этот, по словам Ильина, испытал тяжелейший информационный шок, который отправил его к праотцам, никто из нас не знал. Теперь по крайней мере было понятно, почему на "Глыбе" появился инспектор Ильин.

Все. Обед. Я сдал управление уже откушавшему эмэнэсу Люкакину и покинул вахту, спеша предаться чревоугодию. Но перед этим заглянул к Вадиму.

Мы прошли в оранжерею, которая располагалась на пути в столовую. Здесь всегда можно было найти укромный уголок, а также полакомиться спелым бананом или авокадо.

Вадим — парень не из разговорчивых, хмуроватый, можно сказать, парень, серьезный, а сегодня вообще какой-то суконный, будто работал три смены подряд. Хотел я его маленько подковырнуть по этому поводу, но вдруг он сказал:

— На тебе что, всю ночь воду возили, что ли?

Стало быть, и у меня такая же безрадостная физиономия.

Нет, братцы, ночь надо спать, кому нужно это бдение? Хряпнул бы того же барбамила, благо от барбитуратов аптечка ломится, — и

баиньки. Нечего уповать на ионный душ, если бессонница приняла хронический характер. А еще — нервы надо укреплять, братцы, вот что я вам скажу.

Мой ответ Вадиму был стандартный, на уровне песочницы и детского совочка:

— На себя посмотри, приятель.

— Что именно тебя интересует? — последовал немедленный вопрос.

— Видишь ли, Вадик, — сказал я. — Сегодня ночью Чер общался с кем-то из экипажа. Игнорируя нашу технику.

— Что ты говоришь, — без всякого энтузиазма процедил Вадим.

— Точнее, общался он с двумя... товарищами. Одного товарища я знаю наверняка, а вот второй... Будем вычислять дальше или сам расколешься?

— Аристотель, — буркнул Вадим. — Будь добр, подай вон ту грушу.

Он, видите ли, не желал на моих глазах прыгать да скакать за высоко растущей грушей. Приподнявшись на цыпочки, я сорвал ее и подал со слащавой улыбочкой и поклоном, как официант в старинном кинофильме.

Вадим впился в сочный желтый плод и не успокоился до тех пор, пока не обглодал до косточки.

— Порядок, — сказал он, ополаскивая руки в фонтанчике. — Значит, так. Чер может связаться, игнорируя нашу технику, как ты изволил выразиться, с любым из нас, но это ему достается ценой больших потерь и не доставляет радости. Напротив, связь через Таин ВИБР ему нравится, он испытывает наслаждение. В чем тут суть — не знаю. Наверное, при прямом контакте он теряет много энергии, а тут все-таки мощный радиоканал. Так вот, наш разлюбезный Ильин лелеет мечту наложить на психозонд запрет — как на зонд прямого контакта. Он, оказывается, практикует именно на этих вещах. Чер сказал, что Ильин его обворовывает и лишает того минимума удовольствия, который он испытывает при общении с нами, то есть с мыслящей протоплазмой. Роль Таи мне не ясна, но Чер предупредил, что ей не стоит больше общаться с этим инспектором. И дело, как я разумею, вовсе не в психозонде, сам знаешь — он прост в изготовлении, а в его принципиальной новизне, стихийно возникшей после Таинных доработок ВИБРа. Почему я так думаю? Объясню. Чер намекнул, что Таин вариант позволяет отфильтровывать ненужную ему информацию. Больше я ничего не знаю.

М-да, попробуй теперь состыкуй Вадькино изложение и Таин сон. Хотя она ничего толком и не успела рассказать, меня больше интересовал ее вчерашний разговор с Ильиным.

На всякий случай я сказал:

— Тут что-то не то.

— Ага, — согласился Вадим.

Не знаю почему, но во мне постепенно зрела уверенность, что от этого психозонда будет

большой вред. Бывает иногда такое предчувствие грозящей опасности. Оно тем более сильное, если не знаешь, откуда ждать опасность.

— Тут есть один непонятный момент, — сказал Вадим.

— Какой именно?

— Зонды есть на всех станциях. Хуже того, они предусмотрены инструкцией по контакту. И вдруг появляется официальный чиновник, можно сказать — создатель инструкции, и начинает на эти самые зонды накладывать запрет. Темновато?

— Действительно, — сказал я. — Действительно темновато... Если только это правда.

Вадим удивленно посмотрел на меня.

— Ты уверен, что Чер сказал тебе правду? Это, как-никак, ставит под сомнение деятельность Ильина.

— А зачем ему врать? — совсем уж удивился Вадим. — Как может соврать ребенок?

— Что ты сказал?

— Погоди, — Вадим опустил глаза. — Дай вспомнить. Ах, да, вначале была мощная посылка, что наш Чер очень юн.

— Все, сейчас мы окончательно запутаемся. Есть предложение подкрепиться и продолжить вечером. Вместе с Таей.

— Идет, — согласился Вадим. — Значит, первый товарищ — она?

— Вы очень проницательны, уважаемый.

Сразу после обеда меня вызвал Ильин. Эмэнэс Люкакин заскрипел было, что не обязан, что вахта — дело не его оклада, но потихоньку, полупешотом. Я не ответил, и он быстро успокоился. Понимал свою зависимость.

Опросом экипажа Аркадий Семенович занимался в кают-компании, днем обычно пустовавшей.

До этого я его видел лишь мельком, теперь разглядел получше. Ему под пятьдесят, и он похож на какого-то киноактера. Очень характерное такое лицо — с двумя продольными складками у рта, пристальным взглядом и редкой, но, как говорится, неотразимой улыбкой. Все это я выхватывал фрагментами, в процессе разговора, так как старался не встречаться с ним глазами. Терпеть не могу смотреть на человека в упор, тем более, если накануне этот человек был нелюбезен с моей женой.

— Меня интересует, Анатолий Иванович, где вы находились в момент происшествия? — начал Ильин.

— На месте происшествия.

— Да вы поконкретнее. Не стесняйтесь.

— В постовой.

— Так-так, и чем вы там занимались?

— Сидел в кресле.

— Нет, дорогой Анатолий Иванович, так не пойдет. Меня интересует — зачем вы туда пришли, кто конкретно присутствовал, в какой момент в постовой появился капитан Фунтиков,

ну и так далее. Понимаете? Меня интересуют подробности.

Я пожал плечами, но этого человека трудно было вывести из себя.

— Ну, хорошо, — терпеливо сказал Ильин. — Итак, вы сидели в кресле. Как вы оказались в этом кресле?

— Я был свободен от вахты, — разразился я наконец, и Ильин одобритительно кивнул. — Зашел. Вдруг, понимаете ли, понадобится моя помощь? Чер не любит простых вопросов. Так что, как правило, во время сеанса нас там трое-пятеро, а то и больше.

— Вот видите, как чудненько, Анатолий Иванович, — обрадовался Ильин. — А вы не помните, кто еще присутствовал при этом?

— М-м... Коржиков. Гусейнов... Э-э... Я. Кэп, разумеется. Лаптев... Пожалуй, все.

— Так. Роль Коржикова?

— Ассистент.

— Гусейнова?

— Ассистент.

— Лаптева?

— Оператор на связи.

— Когда появился капитан?

— Буквально за несколько секунд до происшествия. Почти тут же Лаптев сказал что-то вроде: "Он хочет пообщаться с вами". Капитана почему-то не удивило, что Чер вызвал именно его, хотя должен был знать, что у нас связь обезличенная.

— Вы говорите очень интересные вещи. Значит, Чер различает индивидуальности?

— Не знаю. Не уверен. Может быть, он попросил руководителя, начальника, самого главного. Вам лучше спросить у Лаптева.

— Благодарю за совет. Обязательно спрошу. Честно говоря, Анатолий Иванович, мне нравится ваша правдивость. Мне кажется, что в пиковой ситуации вы поведете себя правильно. Понимаете, в нестандартной обстановке самое главное — это выбор верного решения, то есть выбор первого шага. Если он правильный, то и дальнейшая линия поведения будет оптимальной. Вы спортом занимаетесь?

— Разумеется. — Я был несколько сбит с толку его неожиданной тирадой.

— Прекрасно. Я так и думал. Спорт дисциплинирует тело и эмоции.

Он посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

— Меня очень волнует то, что Евгений Антонович испытал информационный удар. Так сказать, чистейший информационный нокаут. Это при блокировочных фильтрах, сами понимаете, дело ненормальное. Я приводел вашей жене пример, в каких случаях это становится возможным, так что не буду повторяться...

Хитрый, черт. Намекает, что между мужем и женой нет секретов.

— ...В связи с этим к вам, Анатолий Иванович, как к навигатору, технически подкованному человеку, у меня вопрос: не мог ли кто-нибудь, отвлеченный индивид, скажем, дорабо-

тать психозонд на прямое подключение, минуя фильтры?

— Это исключено, — уверенно сказал я.

— Рад был познакомиться, — давая понять, что беседа окончена, Ильин встал, протянул мне твердую, как кирпич, ладонь. — Не забудьте о выборе первого шага. Это вам поможет в трудную минуту.

Улыбка преобразила его угрюмоватое лицо, глаза из стальных превратились в пронзительно голубые, веселые, и тут я вспомнил, где его видел раньше. Перед самым уходом в экспедицию, еще на Земле, по телекору. Показывали старую хронику о космодесанте в Зону Освоения, увлекательную и захватывающую, как хороший детектив. Вот тебе и киноактер. А мы-то, пентюхи, были убеждены, что это обычный бюрократ из Управления. Значит, хватка у него, как у всякого десантника, мертвая. Сейчас он ищет зацепочки, мелкие, вроде бы ничего не значащие факты, собрав которые воедино, он сможет развернуться по-настоящему. Вот тогда только держись. Но почему с Таей он обошелся так сурово? Вчера она пришла измочаленная, выжатая. Может, он женоненавистник? Есть, говорят, такие. И вообще, кто он, в конце концов, такой, этот Ильин? Судя по всему, он исследует возможности прямого контакта с Чером. То есть, тут я неточен, не исследует, а ищет нарушения в системе контакта. С тем, чтобы, как сказал Вадиму Чер, их пресечь.

Я остановился посреди пустого коридора от диковатой мысли. А вдруг Аркадий Семенович Ильин именно и ищет прямого контакта с Чером? С меркантильной целью. Он уполномочен властью, все карты ему в руки. Очевидно, на мое настроение наложили отпечаток его жесткий разговор с Таей и какие-то подозрительные намеки о выборе первого шага в трудную минуту.

"Нет, — сказал я себе, — ночью будешь спать, как миленький. Иначе начнешь сам себя подозревать"...

— А ты боялся, — сказал я эмэнэсу Люкакину, показывая на часы. — Каких-то пятнадцать минут, зато нытья-то, нытья!

Люкакин в ответ пробурчал слова, которые здесь не стоит приводить, и я понял, что, кажется, между нами, то есть навигатором и стажером, начинает таять ледок недоверия.

Конечно же, такой деликатный человек, как Вадим, не мог зайти в семейную квартиру просто так. Предварительно он связался с нами по видеокому. Насчет ужина он сначала и слышать не хотел, но я сказал, что заказ уже сделан. К его приходу стол был накрыт. Одно дело поесть в общем зале и совсем другое — в семейном кругу. Тем более, что у нас было несколько банок варенья, заготовленного еще на Земле. Хотя справедливости ради надо признать, что это чистойшей воды ностальгические нюансы: здесь, на станции, всего было

вдоволь, включая сюда и черепаховый суп (концентрат с пряными добавками, изготовленный из минтая по особой технологии), и экзотические плоды из станционной оранжереи. Но земляничное варенье — это земляничное варенье, и никуда тут не денешься.

Вначале Вадим держался скованно, но потом понемногу ожил, и за столом установился тот легкий треп, который спонтанно может перейти в серьезный разговор. Так в конце концов и вышло.

— Короче, сойдемся на том, что Ильин ищет нарушения в системе контакта, — сказал я, когда мы приступили к десерту. — То есть, он ищет те зонды, в которых не срабатывают фильтры, и связь идет напрямую. Кстати, он спрашивал меня — нельзя ли для этой цели доработать зонд, и я ответил отрицательно. Разумеется, про ваш ночной контакт я ему не докладывал, тем более, что инициатор — Чер, но должен предупредить, что его излучение официально зафиксировано на осциллографе Сеней Рыбаковым. С записью в бортовом журнале. Запись зарегистрирована как помеха, но тот же Ильин при желании может легко определить ее характер. Между прочим, он бывший космодесантник.

— Он еще, между прочим, из подразделения космической психогигиены, — вздохнув, сказал Вадим. — Он это подразделение возглавляет.

— То-то я его где-то раньше видела, — задумчиво произнесла Тая.

— Да, раньше его частенько показывали по учебной программе. Толковый дядька. Я как-то просматривал комплект микрофильмов по психогигиене — так, любопытства ради. Масса ильинских сценариев. Потом он куда-то исчез.

— А знаете что, ребята? — сказал я. — Пожалуй, у него есть резон связаться с Чером напрямую. Ведь что есть фильтры?..

— Ну, ты даешь, — Тая фыркнула, а Вадим с сомнением покачал головой.

— Я пока выскажусь, а вы меня потом разобьете в пух и прах. Договорились? Итак, что есть фильтры? Защитная цепь в системе контакта, отсекающая нестандартные частоты наших биотоков. Правильно, Вадим? Я ведь не специалист.

— Коряво.

— То есть, как только мы переходим границу дозволенного, пускаем в ход эмоции, неизбежные при отступлении от программы, как фильтры срабатывают. Кажется, логично?

— Ну-ну, — сказал Вадим.

— А ведь гигиенист оперирует именно этими самыми эмоциями. Это его рабочий материал. Зачем ему стандартные мысли и чувства, ему подавай аномалии. Нет, как раз фильтры Ильину и не нужны.

— Такого зонда он нигде не найдет. — Вадим помешал ложечкой в чашке. — Зонды у нас дуракоустойчивые.

— Тогда объясни, что случилось с капитаном.

— Что-то вертится в голове, но никак не ухвачу, — признался Вадим.

— Ребята, а ведь Чер связался с нами напрямую, — сказала вдруг Тая. — Минуя ВИБР и всю эту систему усилителей и трансляторов. То есть, у него мощности с избытком.

— Кажется, понял! — Вадим аккуратно поставил чашку на тарелку.

Рука у него чуть дрогнула, и чай выплеснулся.

— Действительно, зачем ему эти усилители и трансляторы? — сказал он. — Зачем ему эти фильтры во внешней системе? ВИБР — вот и весь контакт.

Мы с Таей переглянулись. Вадим как-то сгорбился над столом и с минуту сидел в такой позе.

— Дело-то дрянь, — сказал он наконец. — Мы полагали, что защита надежная, а ее нет. Нету.

— Ты имеешь в виду, что связь идет через ВИБР, минуя прочие внешние цепи? — уточнил я. — Иными словами, все мы с ним общались напрямую? Ты это имеешь в виду?

Вадим кивнул с самым кислым видом.

— И никаких приспособлений не надо, никаких технических решений, — пробормотал он. — И очень даже ясно, что случилось с кэпом. Ибо нет защиты. Я имею в виду "Глыбу".

Он развел руками.

Чтобы чуточку прояснить, скажу, что в грубом приближении ВИБР (официально он именуется ВИБР-генератор, то есть вариационный индуктор биоритмов-генератор) является усилителем биоритмов мозга, его входная цепь выполнена в виде гибкого шланга (мы его называем "щупальцем", так как очень похоже) с двумя присосками на конце, которые можно приспособить к вискам, ко лбу, а лысым — к лысине, как, например, делает Пономарев. На выходе ВИБРа, таким образом, имеет место хороший, мощный сигнал, с которым можно делать что угодно, в том числе и отфильтровывать лишнее. Это необходимо для правильной и точной раскочки последующей электроники. Вся штука в том, как я понял Вадима, что из системы контакта с Чером автоматически выпадали фильтры, защищающие наши бедные извилины от избыточной информации, то есть от насилия суперразума. Вполне вероятно, что такую возможность Черу предоставила Таина доработка ВИБРа, значительно улучшившая параметры выходного сигнала, поскольку с прежними психозондами таких чудес не происходило.

— Так выходит, что Ильин ни разу не пользовался психозондом, — сказал я.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразил Вадим. — Например, сегодня ночью он не понадобился и Черу.

— Ах, да.

— А я вот ничего не понимаю, — грустно сказала Тая. — Я не понимаю, Толя, зачем Ильину напрямую связываться с Чером?

Действительно, зачем? У меня в запасе и было-то всего лишь темное, ничем не обоснованное подозрение.

— Да тут, видишь ли, мыслишка одна была, — сказал я. — Все-таки, первый психогигиенист в нашей системе. Думаю, раз он такой спец, так, может, у него цели какие. Ведь нам он представился как инспектор. Хорошо, что Вадим его узнал, я вот вспомнил, а так ведь и прошел бы номер. Нет, роль этого дяди мне не совсем ясна. А вообще-то не принимай во внимание.

Вадим встал и прошелся по комнате.

— По идее надо бы доложить. — Он помолчал. — Но ведь нет доказательств.

— Засмеют, — согласился я. — Попросят изложить закон Ома.

— Во-во, пару влепят.

Похоже, Вадим понял, что уже поздно. Для приличия он потрепался еще немного с Таей по поводу прекрасно проведенного времени, прекрасного стола и прекрасной хозяйки... Тут он догадался захлопнуть рот, церемонно поклонился и удалился в свою келью. Как, однако, меняется человек за какой-то короткий вечер.

Было темно, лишь ночник в соседней комнате создавал иллюзию далекого рассвета, но я все равно видел Таю. Видел в этой неверной темноте тем внутренним атактистическим зрением, которое просыпается в присутствии дорогого тебе человека.

— Ты хороший, — прошептала Тая. — Расскажи свою засыпательную сказку.

— Бежал по пустыне маленький суслик, — медленно, с перерывами, заговорил я, поглаживая ее пушистые, щекотавшие мою щеку волосы. — Бежал, бежал, а тут пошел дождь, снег, наступила ночь. Холодно, страшно. Суслик замерз, промок, устал. Вдруг видит — варежка. Он в нее заскочил, отогрелся и сразу заснул. Ручки отбросил, ножки откинул, посвистывает — спит. Хорошо ему, тепло. А снаружи ветер гудит — у-у. Дождь стучит — тук-тук-тук. Холодно, сыро, бр-р. А нашему суслику хорошо в своем гнездышке. Варежка теплая, сухая, ласковая. Спи, Таечка, спи.

— Может, сегодня вместе? — спросила она сонно. — А то как-то не по себе.

— С тобой разве заснешь? Спи, моя славная.

Я поцеловал ее, прошел в свою комнату и потушил ночник...

Проснулся я в мокром поту от немзыкального пиликанья будильника. Сердце еще колотилось, но привычная обстановка успокоила. Там, за покинутой чертой мрака, бесформенной громадой падал, падал и падал на пол наш капитан. И его фигура, все еще стоявшая перед глазами, потеряла всякую связь с живым.

А ведь прошла всего неделя. Нет, не скоро забудется этот кошмар.

Я надел тренировочные брюки, сунул ноги в

туфли с ортопедическими пипками, оказывающими благотворное влияние на внутренние органы, и, прихватив с собой махровое полотенце, направился принимать ионный душ. Уже на выходе я услышал, что меня позвала Тая. Почему-то очень тихо.

Она еще не вставала и глядела на меня своими огромными глазами, которые в сумраке казались почти черными. В этих глазах был испуг.

— Ты куда уходил ночью? — спросила она надломленным шепотом.

— Что ты, Таечка? — Я встревоженно пощупал ее лоб, он был чуть горячее обычного и влажный со сна. — Все в порядке, пациент, можете вставать.

— Ты куда уходил ночью? — повторила Тая.

— Ночью я дрых, как убитый. Под утро опять это приснилось.

— Толька, я серьезно. Ты что-то искал в аптечке, и я еще спросила — куда ты? А ты ответил, что все нормально, пройду, мол, до оранжеви и сразу обратно. Неужели ничего не помнишь?

— Не помню. Не было этого, Таечка. Но я все же покажусь Гришину. Может, пропишет какие пилюли — ведь житья нет от этих кошмариков.

— Чер, — сказала она.

— Ну что ты, ей-богу, Чер да Чер. Он, в конце концов, не бог, — рассердился я. — Приводи себя в порядок, а потом вместе кофейку хлопнем. Идет?

— Приходи быстрее...

Я уже привык по утрам видеть в душевой деловитого Вадима, который вставал чуть пораньше и, естественно, приходил сюда тоже чуть пораньше. Но на сей раз его не было. На пунктуального Коржикова не похоже. Ну да ладно, мало ли какие у человека дела. Тут завалился мой основной партнер по пинг-понгу Андреев с длиннющими, как у шимпанзе, руками, и мы малость попикировались насчет вертикальной подачи. Он считал, что ее нужно возродить, а я совсем так не считал. Ионный душ взбодрил, как обычно. Снова промелькнула мысль насчет Вадима, другая же мысль — про мое мистическое ночное бдение — просто не давала покоя. Неужели из-за этой дурацкой бессонницы я становлюсь лунатиком? Этого еще не хватало. После ультрафиолетовой сушилки, где я стараюсь не обсыхать до конца, я растерся полотенцем, чтобы разогнать кровь, и направился завтракать.

На станции начинался обыкновенный трудовой день. Если отвлечься, то здесь было совсем как на Земле. Даже лучше и удобнее. Не надо было ехать на работу многочисленным транспортом, орудуя в толпе локтями и оберегая ноги от женских каблучков, не надо было приспосабливаться к начальникам, у каждого из которых, как известно, свой характер, не надо было... одним словом, не надо было сутеться. Напротив, работа под боком, жилье

рядом, а пункты питания, спортзал, бассейн, лечебный комплекс и так далее, и так далее — вот они, рукой подать. Короче, жить можно. И неплохо.

Попадавшие по дороге коллеги здоровались, не обращая внимания на мой затрапезный вид (светильники под потолком источали необходимый для организма спектр излучений, которые сопровождают человеческую жизнь на Земле, так что медицина на полном серьезе рекомендовала обитателям станции почаще принимать солнечные ванны), и мне стало весело, когда я представил, что иду по улице вот так — голый по пояс, с махровым полотенцем через плечо, а со мной здороваются цивильно одетые люди, спешащие на работу.

Тая, кажется, забыла свой вопрос. Или сделала вид, что забыла. Мы проглотили по паре неизменных сосисок, выпили по чашке кофе с витаминизированными бутербродами и разбежались.

Сеня Рыбаков, который эту неделю бдил в третью смену, критически осмотрел меня с ног до головы, пытаюсь придраться, но я, увы, выглядел свежим, бодрым, отдохнувшим, без небрежностей в одежде, и он, с сожалением вздохнув, сказал:

— Опять была помеха, из того же сектора. Кратковременная. Разобрались, в чем дело?

— Пока нет, — ответил я, расписываясь в бортовом журнале. — Ну, давай, дуй, холостяк. Свободен.

Рано ему знать, в чем тут дело, а мне еще предстояло разобраться, с кем же Чер связывался на этот раз.

Сеня напрягся для достойного ответа, Люкакин в своем закоулке солидарно притих.

— Свобода дороже глаженных штанов, — изрек наконец Сеня, широко улыбаясь. — Между прочим, на той неделе ты тоже запишешься в холостяки.

Это он толсто намекал, что со следующей недели третья смена будет моей, тогда, мол, отыграемся. Вообще-то правильно, по графику так оно и выходило. Я сделал Сене ручкой, он кокетливо поклонился. Меня всегда умиляло, что такой могучий парень, как Сенька, умудряется сделать что-то изящно и ловко. Представьте, что вам кокетливо, перегнувшись в талии, которой не наблюдается, поклонился шкаф.

Малорослый Люкакин отчего-то вздохнул. Он имел с Рыбаковым самые дружеские отношения, не то что со мной.

Своим вздыханием Люкакин как бы предвосхитил свое последующее бормотание по поводу оклада и взваливания на хилые плечи стажера чужих обязанностей, поскольку через полчаса меня вызвали к Ильину. На этот раз в постовую.

Ильин расхаживал по выполненному в безэховом варианте помещению постовой, искоса поглядывая на ВИБР, по которому правильны-

ми волнами пробегали цветные сигналы каллиграфии. В креслах ассистентов сидели какие-то взъерошенные Лаптев и Гусейнов. Оба посмотрели на меня чуть-чуть виновато, и я понял, что Аркадий Семенович сумел вызвать их на откровенность.

— Так, — сказал Ильин. — Не хватает Коржикова. Кто-нибудь видел его утром?

— Нет.

— А вчера вечером?

— Вместе ужинали, — сказал я.

— Как он себя чувствовал?

— Прекрасно.

— О чем говорили?

Вопросы следовали быстро.

— О разном.

— Хорошо, об этом попозже, — смилостивился Ильин. — Кто еще присутствовал на ужине?

— Моя жена.

Ильин приостановился на какое-то мгновение, будто запнулся, потом продолжил свое неторопливое хождение.

— Попытаемся в рамках эксперимента восстановить ситуацию. Прошу занять свои места.

Лаптев полпелся к пульту, мы с Гусейновым пересели поближе.

— К сожалению, Коржиков заболел, — неожиданно сказал Ильин, — так что придется без него.

У меня в памяти тут же всплыл недавний вопрос: "Кто-нибудь видел его утром?" Методы, однако, у нашего "инспектора".

Василий наконец-то утвердился в глубоком рабочем кресле и принялся крутить головой, потому что мы оказались у него за спиной,

— Вам, Василий Игнатьевич, необходимо сосредоточиться.

Лаптев застыл истуканом, даже хохолок на белобрысой макушке как бы встал по стойке "смирно".

— У вас самая трудная задача, — продолжал Ильин. — Вам необходимо выйти на связь с Чером и проиграть тесты в порядке, максимально приближенном к воссоздаваемой ситуации. То есть, в том порядке, который мы с вами определили накануне, но с поправками, которые вы вспомните в ходе эксперимента. По окончании тестирования вы уступите мне свое место.

— Но, Аркадий Семенович, это опасно!

— Вам неопасно, а мне опасно, — буркнул Ильин. — Где же логика? Помимо того, я знаком с практикой психогигиены.

Иными словами, Ильин хотел сказать, что сумеет заблокировать сознание на момент пика информации. По земным меркам — может быть, и да. Я знавал некоторых феноменов, которые способны были за пять-десять минут усвоить информацию, содержащуюся в одном томе Большой энциклопедии. Это достигалось специальной системой тренировок, доступной единицам. Но тут-то речь шла о Чер! Не нравилось мне это. Кому нужен такой риск?

Дверь в постовую приоткрылась.

— Аркадий Семенович, — позвали из коридора.

— Заходите, Григорий Иванович, — пригласил Ильин.

Вошел врач станции Гришин.

— Мне кажется, что ваш диагноз заинтересует присутствующих, — сказал Ильин и обвел каждого из нас внимательным взглядом.

— Заурядный барбитал-натрий или мединал, — сказал Гришин. — Доза выше средней, но не критическая. Введена в промежутке между тремя и четырьмя часами ночи с помощью пневмопистолета. Что еще? Ампулы и шприц отсутствуют. Коржиков утверждает, что снотворного не принимал.

— И ничего не чувствовал?

— Укальвание происходит мгновенно и абсолютно безболезненно.

— Что с ним?

— Сейчас спит. Теперь, пока почки все это прокачают... Сами понимаете.

— Спасибо, Григорий Иванович.

Гришин недовольно покачал головой, осуждая подобную практику применения снотворного, и ушел.

Ильин посмотрел мне в глаза, будто спрашивая: "Ну, так как?" — и я почувствовал себя крайне неудобно, но тут он перевел взгляд на Гусейнова, затем на Лаптева.

— Что ж, — помолчав, сказал Ильин, — если кто-то хотел, чтобы Коржиков отсутствовал на эксперименте, то цель достигнута. Начинайте, Василий Игнатьевич.

Лаптев состыковался с ВИБРОм и привычно пробежал пальцами по клавишам пульта. Ильин застыл за его спиной.

Минут десять ничего внешне эффектного не происходило, затем Василий встал и, отсоединяя присоски, утомленно произнес:

— Просит вас, Аркадий Семенович.

Ильин сел, нахмурился, побарабанил пальцами по подлокотникам, зачем-то вспомнил старинное напутствие: "Ну, с Богом"...

Что-то сдвинулось в моем сознании, пока я наблюдал, как он подключается к ВИБРУ. Будто меня лишили воли. Происходящее воспринималось в несколько нереальном свете и чем-то напоминало сон, от которого я просыпался в холодном поту.

Долгие, размазанные по нереальности секунды Ильин сидел в напряженной позе, потом тело его обмякло и начало медленно тонуть в глубине кресла, а руки безвольно шарили рядом с головой, совершая бессильные хватательные движения. Преодолев липкое оцепенение, я отшвырнул стоявшее передо мной кресло и вырубил генератор, затем осторожно убрал присоски. Освобожденное "щупальце" втянулось в свое гнездо.

С пола вставал обескураженный Вася Лаптев.

— Ноги отказали, — объяснил он недоуменно.

Аркадий Семенович вяло шевелил губами, пытаясь что-то сказать.

— Вас положить? — спросил я.

Он еле заметно кивнул.

— Что-нибудь под голову, — крикнул я в пустоту, которая все еще меня окружала. — И доктора, доктора живо. С кислородом...

Я придерживал его голову, а кто-то шустро подсовывал журналы, пока, наконец, не образовалось достаточное возвышение. Кто-то другой в это время, дробно топая, умчался вон из постовой. Глаза у Аркадия Семеновича тускнели и были на том пределе, когда в любой момент могли окончательно погаснуть. Пульс пробивался неровно и слабо.

Появились люди с тележкой, Гришин прижал к лицу Ильина маску, соединенную гофрированным шлангом с кислородным баллоном...

Все происходящее по-прежнему воспринималось мной с каким-то легким сдвигом, и я окончательно опомнился только тогда, когда, очутившись в своей квартире и вскрыв упаковку с медиалом, обнаружил в ней отсутствие трех ампул. Вот тут будто кто-то схватил меня за шиворот и крепко встряхнул. Я обшарил аптечку, вытащил из зажимов пневмопистолет, которым мы воспользовались только один раз, когда Тая умудрилась после холодного душа заработать миозит, и зачем-то обнюхал его. Никакого запаха. Приемный резервуар тоже был чист и сух. Собственно, после укола пистолет вполне можно было промыть в проточной воде, а ампулы выбросить в утилизатор. Я закрыл аптечку и присел к столу.

Голова была пустая, в ней, как горошина в сухом стручке, с треском перекатывалась одна лишь мысль: "Доигрались". Я чувствовал себя той самой марионеткой, которая возомнила себя свободной. От моего повелителя меня больше не скрывали толстые и надежные стены станции. В любой момент хозяин мог приказать все, что ему заблагорассудится, и любой из нас, не ведая об этом, кинулся бы исполнять его волю сломя голову. Чисто ради любопытства он мог устроить такое представление, такой фейерверк... Но он был милосерден. Пока он устранял только неудобных ему марионеток. Сопротивляющихся и вредивших ему марионеток. Чер не напрасно приказал мне усыпить Коржикова. Присутствуй Вадим на эксперименте, он ни за что не позволил бы Аркадию Семеновичу подключиться к ВИБРУ. Значит, Чер заранее знал о времени проведения эксперимента... А может, и сам назначил это время. Вот, кажется, и разгадка его последнего выхода на связь. Он произвел две коротенькие записи в подсознании, диктующие дальнейшую линию поведения, — в ильинском и моем. Моя запись сработала во время сна, и я, не просыпаясь, пошел и сделал Вадиму укол. В этом аспекте и действия Ильина не были проявлением свободной воли. Интересно

Окончание на стр. 57

Ой, куда мы залетели!

У пряточки часы,
А у меня галоши.
На гуляночку пойдём —
Обои мы хороши.

*Девоч много, девоч много,
Девоч некуда девать.
Из Москвы пришла команда
Девку с девкою венчать.*

*Не нарядно одевалась,
Не бело умылась.
Знала, что залетки нет —
Гулять не торопилась.*

*Наше маленько село —
Четыре девушки всего,
Четыре девушки всего —
На гулянке весело...*

Ой, куда мы залетели!

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ ДЛЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

ПРИВЕТ, РЕБЯТА!

Догадались, кто к вам обращается? Да-да, это я, ваш Следопыт... Поздравляю вас с Днем Знаний! Ой, сколько новых книжек будет сегодня открыто вашими руками, сколько ярких цветных учебников! Сколько новых читателей запишется в большие и маленькие библиотеки! Сколько очередей возникнет за "дополнительной" литературой. Дополнительной к учебным предметам. Хотя... Не люблю слово "дополнительная" в отношении литературы... Разве литература может быть дополнительной?

К празднику я приготовил вам небольшой подарок: подборку рассказов и сказок для вас, ребята, для тех, кому 13—15 лет... Познакомившись с ней, я думаю, поймете, почему литература не бывает "дополнительной"... Она ведь о жизни ведет — о самом первостепенном на свете "предмете"... Вот раскройте повествование известного писателя Юрия Коваля "Сэр Суер-Вьер" (другие его вещи — "Приключения Васи Куролесова", "Недопесок" и многие другие, вы, надеюсь, уже читали...). Веселые приключения, вроде бы, и только... Но вот отважный капитан пытается вернуться к Острову, Название Которого На Карте Заляпано. Ничего этого остров вам не напоминает? Разве не похож он на недавний СССР — большую страну, вмиг исчезнувшую с карты? Как быть, как сохранить себя, когда даже государства рушатся? Да просто, подсказывает Коваль: оставаться самим собой, стремиться к своей неповторимости. Слушаешь историю, рассказанную про боцмана Чугайлу, и понимаешь: ничего не потеряно — если человек не теряет сам себя, если понимает, что он один такой среди других...

Ой, куда это я залетел? Прямо какое-то литературоведение... А это не мое дело. Мое дело — следы...

"Писатель оставил свой след в литературе", — иногда говорят. Ерунда!... Как специалист по отпечаткам подошв заверяю: писатель в этой самой литературе оставляет не один след, а сотни и тысячи... Это следы его героев.

Вон след модных кроссовок. Это прошелся по рассказу москвички Марины Москвиной ваш сверстник Андрей. Вон следы уральских пимов... Это Лешачок На-

ташь Лазаревой... Наташа — самая молодая из наших авторов. Учится в техникуме, на третьем курсе. Живет в поселке Буланаш Свердловской области. Сказы, которые Наташа превратила в литературные истории, она услышала на Урале. От своих бабушек, от мамы, от соседей... Да вы и сами поймете это: в "Прабабушкиных сказках" столько опыта, что ясно — не из одного поколения...

Интересно было мне разглядывать и следы, оставленные героями уральца Сергея Георгиева и москвича Валерия Роньшина...

Нашу подарочную "тетрадку" я решил назвать "Ой, куда мы залетели..." Такой мультфильм снял уральский режиссер Анатолий Аляшев (в этом номере есть и про него!). Веселый балалаечник из этого мультфильма поет:

*Ой, куда мы залетели!
Все поля, поля, поля...*

Подумал я подумал и решил: частушка как нельзя

лучше передает настроение сказок и рассказов, которые мы сегодня публикуем. То реальное там, то таинственное... То жизнь, то фантазия... Одним словом, так и хочется воскликнуть: "Ой, куда мы залетели!"...

Если вам подарок понравится, то я обещаю снова пригласить на журнальные страницы детских писателей. Сейчас мы объединили авторов из Москвы и с Урала. А на следующий год... Впрочем, предлагайте... что подобрать: детские рассказы о животных? страшные истории? повести о школьной жизни? что еще?

Ну, а теперь открывайте первую страницу. Наберите в грудь воздуха — и громко: "Ой, куда мы залетели!..."

Ваш Следопыт

Наталья ЛАЗАРЕВА

Прабабушкины сказки

Лешачок

Вот еще как-то лешего видела.

Пошли мы по землянику с Агафьей. Сперва че-то худо брали, ну вот еконьки сушонки, мене чем из носу. Шибко я злилась. Стыдоба с полупустой-то корзинкой домой идти. Ну, я молода была шибко озорная, вот шепчу над полянкой-то: "Эй, дух лесной, лешок земляной, не води, не крути — лучше место укажи". А сама ему подмигиваю, будто он где-то рядом, да смеюсь, мол, коли ты старик, уж зимой и тебе ягод снесу, коли ты ровня мне — так че покрепче тебе в именины-то твои поднесу (они у них в самые вьюги отмечают), а коли молоденький совсем, на санках приду кататься.

Мелю ж ту несусветную, спину-то разогнула — глянь, а чез поляну-то, у реденького сосняка, парнишка ягоды в туесок берет и ведь споро так! Я оглянулась: Агафья не видать, ну, я кликать и не стала: че бабу зря сбивать — ягод-то все едино нету. А сама к мальчишке-то тому подвигаюсь, поглядеть. Ну, зашла с краю на его кулишку-то. А земляники там — красным-красно. Да крупная, а дух аж до верху идет. Я корзинку-то мигом набрала, потом думаю, Агафью-то надо покликать. Заорала, зааукала. А мальчишка все молчал, а тут покосился на меня, да заговорил: "Ох, занозливая баба, сама напросилась, да ешшо подружку зовет".

А я, бойкая, ему: "Дак тут на всех ягод хватит, пошто жалеешь?"

А он этак тихохонько: "Дак на санках-то кататься подружка не звала".

Тут я язык-от проглотила. Отошла посла, соображаю, я еть вслух гундосила-то, может мальчонка-то слышал, да и пошутковать надумал. Хотела ругнуть — ан нету нигде. Смекнула я, что лешок он. У их еть, я те говорила, все как у людей, только они по-своему живут. Но Агафье однако ниче сказывать не стала, помогла ей корзинку набрать — и все молчком.

А в лешаковы именины взяла санки, сказала дома, мол, по колышки схожу к весне, да и айда под вечер на лешачину горку. Сболтнула слово — надо держать. Пришла, постояла, замерзла: нету мальчонки. Опять я в сердцах-то забубнила: "Че я те — девчонка сопливая, одна-то кататься, а кто увидит, дак за чокнутую примут. Вон Маньку увидали тут, дак задразнили таперича".

Ну, скатилась раз, другой, чтоб согреться. Синеть зачало, поземка пошла.

— Эй, — кричу, — хватит с меня, до дому надо, а то все заметет!

А он из-за спины: "Дай-ко, — говорит, — санки-то". Ну, и садится наперед.

— А ты — сзади, чтоб спине теплее.

— Ишь ты, твоя-то спина помоложе.

А он смеется: "Я, — сказывает, — с одной катался сзади, дак она теперь все ходит сюда спину об меня греть".

"Ну с вами, — говорю, — свяжешься — сам не рад".

Он насупился:

— А я тебя не звал, сама все напрашиваешься.

И губенки-то этак надул, как мой младшенький. Шапчонка на ем старая, полушубок дырявый. По голове я его погладила, да и села позадь и к себе прижала. Он хоть и нечистый, а все ребенок. Посля говорю: "Вьюга

еть разыгрывается, не дойти мне". Ну, он развеселился от катанья-то, смеется:

— Ступай, ступай, хорошо дойдешь, да колья-те возьми, спросят еть, пошто не принесла...

И опять, как не бывало.

А мне тепло, веселехонько, ровно я девчонка... Только я домой-то пришла, и зауhalo, так закружило — ставни рвет. К утру столь намело, едва откопались.

А летом у нас кони в лес ушли, дак свекор уж рукой махнул. Говорили, что цыгане выкрали, а может, уж волки загрызли. А тут, глядим, а оне у ворот: Чалой-то под седлом, а Карюха к седлу привязана.

Свекор Чалого гладит, умный конь попался, убежал, видно. Свекровь же спорила: видела, мол, на зорьке: мальчишечка спешился с Чалого-то, да к лесу ушел, не иначе, как совестливый цыганенок какой попался. А я все кумекаю: а не мой ли это паренек-лешачок?

Он и после помогал не раз, то овечку мне пригонит, то козенка несется из лесу, будто кто ее хворостинной отъелозил.

Пасти я как-то ходила, вот не так давно, дак пастух-от, Гришка, дивился, ты, мол, старая, слово знаешь, не разбегаются коровы-то, не бродят, а молоко нагуливают — вымя прет. Я спорить не стала, а вот Грапы корова блудливая когда в лес сигала, дак вроде ее мне мальчонка какой-то завернул. И мне рукой махнул. Однако старая я, может и привиделось.

А Маньку он че-то невзлюбил, может надоедлива шибко. У ей наоборот: то корова в чащобу забредет, да одне рога и найдутся, то козенка ее повадилась к чужим — домой не загонишь, а уж пасти она все нанимает, у ей все стадо разбегается, рысаком по лесу бегаешь и не соберешь.

Гадания

Ой, девка, гадать-то научить тебя просто, дак примета есть: карты в руки — суматоха в дом. А... ты девичьи, говоришь, на рождество... Ну как, конечно, я гадала, всяко у нас гадали. Мы с Нюркой, дак без устали, че только не вытворяли. Пимы чез ворота кидали, воск топчили, зеркала ставили, ешо вот ходили по ключевой

тропке. Ой, да много че делали, чай тоже молодые были, а у девок во все века одна забота: мужика в дом привезти доброго, да работающего.

Как-то мы с Нюркой вышли поздненько, пошептали, покружились, да и хресь по пиму чез ворота. Так шибко кинули, что пали обе. Пока севкали (смеялись) да на ограде барахтались, сколь-то времечка ушло, выскочили за ворота, давай валенки искать, мой-от сразу нашелся, в сугробе лежал, носом на Соснята указывал, а Нюркин как сквозь землю провалился. Сперва весело было: она скачет воробьем, по дороге-то, а я в сугробах шарю, лопату притащили, покопали, ну нету пима. Заревели обе, Нюрке пима жалко, только тятка от пимоката принес, а мне Нюрку — чай, я затеяла гаданье-то. Ну, поревели, да пошли у мамоньки ей пим просить, до дому чтоб дойти.

А утресь, уж на другой день, Лушка-табуретка прибежала, это ее так звали, что низенькая она, коренастая, как еть табуретка. Ну, вот с порога и кричит, коли валенок потеряли, дак он у их. Это вовсе на другом конце деревни. А вышло-то че...

Мужик е Степка-лысый наклюкался у кума добес-памятства, выполз, да в солому на кошеву — и захрапел, а кобыла ихняя Елка, така умная скотина была, уже научена: повезла его домой, тихох так, аккуратно, чтоб не вывалился где. Ну, и Нюркин пим как раз в кошевку-то к Степке и угодил, увез он ево домой. Елка-то, как до ворот дошла, заржала негромко — Лушку вызвала, что, мол, привезла ее хозяина, теперь ты обихаживай. Лушка-то ево домой потащила, ан пимок-то и выпал. Видать, что девичий. Ох, и досталось Степке по лысине-то. А на другой день дошло до их (в деревне радива не надо, все на виду), что мол мы с Нюркой докидались — черт пим забрал, быть, мол, одной дьяволовой невестой. Ну, разобрались...

А однако замуж-от я в Соснята ушла, а она на чужбину, да так не повезло с мужиком-то, истый бес попался, уж сколь горя приняла с им. Во-от.

Ну, как в зеркало-то глядеть, все знают, и про воск, где каки страхи, ты мне сама читала, а вот про колодезную тропку скажу. Стало быть так: берешь ведра дома, скажи, мол, по воду пошла, не за водой, а по воду. За водой-то ох как далеко утти можно. Ну вот, как к началу колодезной тропки придешь, поставь ведра — одно справа, друго слева, стань спиной и кинь коромысло, коли к правому ведру, долго проживешь, к левому — мало, а коли осередь — ну как все песьят-шесят годов. Узнала...

Гадать, дева, надо чтоб ночь лунная была, чистая. Коли ночь на рождество черная али метельная — стало быть не хочет нечистая с тобой говорить (все гадания от нечистого).

Дак вот, ступай вперед бегом — это твои девичьи года, оне быстро улетят, суматошно: однако примечай, как пробежишь: не поскользнешься ли, не упадешь ли, шибко ли ведра гремят. Это все худые приметы. Коли поскользнешься — увертливая будешь, упадешь — ну, как падешь так и будет — больно дак больно, быстро соскочишь — стало быть все сойдет, а коли глубоко в снег, да с трудом встаешь — ох, лишенько — берегись, богу молись, чтоб отвел. Помогает! Ну, а коли ведра гремят, дак шумные года-те будут, тоже не к чему. Во-от.

Добежишь до колодца-то, ключика ли, и сразу глянь в сруб-от. Там суженого увидишь. Коли люб, дак и черпай сразу, а не люб, иди обратно с пустыми ведрами. Это и будет жизнь твоя посля свадьбы. Первые шаги все подмечай, ветер ли зашумит, нога ли с тропки соскользнет, сплеснешь ли воду. А приметы таки: нога соскользнет — ссора в доме, ветер зашумит — беда придет, воду сплеснешь — достаток уйдет. Тут как по жизни все расписано.

Вот и мы с Нюркой да с Агашкой собрались так-ту. Пришли к тропке. Нюрке все скорей надо. "Я первая" — кричит. Ну, давай. Кинула коромысло — хорошо, долго жить будет. Хвать ведра и к ключику, да под гору — хлоп! Так шмякнулась на улитую водой-от тропинку — весь зад себе обскребла, едва встала, кое-как ведра собрала, да к воде. Орет отгедова: "Ох, какой пригожий, какой баской". Начерпала полнехоньки бадьи — и в гору скорей, к нам про красавца того, что увидела, сказать, а тропинка-то та — что веревка, да утоптана и улита — не просто по ней с коромыслом-то. Бежит, скользит, того гляди с ведрами улетит вместе, да обольется. Нет, ниче, добежала, поставила свои ведра наполовину расплесканы, орет на всю улицу, что взаправду в ключике-то рожу видела, черный такой, белозубый, смеется. Не наш, здесь такова не видела.

Радостно дуре. Знамо, девичий умок короток, все одно на уме. Любовь зла — полюбишь и козла. Про то, что скользила на тропке, да срывалась, и не помнит, что воду расплескала, не поминат. Ох, весело жить будет, долго с тем бесом чернявым.

А мы таки же клухи. Ох, завидно: подружка судьбу увидела, че нам, что ссоры, наплевать на нищету — лишь бы баской был, рази думаем в девках-то об чем, кромя как голову какому парню покружить?

Ну, я схватила, да тоже со спеху-то хлоп перед самым ключиком. Эка отшибла задок-от, да исче ловко соскочила, обошлось. Заглянула в сруб-от, чаяла там своего милого увидеть в белом полушубке, а тама вовсе не он, эко горе-то! Я и воду черпать не стала, нашто мне чужой-от, однако еще раз глянула, где-то ровно видала, да и к девкам-то стыдно с пустыми ведрами ийти, сижу, думаю о судьбине своей, а подружки-те орут: "Ну че, не можешь на своего франта наглядеться (оне тоже думали, что у нас уже все к свадьбе идет)?".

А я думаю, дай ешо гляну, может это он, ухажер мой, просто не узнала я. А в ключике-то ниче уже нет — одна луна купается. Почерпнула я да как стельная корова обратно-то и шла, не поскользнулась ни разу, ни капли не пролила.

Нюрке-то все ешо весело. "Ай ты подруга удачлива, не скользнула, не сронила ни капельки и милого увидала!" А Агашка поняла однако: че-то не то. Толкат меня в бок. Че, мол, да че? Ну и с расстройства моего свое коромысло неловко бросила — на короткий век. А до ключика бежала — не пела, и обратно споро шла; во-от.

Верь не верь, а ночка-то была заказная: лунная, чистая. Сатана-та рядом стоял, как мы его просили судьбу показать — он нас и потешил, все обсказал.

Так и вышло. Про Нюрку уже говорила. Вышла она на чужу сторону, летось сговорил ее нехрись како-т, татарин ли, цыган ли. Понесла она от его (помнишь, на тропке-то вперед бежала — больно пала), дак вот увез ее, а там пил да бил. Однако пережила ево, детей подняла. А под старость ее родной сын в дом старчества свез. Ну, на что ей тогда сатана долгие годы дал? А ведь как радовалась... Ну, да сама себе долю выбрала — пошто почерпнула? А коли взяла, так и неси, ну и перла всю жизнь, скользя да расплескивая.

Ну, а как мне мое падение сказалося — знаешь ведь, франтик-то мой посватался осенью, да в город к вдове одной умотал, — а я за сосновского и вышла, я тебе уж сказывала, как. Хорошо с им жили. Слова худого не слыхала.

А Агаша и впрямь не долго жила, но хорошо. Муж ее жалел и после дажесь не женился.

Песня

Дом этот до сих пор меня пугает, а еть махонька была... Тот, кто его строил, видно людей не любил, а может просто: поставлен он на несолнечной стороне, вот тот, кто его рубил, и выделал окошки-те к реке, к солнышку, а глухой стороной он в улицу глядит. Сколь помню, и собаки там всегда злые: всех робят в улице перепугали: идешь мимо, а она вылетит с-под ворот, сама трусовата, шугнешь — убежит, а коли видит, что боишься, дак с приступом порвет. Поганки, а не псы.

Дом-от рубил Васечка-пастух, тихонькой, а из себя вообще-то видной. Сперва оне с молоду подле нас жили, да че-то стряслось с Манечкой его, в одночасье скрутило голубушку, а осталось у Васечки четверо: девочка с мальчиком погодки, оба на Манечку похожи, старшой мальчик годков под осемь, да ешо мальчишка, что Вася все с собой брал, блажененькой он был.

Я, как оне в ряд-то жили, все в играх его за своего робеночка держала, где посадишь — там и сидит, че не скажешь — со всем согласный.

Дак вот об чем я дале-то скажу: с такой-от оравой трудно мужику, хоть и работающий, да и не стар был Вася-то, ну и высватал с хуторка вдову. На деревне обычно всякого по-своему окрестят. Вот Васю — Васечкой звали за нрав короткий, да душу беззлобную, скотину он жалел и холил. Марию его умершую, все Манечкой — все улыбалась. Уж такая были оне пара! А

вот новую его никто кроме как Та али по полноте — Зиновья, не звал. На что не глянет, все вянет. С чужими-то, с городскими, али пришлыми, ласковая, а деревенских за людей не считала, а уж покойника-мужа поедом ела, был у их, говорят, робенчишко, да люди говорили во младенчестве помер...

Я мала была, а как было после скажу.

Ну вот, привел он ее, а не зря говорят: дерево по себе рубить надо. Я по мамонькиным словам судить не берусь, как жили: с виду хорошо — дети чистые, сытые. Только вот опять же не помню не раза, чтоб она смеялась так, как при Манечке покойной.

Старшой-то и тогда молчун был, поговаривали, что найденыш он. Манечка-та первые годы не тяжелела, дак говорят, подкинули мальчика-то. Вот он сурьезный такой все был. Зиновья-то с че начала... Дом, где Вася с Манечкой жили, продать велела, а за угором к реке новый поставить, сама место выбирала, да просчиталась — к людям спиной, а солнце в дому только на подоконник... Выморочный дом получился... Может, от того, что Васечка его под "дубиной" строил.

Уж как там жили, людям неведомо, да и тогда дома-те так плотно не стояли, а навроде как каженный чуть на особинку, да и работа вечно... буровишь с утра до ночи — едва ноги до полатей дотащишь: глазоньки, окромя своего, ничего не видели.

Осенью, помню, морозцы стукнули. Васечка с тятьей да еще мужики в Ирбит ездили, а вернулись — у нас горе. Девочка с мальчиком, погодки-то, пропали. Зима та голодная надвигалась: лето было сухое, неурожайное. Частенько деток у дороги видали, как Васечки-то нет. Ну и подумали, что поди цыгане сманили: много ли ребенку в голодный год пообещать надо?..

Однако Васечка все не верил, не пойдут, мол... Попивать с тех пор зачал. Совсем никто из-за их ворот носа не высовывал. А по весне я блаженного своего в подворотне увидала, да и сманила на реку, он помнится шибко упирался, я дивилась: че, мол, с ним.

Да у нас-то дружба давняя — ушептала, хоть и мала, а все баба...

Дак вот, сидит он на бережке и песенку попевает, я сперва не слушала, а и счас не помню слов, а только пелось там про злую мачеху, что надумала всех неродных деток извести, взялась за старшего, да вдруг узнала

в нем родного сына, добрым людям подброшенного: уж так себя любила, что заботиться о других ей — нож острый.

Там еще складно так пелось, что он, мол, пусть не обижается: зачем ей спать мешал, да грудь молодую портил? Во-о-т. А потом про девочку с мальчиком... уже она вроде как в годы вошла, хотела не грешить, вывести их в люди, а оне не признают, все родную мать поминуют, да еду просят, самой ниче не остается, а жизнь, мол, уходит. Вот она их опоила маковым отваром, да сожгла в печи. А за то, что муж стал догадываться, начала и его травить потихоньку, а родного сына-то, что не ею был вскормлен, к себе привечать, в свою веру обращать.

Мурашки меня задергали от песни той. "Ты, — спрашиваю, — че это поешь-то?" "Песню", — отвечает.

— А где ж ты ее слыхал?

— А сам, — говорит, — придумал...

Да как падет на траву, да как заплачет. И забился в судорогах.

Тут Зиновья бежит с Васечкой: Вася-то ухватил блаженного, а Зиновья мне кулаком грозит: "У-у, — говорит, — кышководумка, умани-ка еще нашего дурака, я-те ноги-то обломаю".

Я аж сомлела вся. Домой сама не своя прибежала. Песня-то в голове кружится, слезы-те его горячие и е рожа воронья надо мной.

Тятя ходил к емя, хотел Зиновью-то поматерить: "За что так дите напужала? Ну, поиграли ребятишки, худо с малым сделалось, так девчонка-то чем виновата". Не отворили ему...

А к купаленке умер блаженной-от... Я ему веночек сплела, на могилку снесла, одна ходила, шибко плакала. Ночь худо спала, а утром как есь всю песню, что он у реки пел, вспомнила, хотела мамоньке спеть, да пошто-то испужалась.

А уж мучила она меня! Все внутри жгла. Были как-то в гостях на Исетском заводе, дак я ее тамошним девчонкам спела, одна грамотная была — записала. Я уж эту песню после слыхала, маленько не так пелось, как мой блаженненький пел, а я опять плакала...

Васечку мертвого в лесу нашли — коровки да скотиенка после три дня не ели, тоже ведь хорошего человека чувот...

А Зиновья из того старшего такого нелюдима воспитала — весь в себе. Поговаривают, оне как муж с женой жили. Тьфу ты, господи, прости! Люди-то в ряд с емя и не строились...

Зиновья-то сычом рыскала... Я уж баушкой стала, а она все вороней харей своей мне о ангеле-блаженненьком напоминала, я как-то притворилась пьяной, да и давай у ихней темной стены ту песню орать... Да не выдержала, заплакала, а псы ихние — поганки — хвосты поджали и вместе со мной ну выть, ну скулить...

Вороненок ее выскочил, хотел метлой по мне, а я ему: душегубы вы! И боле в ту сторону не ходила.

От того ли, а может черт им устал помогать, сдохли один за другим... Вороненка-то жалко, че он видел? Все на ведьму эту и батрачил... А Зиновья-то! Носит же земля таких... сколь душ погубят и, яко упыри, живут, пожрав невинные те души. Не зря говорят: чужой век заел...

Рисунки Артемия РОДИОНОВА

Простодушный Ганс

Простодушный Ганс

Жил на свете крестьянин по имени Ганс. Однажды отправила Ганса жена накосить сена для коровы.

Пришел Ганс на лужок, а там рыцарь в лиловом развевающемся плаще! Размахивает рыцарь огромным мечом, щит сверкает на солнце!

— Господин рыцарь, — взмолился Ганс. — Это мой лужок. Я пришел запасти сена для нашей коровенки! Не могли бы вы упражняться где-нибудь в стороне?

— Молчи, глупец! — рассердился лиловый рыцарь. — Я готовлюсь к смертному бою со страшным Драконом! Не мешай мне!

— Мне кажется, вы уже готовы, — вздохнул простодушный Ганс. — Может быть, уже пора позвать Дракона, чтобы вы смогли померяться силой? А затем я стану косить?

Услышав такие слова, рыцарь рассвирепел, схватил палку и начал мутузить Ганса, приговаривая:

— Этот человек знает с самим Драконом! Этот человек мечтает призвать Дракона на наши головы!

Напрасно Ганс оправдывался и кричал, что никакого Дракона он никогда в глаза не видывал. Рыцарь не остановился, пока палка не сломалась. А затем вновь взялся за меч и продолжил свои упражнения.

Потирая бока, отправился Ганс куда глаза глядят. Тропинка привела Ганса в глухой лес, где он носом к носу столкнулся с Драконом.

— Ага! — воскликнул наученный рыцарской палкой Ганс. — Знаю я вас, господин Дракон! Хоть проглотите меня, а я вам не скажу, что совсем неподалеку отсюда, на моем же лужке готовится к смертному бою с вами отважный лиловый рыцарь!

Услышав про лилового рыцаря, Дракон пыхнул огнем, ударил оземь хвостом и бросился в бой.

Вернулся Ганс на свой лужок, там уже никого. Лиловый рыцарь с Драконом померялись силами и разошлись лучшими друзьями. Только траву умяли-укатали так, что косить-то уже и нечего.

Вернулся простодушный Ганс домой и все как было рассказал жене. У жены под рукой палки не оказалось, и она просто надавала Гансу тумачков.

Перышко утки

Летели дикие утки, одна утка потеряла перышко. Перо опустилось прямо на нос простодушному Гансу.

— Ого! — удивился Ганс. — Такое добро и прямо с неба свалилось! Еще раз утки пролетят, это сколько же у нас пера будет?!

Поразмыслив, велел Ганс жене шить наперники для подушек. Уселась жена Ганса за работу, а сам он дальше думать стал.

— Зачем же нам так много подушек? — почесал Ганс в затылке. — Если жену не остановить, она все шить и шить будет! Верно, жена?

— Верно, — отвечала трудолюбивая женщина.

— Ладно, — придумал вдруг простодушный Ганс. — Подушки мы продавать станем! Сделаю новую телегу, повезем подушки на базар!

Не откладывая надолго, взял Ганс топор, пилу, да и наладил такую телегу — загляденье! А жена Ганса тем временем все наперники для подушек шьет.

— Телега есть, — хлопнул себя по лбу Ганс. — А лошадь?

— Придется заводить лошадь, — вздохнула жена.

Вновь взялся Ганс за топор, построил большую, просторную конюшню. Подумал, пристроил к конюшне хлевушок. Отправился на базар, привел лошадь, коровенку, в хлевушок двух свинок устроил. А жена Ганса тем временем все наперники для подушек шьет.

Ахнул Ганс. Да если столько подушек набьем пером, их же ни на какой телеге не увезешь! Да не проще ли самому лавку открыть, пусть народ к Гансу за подушками едет!

Взялся Ганс за дело, такой себе домину отгрохал! Первый этаж каменный, там лавка будет. Наверху просторное жилье. Рядом постоялый двор, с комнатами для приезжих. Поразмыслив, на речке поставил Ганс меленку. Во двор разную живность пустил: гусей, курочек... А жена Ганса тем временем все наперники для подушек шьет.

— Осталось только дорогу проложить, — решил трудолюбивый Ганс.

Сказано — сделано. Проложил Ганс дорогу до самого своего дома с постоялым двором. Вышла дорога — ко ролю приехать не зазорно.

— Ну, порядок, жена, — сказал тогда Ганс.

Сели они с женой ждать, когда же вновь дикие утки полетят, перо ронять станут.

Ждали, ждали... Опять ждали... И снова ждали... Не летят утки! Может, стороной где пролетели?... Ну вот не летят, и все тут!

Огляделся тогда бедный Ганс по сторонам. Окинул взглядом новый домище с постоялым двором, дорогу... В хлевушке свиньи хрюкают, в конюшне сытые кони копытке бьют, на лужке коровы гуляют. Жена столько наперников для подушек сшила, и не сосчитать!

— Столько наворотили, — горько вздохнул простодушный Ганс. — И выходит, все зря!

Ильшвангская лягушка

В не столь давние времена в лесу неподалеку от славного местечка Ильшванг жила Лягушка. Отличалась Ильшвангская Лягушка тихим нравом, имела крепкий дом и хозяйство, варила пиво, коптила окорока на зиму и набивала колбасы.

Лучше бы и не придумать соседку, да местные жители обходили дом Лягушки стороной. Дело в том, уж больно любила та Лягушка громко и переливисто поквакать. И это бы ничего, но квакая, набирала Лягушка за обе щеки побольше воздуха и при том раздувалась до таких размеров, и увидеть-то жутко!

Но Ильшвангской Лягушке к тому же просто распухнуть было мало! Как забредет к ней кто ненароком в такую пору, Лягушка ну его уговаривать: потягаемся да потягаемся, кто сильнее раздуется! Да кому же с Лягушкой тягаться!

Понятное дело, кто сразу отнекивается, кто согласится с перепугу, да тут же и проиграет. А Лягушке без разбору! Что того, что другого — она тут же цап, и проглотит без остатку! Такая вот Ильшвангская Лягушонка!

Квакать бы ей со временем в одиночку, да как-то отправился простодушный Ганс в лес за грибами. Конечно, заблудился и прямехонько к дому Ильшвангской Лягушки вышел.

Уж как обрадовалась Ильшвангская Лягушка. Обе щеки надула, кузнечиком вокруг Ганса прыгает!

— Ганс, дорогуша, — говорит, — а не потягаться ли нам с тобой, кто сильнее раздуется!

Видит Ганс, плохи его дела, как ни крути, конец пришел.

— Отчего же не потягаться, — отвечает. — Приглашай в дом!

Лягушка от счастья не удержалась, заквакала что было мочи и в миг втрое больше самой себя сделалась!

— Это что, — махнул рукой Ганс. — Теперь моя очередь.

Вошли они в Лягушкин дом. А там под потолком окорока да колбасы развешаны.

Повеселел немного простодушный Ганс. Все равно пропадать, решил, так хоть наемся досыта!

— А ну, подавай на стол, что в доме есть! — велел он Ильшвангской Лягушке. — Да пива не пожалей!

— Это еще зачем? — удивилась Лягушка.

— Я ведь тебя не спрашивал, отчего ты раздуваться станешь, — Ганс объясняет. — Ты квакаешь, а мне с окорочком сподручнее!

Делать нечего, достала Лягушка самый большой окорок, жбан пива на стол выставила.

Крякнул простодушный Ганс, погуще намазал окорок горчицей, отхлебнул крепкого пивка да и приступил к работе. В чем, в чем, а в этом Ганс понимал толк!

— Что же ты не раздуваешься? — удивилась Ильшвангская Лягушка, когда Ганс потянулся ко второму окороку.

— Потому что мало съел, — отозвался Ганс с полным ртом. — Нарезь-ка мне, будь добра, зеленого лучку!

Смотрит Лягушка, как исчезают ее припасы, ерзает на месте, а Ганс только во вкус вошел.

— Что же ты не раздуваешься? — наконец опять не выдержала Лягушка.

— Сама виновата, — не останавливаясь, ответил простодушный Ганс. — Видно, пожалела в колбаски шпигу! А ну, хозяйюшка, подлей пива! Подожди, может еще разуюсь! Все по уговору! Мы еще с тобой потягаемся!

Видит Лягушка, от ее припасов скоро и вовсе ничего не останется! Как же она зиму-то зимовать станет?!

Ганс же урчит от удовольствия, знай себе окорока горчицей мажет, пивом прихлебывает и повторяет:

— Поглядим, может, еще и разбухну! Тогда и померяемся, кто кого!..

Закричала тогда Лягушка не своим голосом, бросилась прочь, только ее и видели. Не разбирая дороги, промчалась Ильшвангская Лягушка до самого Монтаржи, где ее поймали и съели два французских маркиза.

ОХОТНИК

На завтрак сварила добрая Марта полный котелок картошки, выставила на стол и вздохнула:

— Э-эх, как зайчатинки хочется! Сходил бы ты, муженек, на охоту...

— Да у меня ведь и ружья-то нет! — развел руками Ганс.

— Вечно какие-нибудь отговорки, — горестно покачала головой Марта. — Лентяй ты у меня, дорогой...

От таких обидных слов быстро собрался Ганс, нахлобучил шляпу с пером и отправился в лес.

Не успел Ганс до опушки дойти, из-за кустов, с болотца утка поднимается!

— Пиф-паф! — кричал Ганс. — Пиф-паф!

Утка только пуще замахала крыльями и улетела.

— Эх, не попал, — огорчился Ганс.

И дальше пошел. Глядь, прямо на него заяц бежит!

— Пиф-паф! Пиф-паф! — кричал Ганс что было мочи.

Заяц перепугался, кувырком через голову полетел, затем вскочил и прочь умчался.

— Опять промазал, — пожал плечами Ганс. — Что за невезение такое! В следующий раз подпущу поближе!

Решил так Ганс, шляпу с пером поправил, прибавил шагу. Идет, и тихонечко под нос старинную охотничью песню запел.

Ба! Навстречу Гансу огромный кабан бежит! Клыки у кабана что деревянные башмаки верной Марты! Хотел Ганс посторониться, да какое там!

Пронзительно заверещал кабан и на Ганса бросился. Припустил Ганс что было духу, едва ноги унес. Шляпу с пером где-то по дороге потерял!..

Прибежал домой, все как было жене Марте рассказывает. Марта послушала и говорит:

— Везучий ты у меня, муженек! Это же надо: утка, заяц да еще дикий кабан... Вот было бы у тебя ружье!..

Ганс почесал в затылке, вспомнил шляпу с пером и ответил:

— Нет, жена! С ружьем бы мне от кабана не убежать.

ДЕРЕВЯННЫЕ БАШМАКИ

Жарким деньком устроились добряк Ганс с соседом, старым Фридрихом, на свежем воздухе пивка отведать.

Слово за слово, разговор как-то сам собой повернул на разных колдунов и волшебников. Темное ильшвангское пиво славно пенилось, и старик Фридрих вдруг вспомнил какого-то Кюнца по прозвищу Хитрюга.

— Поверишь, все видел своими собственными глазами! — уверял Ганса Фридрих.

Кюнц Хитрюга никогда не сама делала его коса!

Мука на меленке Кюнца выходила самой доброй, но ни лошадь, ни даже ослик не ходили для этого неустанно по кругу. Жернова вертелись опять же сами собой!

Целый день на дворе Кюнца стучала маслобойка и важно разгуливали, капа янтарным жирком, жареные куры!

Самым справным во всей округе было хозяйство Кюнца Хитрюга, а сам он лишь поворачивался с боку на бок да прихлебывал пивко.

Разгоряченный рассказом Фридриха, простодушный Ганс вдруг сам не зная зачем воскликнул:

— Ну и чему же здесь удивляться! Обычное дело!

Старый Фридрих едва не поперхнулся пивом и замолчал. Он-то рассказывал о таких чудесах!

Но Ганса уже было не остановить.

— Стоит ли вспоминать о таких пустяках, как маслобойка и жареные куры! Видишь мои деревянные башмаки?..

Ганс сбросил свои старые деревянные башмаки и начал размахивать ими перед носом Фридриха.

— Достаточно стукнуть одним башмаком о другой, — сделав страшные глаза, неожиданно перешел на шепот Ганс, — произойдет такое, что и не снилось твоему Кюнцу!

Мудрый Фридрих недоверчиво покачал головой и налил себе еще кружку пива.

Тогда Ганс несколько раз громко стукнул одним деревянным башмаком о другой. На этот стук немедленно выглянула из дому жена Ганса Марта.

— Ах ты, бездельник и лентяй! — кричала Марта. — Сено не скошено, масло не сбито, крыша протекает, а он тут прохлаждается! Сейчас ты у меня узнаешь!

К вечеру хозяйство Ганса было полной чашей. И Фридрих никогда больше не вспоминал своих глупых историй о Кюнце по прозвищу Хитрюга.

Рисунок Анны АНДРОСОВОЙ

МЕТЕОРИТ

В субботний день, когда уральский городок Нижние Серги развешивает на заборах ковры, и ну их буцкать, пыль выколачивать! — Александр Иванович выписался из больницы. Три недели на горе Больничной лечили его от кашля. А в субботу — в широких брюках, голубой рубашке и светлой, чуть не белой шляпе, с авоською в руке — спешил он домой по переулку Мастеров.

— С возвращением, Александр Иванович! — приветствуют его из палисадников. И снова — бац, бац, — палками по коврам.

Раньше бы Александр Иванович внимания не обратил, а тут заметил: сколько же, сколько у них в Сергах поразительных ковров! Турецкие, персидские, войлочные, узорчатые, шерстяные, стриженные гладкие, тряпичные, самодельные половики и дорожки!..

Городок-то Нижние Серги городок, а дома деревенские, дворы — под крышей, и на воротах у всех одинаковые медные ручки в виде льва.

Но есть в Сергах и завод с кирпичной — выше Уральских гор! — трубой. Здесь знаменитые во всем мире делаются шарошки. Спросите хоть в Африке, хоть в Америке!.. Все вам ответят в один голос: хороши наши шарошки, а в Нижних Сергах — лучше!

Четыре горы с елками, похожими на копыя, стерегут этот город: Шолом, Кабацкая, Больничная и Кукан. Только "кукан" не в смысле "веревка", на которой пойманную рыбу временно пускают в воду, а в смысле "холм" или "пригорье".

С вершины Больничной к подножию Кукана шагал, помахивая авоськой, учитель Александр Иванович, географ и физкультурник — по совместительству. Зимой в лесу он торит лыжню. Для школы. На горе Кукан. Зимой там снегу по туловище. По грудь снегу! А кому и с ручками. Другой разговор, когда в лесу лыжня! Ученики катаются. Едут их родители. Потом Тягуновы — родственники Александра Ивановича. Соседи на лыжах — Тезяковы и Вирбасовы. Бандурины, Акуловы, Зыряновы, Кривошеевы!.. Тянется по лыжне гуськом городок Нижние Серги — население — шестнадцать тысяч.

Жена ему:

— Не тори. Сам кашляешь, а сам торить.

А Александр Иванович:

— Не могу!

Привычка у него такая — торить.

...Милое дело, прийти домой из больницы. Все в радость, и все тебе кажется по-другому, по-новому.

— Что-то ты, Аня, занавески вверх ногами повесила? — спрашивает Александр Иванович.

— А я их всегда — то так, то эдак!..

На занавесках узор — листья тополя. Весной Анна Степановна эти листья вешает острием к небу. Теперь, ближе к осени, острием к земле. Вроде они у нее то распускаются, то как бы опадают.

Анна Степановна пельмени варит! Настряпала три доски: две с мясом, одну — с редькой. А Александр Иванович за капустой в подпол спустился. Он в семье капустный засольщик. Нарезет капусту полную с лишком кадку и засаливает — с морковкой, яблоком, клюковкой и брусничкой. Сверху деревянный уложит кружок, а на него груз — мытый камень.

Ждет-ждет Анна Степановна, ждет-ждет, ни капусты, ничего. Глянула в подпол, а у кадки Александр Иванович с камнем в руках.

— Что это, Аня? — спрашивает.

— Это, Александр Иванович, — отвечает Анна Степановна, — гнет капустный.

— Откуда?..

— А с неба свалился! — пошутила.

А Александр Иванович:

— Пряма в кадку?! — серьезно говорит, не улыбаясь.

— Да что ты, отец? — не вытерпела Анна Степановна. — С тобой его на Кабацкой подобрали. Мы ж им всю жизнь квасим.

— Аня! Это метеорит, — сказал Александр Иванович, учитель и по географии, не только по физкультуре. — Осколок, — он сказал, — от развалившихся планет. А мы этим взезным телом... Мы, Аня, квасим им капусту.

— Нет, это ты, Александр Иванович, квасишь взезным телом, — сердито говорит Анна Степановна. — А им, может, и квасить-то нельзя. Кто знает, где он летал? На нем, может, вредные бактерии. Метеорит перекопал на кухню. Он оказался в корочке — черной скорлупе, вид имел подгоре-

дый. Одна грань его на изломе — вся в округлых шариках, как козинак с лесными орехами. На этой же стороне видны были белые блески и золотистые крапинки.

— Аня! — сказал Александр Иванович. — Что ты там отколупываешь. Это ценный для науки предмет! Если б не я, он остался бы неразысканным. В Музей! — он сказал. — Скорей! Душа не терпит!..

Метеорит летел в авоське и на всю улицу источал дух кислой капусты. Авоську с метеоритом нес сам Александр Иванович, хотя врач и не разрешил ему поднимать тяжелое.

— Александр Иванович! — кричали ему знакомые, а сами: бац, бац, выбивали ковры. — Сияешь!.. Вроде трех быков продал!..

— Ну?! — отвечал им Александр Иванович.

Такой на Урале есть ответ на очень многие вопросы. Спросишь Витю Кривошеева, соседа:

— Хорошая сегодня рыбалка?

— Ну?! — скажет Витя. И больше ничего.

Или у Бирбасовой тети Кати:

— Вы что вяжете? Носки?

— Ну?! — скажет вам тетя Катя.

А спросят у Александра Ивановича в музее научные сотрудники:

— Это что у вас в авоське, не метеорит?

И Александр Иванович ответит им то же самое:

— Ну?!

— Ему надо что-то простое, не требующее особых усилий, — говорит папа. — Но чтобы он сразу видел результаты своего труда.

— Это какой вид деятельности? — спрашивает мама.

— Я сам себе постоянно задаю этот вопрос, — говорит папа, — и не нахожу ответ.

Так бы мы и терялись в догадках, если бы не случай, который неожиданно пролил свет на мое истинное призвание.

Однажды мы с мамой ехали в автобусе. Едем мы — свободные как ветер, на первом сидении. Мне видно дорожку в лобовое стекло, руль, педали, переключатель скоростей. Весна, а в воздухе уже пахло летом, и я с наслаждением стал подумывать о близком конце четвертой четверти.

Вдруг видим: во дворе горит дерево. Здоровая липа, живая, зеленая, на ней только почки распустились. Первые листья! Двадцатое апреля! И вокруг ствола полыхает помойка.

Все:

— Ах!

— Ох!

Мама как закричит:

— Остановите автобус!

Водитель нас высадил и дальше поехал. А мы — я и мама — бросились со всех ног к пылающему дереву. Я, главное, так люблю липу! Особенно, как она цветет. В мой день рождения всегда цветет липа.

Мы прибежали и давай огонь топтать, пока у нас по-

ДРЕВО МОЕ СУЧКОВАТОЕ

Что моим родителям жаловаться? У них удачный ребенок — я!

Нет, они мне покоя не дают, со света сживают, все норовят меня к чему-нибудь приспособить.

— Истинное сокровище для людей — умение трудиться, — говорит мама. — Это сказал Эзоп.

— Особенно в наши дни, — вторил ей папа, — в условиях жесткой конкуренции. Даже среди контрабасистов, — говорил он, — идет кровавый бой. Они думают — выучился играть на контрабасе, и все, ты первый. Нет! Их, этих контрабасистов много. И такая картина везде!

— Чтобы Андрюху не съели в конкурентной борьбе, — говорит мама, — надо решить — что ему в жизни пригодится: либо голова, либо руки. Третьего не дано. И начинать уже делать на этом акцент.

— На голове ему делать акцент — только время терять, — говорит папа. — Голова вещь такая, специфическая, требует определенных природных данных.

— А руки?! — воскликнула мама. — Шить он не умеет, штопать тоже, узелок завязать собрался — не смог. Учитель по труду задал детям обтачивать кубики до состояния шариков. Наш сын обточил все до полного исчезновения.

дошвы не задымились. А к липе не подойти. А липа на волосок от гибели!

Мы к дому, чьи окна выходят во двор.

— Эй, люди! — кричит мама. — У вас горит дерево! Кое-кто высунул нос из окна.

— Дерево! Дерево! — зовет их мама. — Помойка! Огонь!

Никто не выскочил, не отозвался.

— Брось ты свою дурацкую привычку, — говорю я, — обращаться ко всему человечеству. Каждый думает, что это не ему орут, а соседу, особенно если катаклизм.

— Зачем так мрачно смотреть на вещи? — с упреком сказала мама. — Всякий человек — это божья тварь. Надо только достучаться до его сердца.

Тут из подъезда в тепленькой безрукавке выходит жилец. Бережно и торжественно нес он перед собой в бачке пыль от пылесоса.

— Товарищ! — кинулась к нему мама. — Гнусное злодеяние. Кто-то поджег дерево!

Жилец остановился и, задумчиво глядя на пожар, сказал:

— Собственно, с чего вы взяли, что это поджог? Может быть, дерево загорелось от молнии? Был такой случай: плыли мы по реке Енисею. И вдруг на моих глазах из тучи ударила зигзагообразная молния, и с ужасным треском загорелся дуб!

А мама:

— Какая разница? Несите скорее воды.

Жилец — ей:

— Только не сию минуту! Я должен опорожнить бачок.

— Сейчас не время опорожнять бачки, — сказала мама.

— А что скажут люди? — спросил жилец. — Исидор Мойшевич Зильберштейн начал дело и не довел до конца.

— Что у вас там в бачке, — спрашивает мама, — что вы с ним носите, как с писаной торбой?

— Это никого не касается, — заносчиво отвечал Исидор.

— Дайте я посмотрю!

— Нет, я не позволю!

— Значит, вам безразлично всю живое! — сказала мама.

— Зачем вы меня обижаете? — надулся Исидор. — Я не останусь в стороне от борьбы. Но я буду бороться по-другому.

— Земля наша велика и обильна, — сказала мама, — но порядка в ней нет.

Мы вошли в подъезд и нажали на первый попавшийся звонок. Нам открыл очень пьяный человек в фиолетовой майке с диким кораблем на животе.

— Да, я вижу, — ответил он, когда мы сказали ему про дерево. — Я на все это взираю, переживаю. И то, что я напился — это из-за него по большому счету!..

Он был так слаб, что мы не рискнули звать его на пожар, и позвонили в соседнюю дверь. Нам открыл худой дряхлый небритый старик — настоящий пустынно-

житель. Что меня поразило — это его рубашка без пуговиц, наглухо зашита на нем до самой шеи. В комнате у него был только плед на полу и портрет этого дедушки в детстве: толстый краснощекий "Мальчик, освященный солнцем".

— Я человек южный, — приветливо сказал он. — Хорошо что у меня есть плед. Я завернусь в него и сплю. Или не сплю: холодно, ветер, разные страхи...

Мама предложила ему бросить все и бежать тушить пожар. Но он не услышал нас.

— Вы, наверное, "перепись населения"? — спросил он. — Когда "перепись населения", я всегда говорю, что я негр. Белый негр. Так и запишите.

— Бедный старик, — пробормотала мама. — Как все-таки ужасна одинокая старость.

И мы поднялись на второй этаж. Открыли нам два голых человека — мужчина и женщина.

— Вы понимаете, — мама не дрогнула. — У вас во дворе горит дерево.

— Как они подожгли? — удивилась женщина. — Сейчас и спичек ни у кого нет.

— Мы даже газ включаем без спичек, — вступил в разговор мужчина, белый, как макаронина.

— Зажечь может тот, кто сам горит! — назидательно сказала женщина.

Мама — им:

— Воды! Воды!

— Но мы же голые, — отвечали голые.

А мама:

— Идемте! Вас ждет награда! Вам дадут медаль "За храбрость при пожаре!"

— А куда мне ее прицепят? — испуганно спросил голый, оглядывая себя с головы до пят.

— Он всю жизнь крутил быкам хвосты! — с любовью сказала женщина.

— И ковырял в носу бегемота, — добавил мужчина.

— Я так горжусь тобой, — сказала голая женщина и, немного помешкав, закрыла дверь.

— Счастливые глухи к миру, — вздохнула мама. — Что с ними разговаривать?

В квартире напротив играли мою любимую песенку "Хелло, Долли!" Там жил музыкант. Он распахнул дверь — сутулый, грустный, молчаливый, и поглядел мимо нас с мамой — в дальнюю даль.

— Минуту на сборы! — вскричал он, узнав в чем дело, и кинулся искать ведро.

В поисках ведра он вверх дном переворачивал квартиру. А мы с мамой ждали его на лестничной клетке, и нам видно было горящее дерево. Ствол внизу почернел и обуглился, кора изнутри светила оранжевым, огонь подбирался к веткам и листьям.

Сколько деревьям приходится ждать и терпеть до весны! Сколько стоять — не играть, не болтать и не прыгать. Как-то в лесу я представил, что я сосна. Низенькая сосна, которой тянуться вверх сотни лет, но не сойти с этого места. Ни убежать, ни позвать на помощь — чтобы ни струсилось. А стоять и стоять, и стоять, и

расти до самой смерти. Я пяти минут не выдержал, не смог!..

— Вы еще здесь? — донесся из квартиры голос музыканта. — У меня так и чешутся руки тушить пожар.

Он вскрикивал:

— Я обожаю быть в гуще событий!

— Вы правильно сделали, что пришли именно ко мне!

— Я знаю все способы тушения, как свои пять пальцев!

Наконец он вышел, ужасно огорченный, без ведра, и сказал:

— Видите ли, в чем дело, я слепой. Для меня найти что-нибудь — это целая проблема. Попробуйте попытаться счастья этажом выше.

— ...Соседу надо мной не стучите! — крикнул он нам вслед. — Там живет Коробкин. Он потерял интерес к жизни.

Тогда мама позвонила в дверь наискосок. В дверную щель через цепочку выглянул какой-то тип. У него были большие уши, как у Будды, и взгляд полностью непросветленного человека.

— Сейчас я его подкуплю, — сказала мама и стала совать в щель помятый трешник.

— Пожаргоритлипагоды! — скороговоркой выпалила мама.

А он и отвечает ей вдруг с душевной болью:

— Как вам не стыдно? Это же денежный знак достоинством три рубля, сделанный из чистого хлопка!

Три рубля на три года рассчитаны, а изнашиваются за полтора при таком с ними обращении!

Он вырвал из маминых рук три рубля, с усердием их распрямил и разгладил, принес клейкую ленту, подклеил, отдал и захлопнул дверь.

— Люди, люди, порождения крокодилов! — сказала мама, спускаясь по лестнице.

Я плелся за ней.

— Сколько я ни живу, — говорил я, — никак не могу понять, из чего у человека сделаны уши? Они же гнутся, как картон. Вроде, ни кость, ни кожа, какой-то особый странный материал.

— Этот странный материал, — отвечает мама, — называется хрящ.

Она вышла из подъезда, оглянулась, и прежде чем окончательно упасть духом, крикнула бабушке, мирно гулявшей на балконе:

— Вы что не видите? Пожар! Бегите звать людей!

— Я не могу, — ответила старушка.

— Но почему?

— У меня нет ног.

Мне пришлось поддержать маму, иначе бы она упала. Кругом дым, гарь, чад, не сияли огни, не светило солнце, не появлялись планеты, созвездия и кометы, только красные языки пламени вырывались из ствола липы, страшно выл черный пудель, да серое воронье кружило над деревом.

— Все, конец, — в отчаянии проговорила мама.

Но что это?! Как мираж в горячем зыбком воздухе, на погорелый двор с ревом въехала пожарная машина.

— Андруха! — бормочет мама. — Это труба архангела.

Но нет, в обмундировании, с усами и в шлеме из кабины выходит пожарный.

— Так-так, — говорит он, осматривая место происшествия. — Так-так. Так-так-так.

А мама:

— Скорее! Скорее!

— Куда спешить? — солидно говорит пожарный. — Надо делать вещи основательно. Тогда они будут жить в веках.

Голос у него звучный. Телосложение могучее. Свет и покой излучает он.

— Ну, теперь все будет хорошо, — с облегчением вздыхает мама.

— Все хорошо. Все хорошо, — улыбается пожарный, выпячивая грудь. — Только у нас нет воды.

— Как нет воды???

— С водой сейчас перебой, — поник головою пожарный. — Отсюда пробуксовка в ликвидации пожаров.

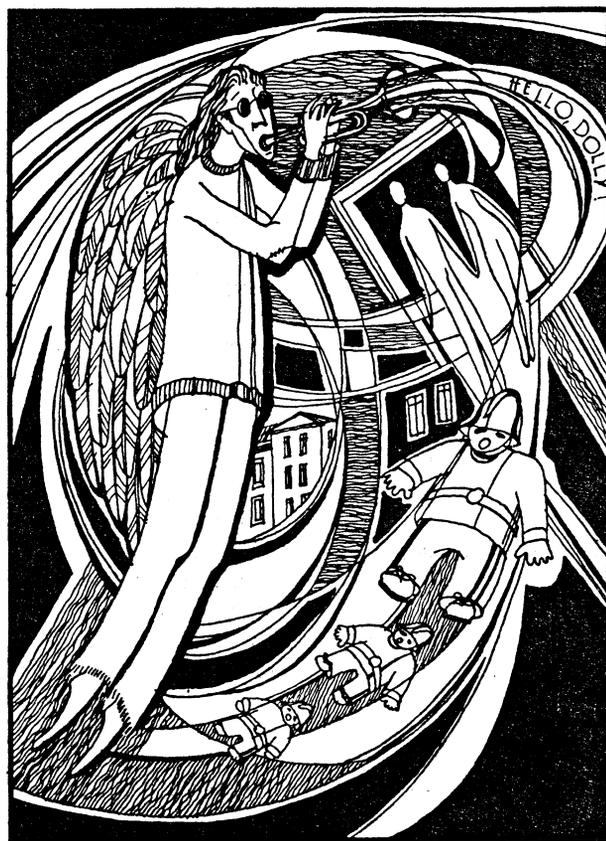
— Но может быть, есть еще какой-нибудь способ? — спрашивает мама.

Брови пожарного сошлись на переносице. Обмозговав все "за" и "против", он бросил с размаху на землю резиновые перчатки и сказал:

— Есть такой способ! Риск, правда, очень большой. Да была не была!

Он влез в машину и обменялся с командой короткими фразами, которыми обмениваются люди несловоохотливые, но хорошо понимающие друг друга.

— Давайте, ребята! — толстым басом приказал пожарный, — только без лишнего геройства. Знаю я ваши горячие головы, — напутствовал он выходящих из машины пожарников и хлопал отечески каждого по плечу.

Все они были исполины, каких я сроду не видывал, даже трудно поверить, что живут на свете такие великаны. Их бессловесное появление вызвало любопытство у обитателей дома. Многие прильнули носами к стеклам и внимательно следили за разворотом событий.

Тем временем пожарные вошли в самое пекло. Слаженно и неторопливо они окружили горящее дерево и с величайшей серьезностью стали расстегивать свои комбинезоны.

— Я не понимаю, — сказала мама, не в силах вынести волнения ожидания, — что они собираются делать?

Величественные и невозмутимые, ни разу не оглянувшись, грозно и торжественно пожарники расстегнули штаны.

— По когтю узнают льва, — услышал я потрясенный шепот мамы.

И мы подошли поближе — убедиться, что нас не обманывает зрение.

В ту же секунду сильные струи диаметром каждая не менее трех-четырех сантиметров ударили по эпицентру пожара. Это казалось невысказанным, они они окатили всю липу — от кроны до корней, хотя дерево было чудовищных размеров.

Они гасили и гасили, мужественные, непреклонные, засучив рукава, на полную катушку, ни разу не зевнули, не кашляли. В течение трех часов сорока пяти минут воцарившуюся тишину нарушало лишь журчание струй, шипение потухших углей, потрескивание гаснущей коры.

И, о чудо! Прямо на глазах ожили мхи и лишайники, лист подорожника, дикий укроп. Взламывая асфальт, буйно пошел репей, вымахал Иван-чай, зацвели одуванчики.

А из блочной пятиэтажки двинули его обитатели: страждущие и недужные, безродные, осовелые, карлики, воины, клопоморы, пропагандисты, космонавты, культуристы, одинокие, одинаковые, слабогрудые, пропавшие без вести, суетливые, бесцеремонные, увивающие, сырые, серые, немые, ударенные мухобойкой, опрысканные висектицидами, голые, косноязыкие, закоренелые, выходцы с того света, злые, с ужасно большими ногами и заложенными носами, пьяные, холодные, оступившиеся, поперхнувшиеся, те, кто на птичьих правах, на плохом счету и в плену у своих предрассудков.

Среди них были люди, которые плохо слышат, плохо видят, ничего не знают и ничего не понимают, тучные, корявые, красные, с тяжелым взглядом, волевыми чертами, начисто отрицающие, что Земля летит в пространство.

Вся эта шатня-братия сгрудилась около пожарных, как посетители ВДНХ — вокруг фонтана "Дружба народов". Они толкались, глазели, напирала.

— Патронов не жалеть!!! — кричала моя мама, стоя на скамейке и размахивая сумочкой.

Воспламененный маминым призывом, мужчина-лилипут, будто на штурм крепости, бросился к липе и внес огромный вклад в дело тушения пожара. При этом он

таким держался молодцом и так победоносно поглядывал в нашу сторону, что мама сказала мне:

— Я бы хотела, чтоб из тебя вырос такой же лилипут!

Да я им сам стгорал от желания присоединиться к героям, которыми восхищались все, даже самые черствые сердца.

— Вот они, сокровища нашей нации! — сказал Исидор Мойшевич Зильберштейн, пытаясь обратить на себя внимание моей мамы.

Но мама не удостоила его взглядом.

Воскресшая липа шумела листвою над нашими головами, и по живому стволу ее снова забегали муравьи.

— Вижу! — раздался крик. Толпа всколыхнулась. Это прозрел музыкант и заиграл мою любимую песенку "Хелло, Долли!"

Тут началась такая чертовщина! Синие стали зелеными, замерзшие — запарившимися, военные — штатскими. Карлик превратился в великана. У него был неорлиный нос — стал орлиный. Малолетние получили помощь из-за границы. Голые пели. Неподвижные танцевали. Кто хотел быть негром — стал им. Инвалиды — как и везде уже во всем мире, начали жить интересно. Пьяного выбрали председателем вольного общества борьбы за трезвость. Новенькие с иголки денежные знаки достоинством три и один рубль реяли над землей. Люди стали сердечнее, земля плодороднее, в магазинах опять появились яйца.

Когда силы пожарников иссякли, раздалось огушительное "Ура!" и единодушные рукоплескания. Пожарные отвечали на это скромной улыбкой, будто хотели сказать, что ничего сверхчеловеческого они не совершили, а только выполнили свой долг.

— Но откуда вам стало известно о пожаре? — спросила мама. — Случайно или как?

— Нет, не случайно, — ответил пожарный командир. — Нас вызвал, — он достал блокнот из нагрудного кармана, — Зир... Зим... товарищ Зильберштейн.

— Исидор Мойшевич?! — ахнула мама.

— Да, это я, — признался Исидор. — По телефону "ноль-один". Если немного подумать, — добавил он застенчиво, — всегда приходят гениальные мысли.

— Качать адмирала! — закричал Коробкин, в котором неожиданно вспыхнул и разгорелся интерес к жизни.

— Куда ты? Я тяжелый! — отбивался Исидор Мойшевич.

— Да ну, тяжелый! Ты легкий, как поросенок! — кричал Коробкин. Взъерошенный, глаза маленькие, голова неправильной формы — он приветствовал радостным гиканьем находчивого Исидора, храбрых сокрушителей пожара, спасенную от огня липу, двор, мир и весну.

Тут я и говорю маме:

— Мама! Я хочу быть пожарным!

Я боялся, она будет против, я знаю, она мечтала, чтобы я стал врачом или журналистом. Но она ответила:

— Давай, Андрюха! Это настоящее мужское дело!

Меня только огорчает, — добавила она, — что они, наверное, мало читают. Записаны ли они — я не знаю — в какую-нибудь библиотеку?..

Зато когда нас отпустили на летние каникулы, наша учительница сказала маме:

— Пришла пора Вам подумать и решить — что Андрею Антонову пригодится в его будущей профессии: либо голова, либо руки. Одно из двух. Третьего не дано.

— Дано! — торжествующе ответила мама, спокойная и уверенная в моем завтрашнем дне.

ЕДИНСТВЕННЫЙ В ПОДНЕБЕСНОЙ

— Пришла пора нашему Киту жениться, — решил папа.

Не знаю, из чего он сделал этот вывод. Сам Кит и не подумывал о женитьбе. Он ел и спал, спал и ел, и был абсолютно счастлив.

— Кит, Кит, — говорил ему папа. — Ты такса не первой молодости. Ты что же все ешь и спишь, не хочешь, чтобы твое имя осталось жить в веках? Ты должен стать мужем и отцом. Иначе кто будет баюкать твою одинокую старость? И ты умрешь не в кругу благодарных правнуков и внуков, а как бродяга под забором.

Кит выглянет из кухни — лицо в каше, такой лучезарный! Он даже ночью стучит хвостом по дивану — все кому-то радуется. Еще не разобрался, кто пришел, а уже лизаться! Как никто, Кит умел ценить дружеские узы, но к продолжению своего рода он не проявлял ни малейшего интереса.

— Браки совершаются на небесах, Михаил, — успокаивала папу мама. — Просто Кит пока не встретил свою любовь.

А папа:

— Главное, чтобы он встретил своего поля ягоду. Здесь, Люся, — объяснял он, — нужен строго научный подход.

И начал названивать в клуб собаководства, чтобы с нашим Китом соединила судьбу какая-нибудь высокородная короткоухая такса.

— Для этого вы должны пройти Общий курс дрессировки, — сказали папе. — Сдадите экзамен, получите жетон, внесете взнос на процветание клуба и явитесь на случку.

— О'кей! — сказал папа, записался на собачью площадку и давай намекать Киту, что, мол, кончилась его беззаботная холостая жизнь.

— Это твой долг как гражданина, — не забывал добавлять папа, видя, что Кит пропускает его намеки мимо ушей.

Выйдет, осоловелый, заспанный до неузнаваемости, а на голове бумажка.

Мама была против.

— Это тоже самое, — говорила она, — что профессора, доктора наук усадить за парту первоклассника.

— Зато без жетона, — упирался папа. — Кит у нас так и останется неженатиком.

Они начали вспоминать историю своей женитьбы, как мой папа специально приурочил это событие к Восьмому марта, чтобы лишний раз не тратиться на подарки. А когда он шел во Дворец бракосочетаний, у него из-под брюк выглядывали пижамные штаны.

— А ты что такой не донжуан? — с залихватским видом спрашивал папа у Кита. — Жизнь прожил бесцельную, нечего будет вспомнить перед смертью.

А Кит лежит на кровати в золотых подштанниках и трубочку покуривает.

— Надо иначе жить, а не как бог на душу положит, — растолковывал папа Киту по пути на собачью площадку. — Кругом грабежи и насилие, а ты такой гу-бошлеп.

— Пойми раз и навсегда, — назидательно говорил он, — мир делится на своих и чужих. И на самок и самцов!

— Ты — самец!!! — восклицал папа. — Самец в полном соку! Ты должен воспитать в себе злобность.

Кит доверчиво шагал рядом и улыбался. Он думал, что папа шутит. Но когда он увидел, сколько ужасов и препятствий поджидают его на собачьей площадке, то, как мог, стал увливать и отбрыкиваться.

Стоял невообразимый гвалт! Пыль, лай, рычанье,

крики "Фу!", "Фас", "К норе!", возле самого уха падали из пистолета!.. Кита науськивали, затюкивали, ему совали бутерброд, а когда он любезно согласился его принять, ударили по морде. И настырный мужик приставучий — инструктор — махал перед носом у Кита рукавом телогрейки.

Иной раз невооруженным глазом заметно, как в человеке борются мамонт с саблезубым тигром. И хотя по природе Кит не был вспыльчив, но этот рукав его доконал.

Он мотнул головой, сбросил "строгий" ошейник, встал на дыбы, словно бешеный бык, налетел на инструктора. Я Кита никогда таким не видел: он позеленел от злости.

Мы с папой бегали вокруг, пытаюсь его схватить, но Кит был все время в полете — рыжий — и визжал.

В конце концов он дунул с огромной скоростью в неизвестном направлении. Мусорный ветер крутил вокруг Кита, шерсть дыбом у него стояла, и пот капал с подбородка.

— Ой, — испуганно сказал папа. — Боюсь, мы пошли не совсем по правильному пути.

Но было поздно.

Кит вернулся домой вечером злой-презлой. Он дочиста обглодал кость, а когда я хотел ее выбросить, чуть не откусил мне руку. Буквально за неделю Кит стяжал себе славу собаки надменной и скандальной. Он стал горяч, как корсиканец, и просто не переносил, когда на нас кто-нибудь посмотрит, я уж не говорю дотронется!

Соседа Сорокина покусал — тот проходил мимо нашей двери. Кит! Добрейшее существо, бессеребренник! Теперь очень не любил, когда кто-то смотрел на нашу дверь.

К нам в гости уж больше никто не приходил. Пришел как-то раз папин друг Толя Лейкин — весь вечер простоял на балконе, а, уходя, сказал папе:

— Миша! Я больше к тебе не приду.

О том, чтоб у нас переночевать, вообще не могло быть и речи.

— Хочу заснуть, а боюсь, — признавалась мне баба Паня из Витебска, — вдруг в горло вцепится?

Как выводить Кита на улицу — папа ведет, а мама кричит из окна старушкам:

— Разойдись, нам надо собачку вывести погулять.

Те не жалуются, не ворчат — вжить! и нет никого.

Один раз рота солдат шла, Киту они не понравились. Он вырвался у папы и побежал. И укусил командира.

— Ужас, что жизнь делает с человеком, — говорил папа, глядя на Кита.

Нам потом сказали, что у короткоухих такс бывает лидер. Это страшный зверь, страшный, он не признает никого, кто был бы первее его. И это наш Кит. К тому же он стал такой пылкий! На всех готов жениться, без разбору!

Он удирал, беспутствовал, питался на помойке, лез в драки, втянулся в дурную компанию, начал употреблять спиртные напитки.

Папа весь кипел от возмущения.

— А ну ее к свиньям, эту собаку, — ругался он. — Я его сдам в Ветеринарную Академию.

Стали кооператоры предлагать продать Кита за огромные деньги — защищаться от рэкета. Один к нам возил из Чертанова миски азу! Кит мясо съест — и на него — а-ам!!!

Тут моего двоюродного брата Васю забирают в армию в пограничные войска. Приходит он с бритой головой и мешком за плечами и говорит:

— Дайте я, тетя Люся, Кита заберу караулить китайскую границу.

— Ты шутишь, — ошарашенно отвечает мама.

А папа:

— Устами Васи говорит бог. Пускай Кит поедет, проветрит свой хвост. Армейская дисциплина проясняет мысли.

Мы с мамой побаивались, что Кит разорвет Васю на части, он слушался теперь, и то вполуха, одного только папу.

А Вася спрашивает:

— Каким вы, дядя Миша, пользуетесь одеколоном?

— Одеколон "Консул", — важно отвечает папа.

— Дайте побрызгаться!

Побрызгался он с ног до головы, взял Кита, и тот спокойно с ним пошел. Мы ахнули. Даже было немного обидно.

— Береги Кита, Вася! — крикнул папа им вслед. — Если что — я сам себе этого не прощу!..

Спустя полгода от Васи пришло письмо. Собрались мы и стали читать.

"Здравствуйте, дядя Миша, тетя Люся и Андрей! Как вы там поживаете? У нас все хорошо. Я и Кит несем службу на государственной границе. Бойцы сначала подшучивали над нами, мол, что это за пограничный пес? "Кит-урод", прозвали они Китулю. Но когда он один приволок на заставу двоих китайцев, сразу зауважали его после этого случая.

Главное, что нужно освоить Киту, по запаху отличать китайца от некитайца. Китайца от китайца пограничных собак отличить не учат. Это и для инструктора-то невозможное дело: все китайцы похожи, как близнецы, и разговаривают на один лад.

Дядя Миша! Китайцы норовят все время перебежать границу. Кит сразу учует чужой неприятный запах, возьмет след и громадными прыжками бежит нагонять врага. А я за ним продираюсь сквозь густые заросли лимонника.

Теперь я понял, зачем у Кита грудь узкая, как киль корабля. Это чтобы рассекать воздух, когда бежишь. Догонит, ударит бегущего в спину, сшиб его с ног, а я врагу руки за спину закручиваю.

"На вид заморыш, а сам во какой двужильный", — с уважением отзываются о Ките на заставе. Кит тут так повысил свою активность, что он каждой бочке затычка. Одно его бессловесное появление заставляет врага цепенеть от страха. "Син-лянь-пяо" прозвали его китайские перебежчики, что в переводе на русский язык оз-

начает "Кит-убийца". А за его голову нарушители назначили приличное вознаграждение.

До свидания, дорогие тетя, дядя и брат! Шлите побольше продуктовых посылок!

Тянь-Шань. Желтые источники. Ваш — Вася".

Через месяц начальник заставы полковник Дураченков прислал папе благодарственное письмо, где он общал, что намерен представить Кита к награде.

Письмо Дураченкова папа всем показывал и с гордостью говорил:

— Кит — фигура противоречивая. Однако чего у него не отнимешь, это умения сочетать личные интересы с интересами государства.

Потом Вася собственной персоной приехал на побывку. Башмаки пыльные, раздобрел почти вдвое. Глазки, носик, — все маленькое, и во-от такой подбородище! Папа обнял его, хотел приподнять, но даже от земли оторвать не смог.

— Ну ты, Вася, чугуи с молоком! — в восторге проговорил папа. — Рассказывай поскорей, как наш Кит?

— Дядя Миша, — печально ответил Вася, — лучше не спрашивай!

Папа занервничал, затосковал.

— Выкладывай, — говорит, — что стряслось.

Оказывается, Кит, в великой запальчивости преследуя нарушителя, пересек нейтральную полосу, причем так газанул, что в один миг стал недостижимым для Васи. Бедному Васе оставалось только стоять и смотреть, как Кит стремительно убежал за границу.

— Были двое, а теперь я один, — грустно закончил свою историю Вася. — И ничего, ничего хорошего у меня никогда уже не будет.

Все сидели и плакали, кроме меня. Я боюсь, если я заплачу, я вспомню все-все и уже не остановлюсь. Я сразу представил себе, что Кит на чужбине бредет сиротливо, изнывая от жары. Или, наоборот, продрог до кости. Черный, как ежевика, у зеленых холмов.

— На заставе, — еще добавил Вася, — Кита объявили пропавшим без вести. Решили, что он попал в лапы к перебежчикам. "Живым бы он им не дался", — заметил полковник Дураченков и приказал в честь Кита поставить на гореobelisk.

— Наверно, его схватили, — заливалась слезами мама, — на куски изрубили и съели! Они, китайцы, любят собачатину!..

Папа стал вспоминать, что последнее время он с Китом был немного суховат. И, к стыду своему, даже поколачивал его, правда, не рукой, а газетой.

— Меня только волнует вопрос, — озабоченно проговорил папа, — как он вел себя в последнюю минуту? Позорно бежал или пал как герой?

...Прошел год. Вася вернулся из армии и поступил в авиационный институт. Мы старались не говорить о Ките, и, как выражался папа, завить горе веревочкой.

Но как-то раз, проснувшись поутру, мой папа взял полистать журнал "Вокруг света". И вдруг увидел фотографию: горы, небо, тутовая роща, под деревом сидит отшельник, похожий на сухофрукт. А рядом — странная для тех мест — удлинненная собака.

Под фотографией надпись:

"Китайский даос Счастливыи Дракон и его пес — поистине единственная такса во всей Поднебесной. Тянь-Шань. Желтые Источники".

— Желтые Источники... — пробормотал папа. — Те самые места, где проходил службу Вася... Лопни мои глаза!!! — вскричал он в неопиcуемом волнении. — Это Кит!

Это был Кит, я тоже его узнал, хотя он переменялся; в нем не было ни следа беспокойства. Кит лежал у ног отшельника — сияющий, отрешенный от всего земного — просто не собака, а ангелок.

— Вы только посмотрите на него! — папа так и взвился. — Мы тут как на горящих углях сидим, а он там прохлаждается! Черта лысого!!! — закричал он. —

Я должен разбиться в лепешку, но вернуть его домой. И дедулю с собой прихватим. Будем баюкать его одинокую старость. А то он, как я погляжу, совсем оторвался от жизни.

— Снарядим экспедицию, — деловито продолжал папа. — Возьмем военных, альпинистов, этнографов... Захватим лимонада, бутербродиков с колбаской, оформим визы, достанем денег... Нам, может быть, далеко до гор, а этим горам до нас только мизинец протянуть!..

Мы снова взглянули на фотографию: взор Кита был тих и ясен, и устремлен к безмолвным снежным вершинам. Мы смотрели на него и не знали — снаряжать ли экспедицию, или оставить его в покое — там, где он обрел, наконец, душевное равновесие.

Рисунки
Анны АНДРОСОВОЙ

Юрий КОВАЛЬ

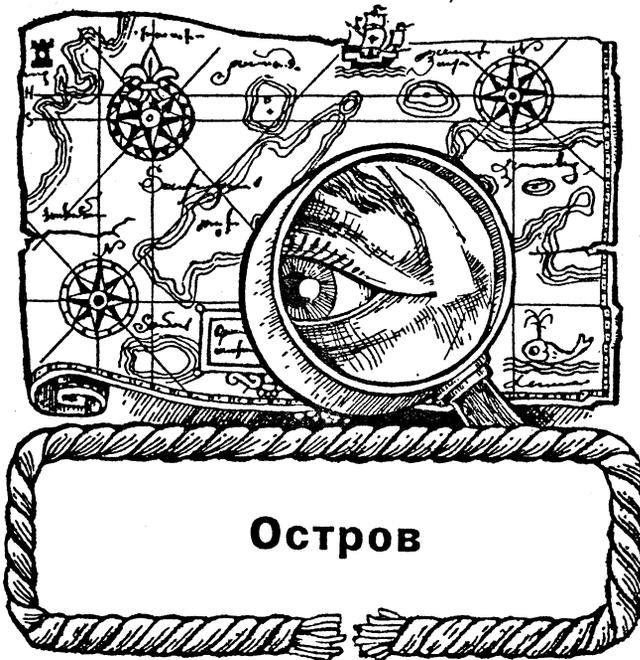
Сэр Суер-Вьер

"Темный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.
Наш старый фрегат "Лавр Георгиевич" тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи.

— Фок-стаксели травить налево! — раздалось с капитанского мостика..."

Так начинается новый роман известного детского писателя Юрия Коваля. Так начинаются невероятные приключения капитана сэра Суер-Вьера и его команды.

Фрегат бороздит моря и океаны, открывает неизведанные острова — да какие! Здесь остров Шампиньонов, остров Валерьян Борисычей, Остров Печального Пилигрима, остров Пониженной Гениальности, остров Неподдельного Счастья... Любой юнга отдал бы многое, чтобы оказаться на палубе "Лавра"!.. Юнгам ничего не обещаем, а вот наши читатели побывают и на "Лавре", и на диковинных островах... Достаточно прочитать несколько глав из романа, которые мы выбрали для публикации...

— Вы знаете, капитан, — воскликнул однажды утром лоцман Кацман. — Мы совсем неподалеку от острова, обозначенного на карте. Всего каких-нибудь десяток морских миль. Может, заглянем? А то мы все время открываем острова необозначенные. Можно ведь и на обозначенный иногда поглядеть.

— Вообще-то, здравая мысль, — согласился Суер-Вьер. — А как он называется?

— Что? — спросил Кацман.

— Остров как называется?
— Ага, понял, — сказал лоцман. — Сейчас гляну.

Он надел очки и вперился в карту.

— Бэ... — шептал он про себя. — Или вэ... Не поймешь!

— Ну, в чем там дело?

— Понимаете, сэр, остров на карте виден, а вот название зяляпано!

— Чем еще, черт возьми, зяляпано?

— Пятнами. Не карта, а лошадь в яблоках!

— Не знаю, — сказал Суер, — стоит ли заглядывать на этот остров? На карте он обозначен, а название не известно!

— Да вы не беспокойтесь насчет названия, сэр, — сказал Кацман. — Мы ведь только на остров глянем — враз догадаемся, как он называется.

— Ну, ладно! Заглянем на этот остров, — сказал Суер. — Посмотрим, стоило ли его в сущности на карте обозначать... Сколько там до него?

— Теперь уж всего два лье, сэр!

— Это недалеко. Возьмите льевей, старпом!

— Льево руля! — крикнул старпом Пахомыч.

— Не понимаю, в чем дело? — сказал капитан.

— Заснул, что ли, впередсмотрящий? Остров давно должен быть виден!

— Ящиков! — гаркнул боцман. — Спишь, сучья лапа?

— Никак нет, господин боцман! Смотрю!

— А что же не орешь: "Земля! Земля!"?

— Не вижу.

— А ты протри очко, кобылий хрящ!

— Да вы сами посмотрите, — обиделся впередсмотрящий. — Не видать же ничего!

Мы посмотрели вперед, но, как и Ямщиков, земли нигде не заметили. Болталась на воде деревянная посудина, в которой сидели два какие-то морских хвоща.

— Эй, на лодке! — крикнул в мегафон старпом. — Где тут у вас остров?

— Какой остров? — спросили хвощи.

— Да этот, обозначенный на карте!

— А как он называется?

— Да не поймешь. У нас на карте название чем-то заляпано.

— А... Так это вы не волнуйтесь, — отвечали с лодки. — У этого острова на всех картах название чем-то заляпано. На нашей тоже.

— А как же он называется?

— Да кто его знает? Название-то заляпано!

— Ну ладно, — сказал старпом, — заляпано так заляпано. А где сам-то остров?

— Остров-то? Да вы мимо проехали!

— Как это проехали?

— Уж это мы не знаем, а только проехали. Остров-то лежит вон там, поправее.

— Разворачивайтесь, старпом! Давайте на правый галс!

"Лавра Георгиевича", фрегат наш, развернули. Прошли еще парочку лье туда-сюда, туда-сюда. Никакого острова видно не было. Только в лодке сидел какой-то лопух в кепке.

— Эй, — крикнул старпом. — Где тут у вас остров?

— Да ничего... — ответил лопух. — Берет поменьше.

— Остров, говорю, где?

— На червя, конечно, — отвечал в кепке. — А бывает и на голый там крючок. Да вы сами попробуйте!

— А где остров, у которого название заляпано?

— Ну, мелочь, блин, замучила. Тырк-тырк... За кончик дергаеть — взять не может... Шутить и шутить...

— Господин лоцман, — сказал капитан. — Это была ваша идея заглянуть на остров, обозначенный на карте. Где он?

— Не знаю, сэр! Тут должен быть! Не замыло ли?

— Что за ерундовина? — возмутился капитан. — Название заляпали! Остров замыло! Что это такое, я вас спрашиваю!

— Не знаем, сэр, — оправдывались мы. — Бывает и такое. Погодите, вон еще одна лодка. Давайте спросим!

Мы приблизились к лодке, в которой сидели три на вид вполне благоразумных монстра.

— Господа, — крикнул старпом. — Где тут у вас остров, обозначенный на карте, у которого название заляпано?

— А... Вон вы чего ищите... — отвечал старшой. — А мы то думаем, чего вы взад-вперед катаетесь? А вы остров ищите... А-а-а... Вон чего... Так вы его проехали. Вам поправее

надо, а после налево взять. Тут вы увидите: лопух сидит в кепке. Врет, что мелочь замучила. У самого в рундуке вон какие "лапти" лежат. От него все время прямо, потом налево. Бейдевинд такой, сечете? После бейдевинда надо прямо... Прямо-прямо, и увидите двух харь, вроде хвощей. Вот у них-то точно мелочь. А они врут, что у них на

карте тоже заляпано. У них-то как раз не заляпано! Они точно название знают!

— Ну, и какое же это название?

— Мы не знаем. У нас-то заляпано.

— А эти что — не говорят, что ли?

— Не говорят. Сами названием пользуются, а другим не дают! Такие жлобы! У них не то что названия, зимой сто грамм не допросишься.

— А где сам-то остров?

— Да вы его проскочили. Назад ворочайтесь.

— Все! — сказал капитан. — К черту этот остров! Возвращаться никуда не будем. Полный вперед!

Мы проплыли еще немного вперед. Проскочили мимо тех двух жлобов, у которых на карте название было, и довольно скоро увидели впереди обширнейший остров.

Капитанское пари

Издали видны были богатые подвалы и крепостные рвы, капитальные фундаменты, выгребные ямы, оросительные каналы.

Встречать "Лавра Георгиевича", вошедшего в гавань, высыпало много островитян, сильно напоминающих эдаких магребов-индюков. У некоторых был весьма и весьма зажавшийся вид.

— Извините, господа, — сказал капитан, когда мы высадились на берег. — Ваш остров обозначен на карте?

— О, нет! О, нет, капитан, ни в коем случае! Мы ни за что не желаем обозначать наш остров.

— А не тот ли это остров, название которого заляпано?

— Нет, нет, нет! Тот остров, название которого заляпано, вы проплыли.

— Ну, а как же он называется?

— А мы не знаем. На нашей карте его название тоже заляпано.

— А ваш остров как называется?

— А вы никому не скажете?

— Клянусь! — сказал сэр Суер-Вьер, совершенно измученный всеми этими трудностями.

— Пожалуйста, сэр, никому не говорите и не обозначайте наш остров на карте.

— Ну и?.. — спросил Суер-Вьер.

— Что "ну и"? — спрашивали островитяне.

— Как он называется?

— Сэр, мы боимся вас напугать!

— Да что вы, ей богу! Говорите, пожалуйста, я вас прошу! Мы устали с этими названиями.

— Хорошо, сэр...

— Говорите скорей!

— Приготовились?..

— Да, да, да!

— Ну так слушайте! Это Остров, На Котором Все Есть!

— Как то есть "все есть"?

— Ну все! Абсолютно все!

— Это не тот остров, название которого заляпано?

— Да нет же, капитан! У нас название есть, но самого острова нет на карте. А у тех название заляпано.

— Ну, и что у вас есть?

— Все-все! Абсолютно!

— ШАХМАТЫ И КАШТАНЫ?

— Есть!

— ЖЕНЩИНЫ,

ЛОШАДИ,

ПОДТЯЖКИ,

СУХОФРУКТЫ?

КЕРОСИНОВЫЕ ЛАВКИ,

МЕБЕЛЬ,

КАНДЕЛЯБРЫ?

КОКАИН,

МОЛЬБЕРТЫ,

ДЕТИ,

СКУЛЬПТУРЫ?

— Есть!

— САМОВАРЫ,

ОЧКИ,

ШОКОЛАДНЫЕ ИЗДЕЛИЯ?

БРЕВНА,

ЮВЕЛИРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ,

ОБМЕННЫЕ БЮРО?

ТЕЩИ,

ФАКИРЫ,

НОСКИ?

— Есть?

— Есть все это, сэр! Вы особо не утруждайтесь. Не напрягайте мозги! У нас есть все!

— И вы все это можете нам дать?

— Почему дать? Продать можем!

— Покажите товар! — сказал сэр Суер-Вьер, и нас повели по лавкам.

В этот раз досточтимый сэр отпустил на берег весь экипаж. Матросам пора было поразвлечься, купить кто что мог по своим карманным возможностям.

На "Лавре" капитан все-таки оставил дежурного. Дежурить неожиданно вызвался боцман Чугайло.

— А ну их!.. — говорил он. — У меня тоже все есть. Не пойду, подежурю... Только уж вы, сэр, потом мне два отгула, пожалуйста!..

— О чем речь, Чугайло! Два отгула — две вахты. Слово капитана!

Чугайло остался на борту.

Ну а мы — эх! — покатали по местным ларькам и керосиновым лавкам. Многие, многие из нас тогда чего-нибудь купили.

Кацман купил ДВА ФЕЙЕРВЕРКА.

Старпом Пахомыч — ЗАПАСНОЙ ФОРШТЕНЬ ДЛЯ ФРЕГАТА.

Сэр Суер-Вьер хотел было купить третью частичку для своей фамилии, чтобы получилось Суер-Вьер-Дояр. Но мы отсоветовали: дороговато и по вкусу нам не подходит.

Мичман Хренов купил СПЕЦИАЛЬНУЮ КЛИЗМУ С ХРУСТАЛЬНЫМ ГОРЛЫШКОМ-РАСТРУБОМ. Этой клизмой, оказывается, собирают случайно пролитые из рюмок на стол напитки. Полезный и дорогостоящий прибор. Он потом себя сильно оправдал.

Механик Семенов купил было ПАССАТИЖИ, которые давно потерял. Но тут случился конфуз.

Продавец уже взял деньги, сунул их себе за пазуху и крикнул:

— Эй, Пассатижи!..

Тут из подсобки вышел приземистый человек с жуткими плоскими челюстями.

— Че, — говорит, — такое?

— А ничего... Тебя просто купили. Вот этот самый господин. Служи рачительно.

— Слушаюсь, товарищ продавец!

— Как? — напугался Семенов. — Это пассатижи?

— Ну конечно, — сказал Пассатижи. — Зажать, отвернуть, придержать... — И он схватил какую-то водопроводную гайку и мигом открутил ее от трубы, хотя и та, и другая заросли ржавчиной, как пни — опятами.

— Я и за гаечный ключ могу, за шведский, — пояснил Пассатижи.

— Да ну вас!.. — сказал Семенов. — Вертайте

деньги! Я хотел нормальные пассатижи, а вы черт знает что подсунули!

— Ну это же гораздо лучше! — уверял продавец. — Значительно удобнее и не надо прилагать усилий.

— Гони деньги! Я думал, нормальные пассатижи, а так-то я и сам могу. — И он зажал губами ту же гайку и навинтил ее обратно на трубу.

Матрос Вампиров

купил

УХО КИТА.

Матрос Петров-Лодкин —

СТЕКЛЯРУС.

Кок Хашкин купил

ЧУЛОК МИЛАШКИН.

Кочегар Ковпак купил

ПАПАХУ-КОЛПАК.

Валет трэфовый купил

ЖИЛЕТ ПУХОВЫЙ.

— Откуда он взялся? — недоумевал Суер-Вьер.

— Кто?

— Да этот валет!

— А, — сказал Кацман. — Это из моей колоды. Выскочил и покупает!

Сэр Суер-Вьер присмотрел себе неплохую курительную трубку. Ничего особенного, но из чистого вереска удобный мундштук.

Туда-сюда — дороговато!

— Мне хочется иметь эту трубку! — сказал Суер-Вьер островитянам. — Может, подарите?

— Извините, сэр, мы вас уважаем, но трубку продаем. Если вы, конечно, купите трубку, то мы бесплатно добавим ершики, чтобы ее чистить.

— А табачку?

— А табачку, извините, сэр!..

— Хорошо, — сказал Суер. — Итак, вы говорите, что у вас на острове все есть! Не так ли?

— Это так, сэр, — печально почему-то отвечали зажавшиеся островитяне.

— Предлагаю пари, — сказал Суер-Вьер. — Я называю то, чего у вас на острове нет. И ставлю свой капитанский "краб" против этой трубки. Подчеркиваю, "краб" — из чистого золота.

— Не стоит вам спорить, сэр, — не советовали островитяне. — Мы понимаем, что вы сейчас называете какую-нибудь нравственность. Или чистоту помыслов. Не трудитесь, сэр. И это все у нас есть. У нас есть все предметы, существующие на земном шаре и вне его. Есть все понятия и качества. Не говоря уж о животных и растениях. Есть все веры и нации. Все горные хребты, моря и реки. И все это умещается, потому что есть и четвертое измерение. Есть все, сэр, абсолютно все! Берегите кокарду, сэр!

— Пари! — настаивал капитан.

— С нами многие спорили... То что-нибудь из

космоса завернут. Какую-нибудь туманность Андромеды. То из отвлеченных материй. Чепуха... У нас есть все, понимаете?

— Пари.

Продавец трубки, между тем, посматривал на капитанскую кокарду с немалым интересом. Чем больше он на нее глядел, тем больше хотел выиграть.

— Да что вы отговариваетесь, — говорил он своим согражданам. — Пускай играет. Пари есть пари. Я принимаю вызов! Пускай он шепнет мне на ухо, чего у нас нет — и все дела! Давай спорить! Пусть кто-нибудь разобьет!

Он выставил свою потную ладонь, и Пахомыч разбил спорящих.

Сэр Суер-Вьер наклонился и что-то шепнул на ухо продавцу. Тот побледнел, схватился за сердце и неверно протянул капитану трубку.

— Вы выиграли, — сказал он.

Под гром оваций мы погрузились на корабль, отдали концы и отплыли от острова.

На борту мы, конечно, сразу пристали к Суеру, чтобы рассказал, как выиграл пари.

— Ну, что высказали, кэп? Ну, интересно же!

— Неужели не догадываетесь? — веселился уважаемый сэр.

— Никак нет, не догадываемся!

— Да все очень просто, — пояснил Суер. — Я ему сказал: "У ВАС НЕТ БОЦМАНА ЧУГАЙЛЫ!"

Надписи на веревке *

* По морскому вообще-то не "веревка", а "конец". Но многие сухопутные люди название главы могут не так понять.

Боцман Чугайло вначале даже не понял, в какой изумительной выступил он роли и толковал о двух отгулах за дежурство. Когда же стал немного соображать, повел речь и о третьем.

— Ну, что, — старпома Пахомыча спрашивал капитан, — дадим ему третий отгул?

— Не убежден, — упрямылся старпом. — За что, собственно? За вашу гениальность? Нет, он не заслужил.

— Вы — старпом, вам и решать!

Не получивши третьего отгула, боцман страшно разъярился.

— Мною трубки выигрывают! — кричал он с топотом. — А мне отгулов не дают! Я высокоценная вещь, одна на всем свете, и мне отгулов не дают! Такой вещи, как я, нет даже на Острове, На Котором Все Есть. Абсолютно все есть, а меня нету! А меня нету, а меня нету!..

Нету Чугайлы

у них ни хрена!

Нету Чугайлы

у них ни хрена!

Бедный я бедный,

меня там и нету!

А мне отгулы не дают!

Не дают!

Не дают!

Не дают!

А трубку курят,

курят,

курят!

А я тут дежурю так, что аж жилы лопаются! А мне отгулы не дают! В арбитраж!

Мы просто не знали, как его унять. То он требовал третьего отгула, то вознаграждения, то хоть рюмочку портвейна, то золотые горы, то лошадь, то саблю, то коня.

Надоел ужасно!

Пока он прыгал пел и плакал, мы не заметили, что за нами увязалась шхуна без опознавательных знаковых систем, под черными парусами. На рее вдруг появилось пороховое облако, и чугунное ядро взрыло волну перед нашим "Лавром", и потом уж грохнула пушка.

— Звук выстрела долетает позже! — неожиданно пояснил мичман Хренов.

— Чу! — цыкнул капитан, и Хренов поник.

На шхуне по веревкам побежали разноцветные флажки, которыми было написано: "ОТДАЙТЕ НАМ БОЦМАНА ЧУГАЙЛО!"

Капитан велел принести флажков и пустить по веревке такую надпись: "А ЗАЧЕМ?"

В ответ написали: "НАДА!"

Капитан велел: "ОБЪЯСНИТЕ ПРИЧИНЫ!"

В ответ написали: "У НАС НА ОСТРОВЕ ЕСТЬ

ВСЕ, КРОМЕ ЧУГАЙЛЫ. ОТДАЙТЕ, А ТО ХУДА БУДИТ!"

— Прямо не знаю, что делать, — сказал Суер. — Запятые ставят как надо, а само "надо" пишут "нада". К нему еще и "худа". Эй, веревочник, напиши там: "У ВАС ОШИБКА!"

В ответ написали: "КАКИЕ ЕЩЕ, ЕДРЕНА-ТЬ, ОШИБКИ?"

Суер велел веревочнику: "ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ!"

В ответ написали: "ВАМ ЧЕГО — ХУДЫ НАДА?"

Веровочный Верблюдов сказал:

— Разрешите, сэр, послать их подальше?

— Нет, нет, — сказал капитан, — я не позволю писать такое флажками нашего "Лавра". Чего-чего, а у нас на судне цензура есть. Напишите так: "СОВЕТ ЗАСЕДАЕТ. ОБОЖДИТЕ!"

Они написали: "ЛАДНО!"

— Что будем делать, господа? — спросил капитан. — Отдадим или нет?

— Отдать можно, — рассуждали мы. — Но интересно, что мы получим взамен.

— На сундук драгоценностей можно не рассчитывать, — сказал капитан.

— Ну, тогда хоть ящик пива, — сказал Хренов.

— И пару вобл, — добавил Семенов.

— Да не надо! — сказал старпом. — Пусть хоть по бутылке на брата. Вобла-то у нас еще осталась. Эй, Верблюдов, напиши там...

Те, на шхуне, долго не отвечали. Наконец, выкинули такие флажки: "ЗАСЕДАЕМ СОВЕТОМ!"

Все это время боцман Чугайло носился по фрегату, прыгал с бака на корму, с фока на бизань.

— Судьба человека,

судьба человека,

судьба человека, — орал он.

— Решается,

решается,

решается.

Хрен с ним с третьим отгулом!..

Наконец, на шхуне выкинули флажки: "Даем бутылку пива за кило веса!"

— Черт возьми! — сказал капитан. — Пиши, Верблюша: "КАКОГО?"

В ответ написали: "ЖИВОГО".

— Капитан велел: "ДА НЕТ, ПИВА КАКОГО?"

В ответ написали: "ЖИГУЛЕВСКОГО".

— Ну что ж, — сказал капитан, — решайте, что делать... Уж очень неохота ядрами с ними перебрасываться.

— Надо брать, — сказал Хренов. — Но сколько же он, черт подери, весит?

— Эй, взвешиватели! — крикнул старпом, и из трюма выскочили наши корабельные взвешиватели Хряков и Окороков с гирями наголо.

— Чего вешать?! — взревели они.

— Нельзя ли поспокойнее? — сказал им старпом. — Дело деликатное, а вы гирями размахались. Посмотрите на боцмана и прикиньте на вид, сколько он весит. Пудов на пять тянет?

— Больше вытянет!

— Ну и ладно, — сказал старпом. — А уж там точно взвезят.

— Жалко, что там только на живой вес согласны, — сказал Хренов. — А то бы мы ему гири в карманы поналожили.

— Капитан!.. — взмолился вдруг боцман и пал на колени. — Спасите, капитан! Я не хочу на этот остров! Оставьте на борту! Я хоть и разбил кому-то харю или две, но в целом-то я очень добросердечный, простой, душевный, ласковый и хороший человек. Я очень люблю людей, детей, собак, бабочек и даже жеребцов. Хрен с ними с отгулами! У меня очень золотое сердце. Я и матом больше не буду, и пить не буду — только рюмочку на пасху! Спасите, сэр! Я вам еще пригожусь! Поверьте, дорогой сэр!

— Встаньте, боцман! — приказал капитан. — Я не знал, что вы так дорожите "Лавром". Я готов оставить вас на корабле, но как это сделать? Они вот-вот начнут пальбу, а у нас лишь пара ядер, да и то кривые, как дыни. Расстреляют нас эти, всем обожравшиеся!

— Капитан, вы — гений, — сказал боцман. — Сделайте же что-нибудь гениальное!

— Пока в голову ничего не приходит, — сказал Суер. — Ладно, давайте пока поторгнемся. Напишите там: "МАЛО!"

Те ответили: "ДАЕМ ПО ДВЕ!"

— Надо как-то выиграть время... Но как?.. Нашел! Стоп! Объясню суть... Мы все были на острове, кроме Чугайлы, поэтому я и выиграл пари. А теперь-то и нас там нет. Понятно? Ну ладно, кому не понятно, поймет впоследствии. Эй, веревочный, выкидывай надпись: "У ВАС НА ОСТРОВЕ РЕАЛЬНО НЕТУ ЧУГАЙЛЫ?"

Они написали: "НЕТУ".

Суер: "А СУЕР-ВЫЕР ЕСТЬ?"

Они подумали и так написали: "БЫЛ, А ТЕПЕРЬ, КАЖИСЬ, ТОЖЕ НЕТУ!"

И дальше пошло как по маслу...

"А СТАРПОМ ПАХОМЫЧ ЕСТЬ?"

"НЕТУ!"

"А ЛОЦМАН КАЦМАН?"

"НЕТУ!"

"А ФРЕГАТ "ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ" СО ВСЕМ СВОИМ ЭКИПАЖЕМ ЕСТЬ?"

"НЕТУ!"

Капитан вытер нервный пот и сказал:

— Пиши, вервие! "СОГЛАСНЫ ВСЕ ЭТО ОТ-

ДАТЬ ЗА ДВЕ БУТЫЛКИ ПИВА ЗА КИЛОГРАММ ЖИВОГО ВЕСА!"

На черной шхуне очень долго заседали. Их веревочные и румпелевые бегали там сверху вниз, таская ящики пива. Кто-то даже кого-то бил по морде.

К нему выкинули вопрос: "КОГО ТАМ ПО МОРДЕ БЬЕТЕ?"

"ДА ТУТ ОДИН ДЕСЯТЬ БУТЫЛОК ПИВА ВЫПИЛ", — ответили они.

Наконец, мы увидели на ихней веревке такую надпись: "У НАС СТОЛЬКО ПИВА С СОБОЮ НЕТУ!"

Суер с облегчением вздохнул и сказал:

— Пиши, Верблюша! "ВЫ ВАЛЯЙТЕ ОБРАТНО ЗА ПИВОМ, А МЫ ЗДЕСЬ ПОДОЖДЕМ, ВЗВЕСИМСЯ КАК СЛЕДУЕТ!"

В ответ написали: "А НЕ ОБМАНЕТЕ?"

Капитан засмеялся:

— Пиши, верва! "ЧЕСТНОЕ КАПИТАНСКОЕ..."

Те написали: "ВЕРИМ СЛОВУ ВЕЛИКОГО КАПИТАНА! ВЕРНЕМСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА".

Шхуна развернулась и дунула на остров за пивом.

— Ну, а теперь, Пахомыч, — сказал капитан. — Дуй с горы! Валяй на всю катушку! Трави фок-стаксели хоть налево, хоть направо!

— А ну, шевелись, бесенята! — заорал старпом. И Чугайло вскочил с колен и набросился на матросов с подзатыльниками.

"Лавр" раздул свои великие паруса и дунул по восемьдесят седьмому меридиану вниз.

— Как-то неловко, Суер, — сказал я. — Ваше слово — честное капитанское... Это нас унижает.

— Извини, друг, — сказал Суер-Вьер. — Как ты меня сейчас назвал?

— Я назвал вас "сэр".

— Так вот в первую очередь я сэр, а уж потом кэп... Еще одно честное слово, слово сэра, у меня осталось в запасе!

Рисунки Александра ГРЕФЕНШТЕЙНА

Дорогие друзья!

Спасибо за то, что Вы остались верны "Следопыту",
несмотря на все сложности нынешней жизни.

Мы понимаем, что для ряда постоянных читателей "Уральского следопыта" дальнейшее удорожание подписной цены становится неподъемным для их бюджета. Поэтому редакция, желая облегчить финансовое бремя этой категории подписчиков, берет на себя расходы по доставке им "Уральского следопыта".

То есть, подписчики, желающие воспользоваться этой льготой, высылают в адрес редакции почтовым переводом 5700 рублей и подписную квитанцию на второе полугодие 1994 года.

Мы продлеваем действие этой квитанции на первое полугодие 1995 года и высылаем ее Вам совместно с № 1 за 1995 год.

Все желающие могут получить любой номер "УС" за 1994 год,
переслав на адрес редакции денежный перевод.

Цена 1—6 номеров — 500 руб., 7—12 — 800 руб. за экземпляр
плюс почтовые расходы на пересылку (их можно узнать в отделении связи).

Наш адрес: 620063, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

ЧЕТЫРЕ СТРАШИЛКИ

Легенда о женщине с белыми крыльями

Жил-был военный летчик по имени Потапов. Жены у него не было. Поэтому есть он ходил в столовую. А там все время давали кислые щи.

Придет летчик Потапов в понедельник, а ему кислые щи дают. Придет во вторник — опять кислые щи.

И в среду...

И в четверг...

До самого следующего понедельника.

А в следующий понедельник снова дают кислые щи.

Вот так и жил летчик Потапов от понедельника до понедельника.

А тут однажды командир полка решил с парашютом прыгнуть. Ну и Потапов, конечно, с ним.

Сели они в самолет, поднялись высоко в небо, открыли дверцу и выпрыгнули.

Летят в синем небе, болтают между собой. Настроение — хорошее! Погода — отличная!

Вдруг смотрит летчик Потапов, а парашюта-то за спиной у него нет. Забыл в самолете. Надо бы вернуться, забрать, а самолет уже на посадку пошел.

"Ну, — думает Потапов, — дела-а-а!.."

И командир полка тоже заметил, что парашюта нет. — Потапов, — говорит он, — ты что, без парашюта, что ли, выпрыгнул?

— Так точно, товарищ полковник! — докладывает летчик Потапов. — Без парашюта! Забыл в самолете!!

— Ну, а поесть ты утром не забываешь? — спрашивает командир полка.

— Никак нет, товарищ полковник, — докладывает летчик Потапов, — поесть утром не забываю. Регулярно посещаю столовую и ем кислые щи!

— И поспать, наверное, ночью тоже не забываешь? — говорит командир полка.

— И поспать не забываю, — подтверждает Потапов.

— А парашют одеть, стало быть, забыл?!

— Забыл, — кивает головой летчик Потапов.

— Да-а, — говорит полковник, — не хотел бы я сейчас быть на твоём месте, Потапов. Хорошо, если ты, к примеру, в речку упадешь или там в озеро. А если на бетонное шоссе шмякнешься?.. От тебя же одно мокрое место останется.

— Буду надеяться на лучшее! — бодро отвечает Потапов.

— Ну, надейся, — усмехнулся командир полка и дернул за кольцо.

Тут же над его головой раскрылся парашют, и он стал опускаться медленно и плавно.

А летчик Потапов продолжал камнем лететь к земле!!

А земля внизу такая красивая, зеленая, ну прямо глаз не оторвать.

Леса стоят. Реки текут. Озера поблескивают.

Летит Потапов. Мечтает.

Вот бы, думает, действительно в прохладное озеро упасть, поплавать там в чистой воде, понырять... Или нет, лучше куда-нибудь в поле упаду; в душистый стог сена. Зароюсь в него прямо с головой. А мимо как раз девица красная будет проходить с русой косой и в синем сарафане. А я как из сена выскочу:

— Здравсьте, девушка! Разрешите представиться, летчик Потапов. Между прочим, еще не женат.

Мечтает Потапов, а земля все ближе...

...ближе

...ближе!

И что-то ни озера никакого поблизости не видать, ни душистого стога сена, ни тем более девицы в сарафане.

А проходит внизу — бетонное шоссе.

И машины здоровенные на огромной скорости по этому шоссе туда-сюда, туда-сюда...

"Ну, — думает Потапов, — сейчас гробануть так гробануть!"

И вдруг рядом с ним неизвестно откуда женщина с белыми крыльями появилась. Да такая красивая. И крылья тоже красивые, большие.

Подхватила она летчика Потапова прямо у самой земли и понесла вверх.

Одно небо пролетели... второе... третье... да все небеса разноцветные... да все переливаются...

"Ух ты! — думает Потапов, — чудеса-а".

...Короче, прилетели они на седьмое небо. Стоит там домик чистенький. Рядом с домиком — садик ухоженный. А внутри домика — печка русская.

Напекла женщина в этой печке летчику Потапову румяных лепешек, молока холодного в глиняную кружку налила, деревянный бочонок с золотистым медом на стол выставила.

— Ешь, пей, — говорит, — Степанушка.

Откуда только имя узнала?..

Ну, Потапова, конечно, два раза просить не надо. Ест он горячие лепешки, окуная их в густой мед; да холодным молочком запивает.

А рядом женщина с белыми крыльями стоит, вся красневшаяся, держит наготове тарелку с новой порцией лепешек.

"Все-таки я молодец, что без парашюта прыгнул, — сам себя мысленно нахваливает летчик Потапов. — А то сейчас бы хлебал в столовке кислые щи".

Синевласка, или бензоколонка у старого кладбища

На окраине маленького городка, прямо у старого кладбища, находилась бензоколонка. На этой бензоколонке работала девушка. Звали ее Синевласка. Она была такая красивая, что стоило водителям, которые здесь заправляли свои машины, увидеть ее хотя бы один раз, они тут же влюблялись в нее и звали замуж.

Но Синевласка всем решительно отвечала:

— Нет!!!

И вот однажды заехал на эту бензоколонку один молодой водитель по имени Василий. Он на хлебовозке работал; хлеб по магазинам развозил. Увидев Синевласку, Василий, конечно, тут же влюбился в нее. С тех пор он стал заезжать на заправку по три раза в день. Приедет, заправится, отъедет недалеко, продаст весь бензин и снова едет на бензоколонку. И все это Вася делал только для того, чтобы лишний раз полюбоваться на Синевласку... Надо сказать, что и Синевласка не осталась к Василию равнодушной. Все время улыбалась ему и охотно поддерживала разговор... И наконец настал такой момент, когда Вася сделал Синевласке предложение.

— Выходи за меня замуж, — сказал он.

Синевласка тут же перестала улыбаться и ответила печальным голосом:

— Не могу я, Васенька, выйти за тебя замуж. Хотя и не скрою, что люб ты мне.

— Тогда почему не можешь? — удивился Вася. — Почему?..

— А потому, — говорит Синевласка, — что... мертвая я.

— Как мертвая? — у Василия все внутри оборвалось.

— Пойдем со мной, — отвечает Синевласка, — я тебе кое-что покажу.

И взяв Васю за руку, повела на старое кладбище. В самый отдаленный уголок.

А там, у забора, могилка с надгробной плитой. А в плитку фотокарточка вставлена. Поглядел Василий на эту фотокарточку, и худо ему сделалось. Потому что со снимка на него смотрела... Синевласка.

— Вот так, мой любимый, — говорит девушка, а сама чуть не плачет. — Днем я еще могу ходить как живая, а ночью обязана возвращаться в свою могилу и ложиться в гроб. Поэтому, как ты сам понимаешь, детей у нас быть не может. А какая семья без детишек?

На том и расстались...

Припелеся Василий домой; ни ест, ни пьет, все по Синевласке горюет.

А надо сказать, что хотя Вася и работал простым шофером на хлебовозке, но папа у него был известный профессор. Звали папу Иван Иванович. Он преподавал в университете высшую математику. А в свободное от преподавания время любил читать сказки.

И вот видит папа-профессор, что его сын прямо не по дням, а по часам худеет... Ну и стал, конечно, интересоваться: в чем дело?.. что случилось?..

Крепился-крепился Вася, да и рассказал. И как влюбился, и как жениться хотел, и как невеста — мертвой оказалась.

— Тяжелый случай, — покачал головой папа-профессор. — Тяжелый... но не безнадежный.

Василий восторженно радостно.

— Неужели, — спрашивает, — можно что-то сделать?

Папа-профессор бороду окладистую разгладил и говорит:

— Есть у меня одна хитрая штуkenция. Я ее недавно изобрел. "Оживитель" называется. Хочу свою бабулю оживить. Она такие сказки интересные мне в детстве рассказывала.

Стал Вася горячо уговаривать папу-профессора оживить сначала его любимую Синевласку, а уж бабулю как-нибудь в следующий раз. Ну, папа и согласился.

— Ладно, — говорит. — Где там твоя милая находится. Показывай.

Пришли они ночью на старое кладбище. Раскопали могилу. Вытащили гроб. Открыли.

Видит Василий — лежит его любимая в гробу, как живая. А папа-профессор тем временем достал из портфеля свой "Оживитель" и с помощью нескольких проводков подсоединил его к Синевласке.

Да как врубит ток!!!

Синевласка так из гроба и выскочила, словно кипятком ошпаренная.

— Как самочувствие? — спрашивает у нее папа-профессор.

— Отличное! — отвечает Синевласка.

— Ну, чудеса, — изумляется Вася.

— Никаких чудес здесь нет, — поучительным тоном вещает папа. — Это обыкновенная наука. А тебе, Василий, надо не баранку крутить, а учиться, учиться и еще раз учиться.

— Здра-а-вствуйте, люди добрые, — вдруг раздался чей-то голос.

Все повернулись и увидели маленькую старушку, которая шла по узенькой тропинке между могил.

— Бабуля?! — тихо ахнул папа-профессор. — Ты-то откуда взялась?!

— Оттуда, милая, оттуда, — показывает бабка рукой на землю.

— Неужели и на тебя в "Оживителе" энергии хватило?

— А много ли мне, Ванечка, надо, старухе-то?

— Ну надо же, моя бабуля ожила, — все еще никак не может успокоиться папа-профессор.

А бабулька улыбается хитро:

— Знаю, знаю, внучок, для чего ты меня с того света вытащил. Небось сказки послушать захотелось. Ты, я помню, до них бо-о-льшой охотник был.

— Я и сейчас до них большой охотник, — застенчиво признался папа-профессор.

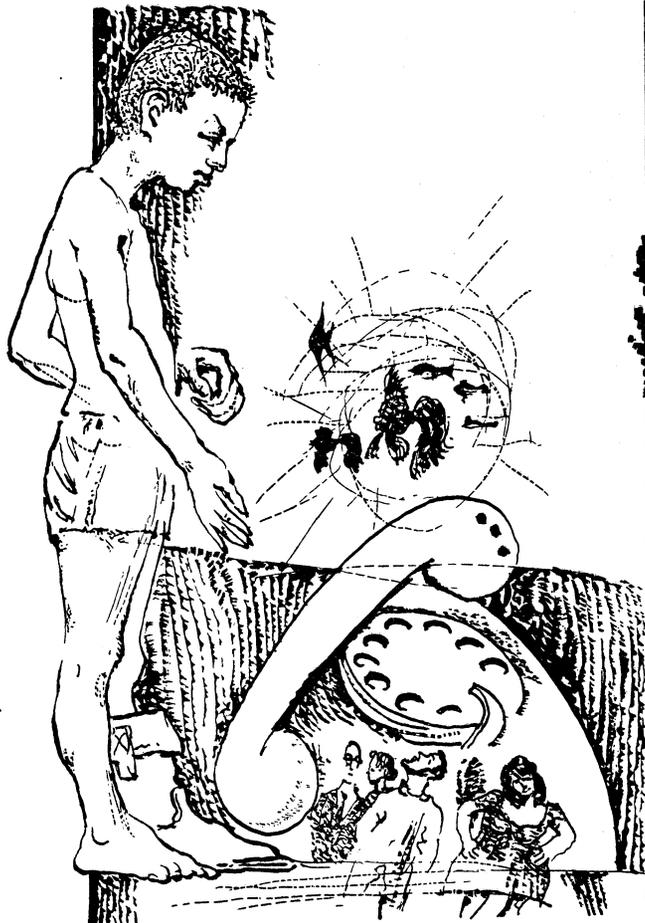
...И с этих пор забросил папа-профессор всю свою научную деятельность вместе с университетом; сидят они теперь с бабкой на кухне, пьют горячий чай с бубликами, и бабулька знает все новые сказки рассказывает. А папа-профессор слушает да щурится от удовольствия, что твой кот, объевшийся сметаны.

Зато Василий наоборот: увидев какие чудеса способна творить наука, он уволился с работы и стал учиться, учиться и еще раз учиться. Закончил с отличием институт международных отношений и был направлен на дипломатическую работу в Африку. В республику Чад.

Его жена, Синевласка, поехала вместе с ним. И вскоре у них там родился ребеночек. Мальчик, весь черный-пречерный. Потому что — это же Африка, в Африке у всех дети черными рождаются. Василий назвал его, конечно, Ванечкой, в честь папы-профессора.

Вот такие дела.

Странная сказка

Одному мальчику, по имени Вова, родители подарили на день рождения игрушечный телефон. Телефон был маленький, красного цвета, и у него имелось все, что полагается настоящему телефону: трубка, вращающийся диск, нарисованные цифры. Только звонка не было.

Мальчику Вове очень понравился этот подарок. Он целый день с ним играл, а вечером лег спать. Спит он спит в своей кроватке. И вдруг — звонок... Тоненький такой: дзззз-дзззз-дзззз...

Мальчик Вова проснулся. В комнате темно. И игрушечный телефон звонит. Поднялся Вова с кровати, подошел к телефону, снял трубку.

— Алло, — говорит.

— Это мальчик Вова? — спрашивает трубка зловещим голосом.

— Да, — подтвердил Вова, — это я.

— Завтра, вечером, твой папа умрет! — бодро сооб-

щила трубка, и тут же пошли короткие гудки: ту-ту-ту-ту...

На следующий день, вечером, папа взял ни с того ни с сего и умер.

Ну что здесь будешь делать?.. Умер так умер. Поплакали, погоревали, схоронили папу. Стали жить дальше... И вот вскоре, ночью, игрушечный телефон снова зазвонил.

И все тот же зловещий голос сообщает мальчику Во-ве:

— Завтра, Вовочка, твоя мама умрет. Так что будь готов!

И точно, не успел еще вечер наступить, как мама — раз! — и умерла. Схоронили и ее. Остался мальчик Вова совсем один в двухкомнатной квартире. Лег спать. Но что-то ему не спится. Ждет очередного звонка.

А тут и звонок!..

— Здрасьте.

— Здрасьте.

— Мама умерла?

— Умерла.

— Папа умер?

— Умер.

— Та-ак. Хорошо. Ну, а сегодня умрут бабушка с дедушкой и тетя Тамара.

Наутро опять звонок, но уже в дверь. Почтальон на пороге стоит.

— Вам телеграмма. Распишитесь.

Расписался мальчик Вова. Распечатал телеграмму. А там написано:

"Сегодня ночью умерли бабушка, дедушка и тетя Тамара. С приветом, дядя Петя".

На следующую ночь мальчик Вова обул на правую ногу папин кирзовый сапог, который папа из армии принес, когда был рядовым.

И сел у телефона.

Только телефон зазвонил, как Вова тут же схватил трубку.

— Ну, кто сегодня умрет?! — не дожидаясь зловещего голоса, крикнул он.

— Ты умрешь!! — крикнул в ответ зловещий голос.

Мальчик Вова сапогом солдатским с железной подковкой ка-ак даст по телефону!.. и еще раз!!.. и еще!!!..

Телефон и разлетелся на мелкие кусочки. А внутри сидит дядя Петя собственной персоной. Только маленького роста.

— Дядя Петя, — с изумлением спрашивает Вова, — это вы мне все время звонили?

— Да, — признался спокойно дядя Петя, — я звонил.

— Это вы говорили, что мама с папой, бабушка с дедушкой и ваша жена, тетя Тамара, умрут?

— Да, — согласно кивает дядя Петя, — я говорил.

— А зачем? — не может понять мальчик Вова.

— А затем, — серьезным тоном разъяснил дядя Петя, — что мне своих рыбок в аквариуме кормить нечем. Корм весь кончился, и в магазине нет.

— Так вы хотите моими родителями кормить? — догадался мальчик Вова. — А так же бабушкой с дедушкой?

— Да, — снова кивает дядя Петя. — И еще тетей Тамарой.

— Но они же все умерли.

— Ничего они не умерли, — усмехается в бороду дядя Петя. — Я их просто уменьшил. Они у меня в спичечном коробке сидят.

И показывает коробок.

Смотрит мальчик Вова — и действительно, бегают в спичечном коробке малюсенькие мама с папой, бабушка с дедушкой и толстая тетя Тамара. Бегают и пищат что-то непонятное тонюсенькими голосами.

— Дядя Петя, — предложил Вова, — я в школе занимаюсь в кружке "Юный рыболов". Там у нас этого рыбьего корма на сто лет хватит. Сделайте снова всех большими.

Подумал, подумал дядя Петя.

— Ладно, — говорит. — Так уж и быть.

И тут же мама, папа, бабушка, дедушка и толстая тетя Тамара стали большими. Они с криком набросились на дядю Петю. Громче всех кричала, конечно, тетя Тамара.

— Это что ж такое?!.. — прямо орала она на дядю Петю. — Родную жену рыбам хотел скормить!!!..

— Ну вы прямо странные какие-то, — удивился дядя Петя. — По-вашему получается, пускай рыбки от голода погибают, да?! Сами-то небось по три раза в день едите!!

Все встали в тупик от такой постановки вопроса.

— Вообще-то действительно, — виновато согласился папа. — Мы вроде как того... эгоисты. Я даже не представляю, как бы я смог спокойно жить дальше, зная, что из-за меня погибли маленькие рыбки.

— Ну, а я про что говорю?! — в запальчивости воскликнул дядя Петя.

Все очень сильно расстроились; чуть не плачут. А дедушка, так тот прямо требует решительно:

— Уменьшай, Петька, меня снова! Пушай рыбины лопают!!

— Да есть же корм, — напоминает мальчик Вова.

— Много ли проку от такого корма, — раздраженно отмахивается толстая тетя Тамара. — Вот меня съедят так съедят!.. Хватит и на завтрак, и на обед, и на ужин еще останется.

— Пстойте! — вдруг спохватилась мама, — у вас же нет никаких рыбок!!

— Я хочу купить, — говорит дядя Петя. — Давно мечтал, да все денег не было.

— Дак их и в магазине нет, — вспомнила бабушка.

— Да и магазина самого нет, — вспомнил дедушка.

— А мы-то хоть есть? — интересуется толстая тетя Тамара.

— Нет, — пожимают все плечами. — Нас тоже нет.

— Как это нет? — растерялся мальчик Вова. — Мама!

— Я не мама, — отвечает мама.

— А кто же ты?! — ахнул мальчик Вова.

— Никто.

— Папа! — закричал от испуга мальчик Вова.

— Я не папа, — отвечает папа.

— А кто же ты?!

— Никто.

— Бабушка! Дедушка! — кинулся мальчик Вова к бабушке с дедушкой.

— Мы не бабушка и не дедушка, — отвечают ему.

— А кто же вы?!

— Никто.

— Да говорят же тебе, нас больше нет, — весело объясняет толстая тетя Тамара.

— А что же есть? — моргает мальчик Вова ресницами.

— Ни-че-го нет, — пощипывает свою бородку дядя Петя.

— Как?!.. Совсем ничего?!.. — оглядывается мальчик Вова.

А кругом действительно совсем ничего нет. И даже самого мальчика Вовы тоже уже нет.

Вот так история!!.. Куда все подевалось?.. Неизвестно...

День рождения Юлии

В одной школе училась очень красивая девушка. Звали ее Юлия. И как у каждой красивой девушки, у Юлии был свой мальчик. Он ей нравился. И она ему, конечно, тоже нравилась. Они дружили и всюду ходили вместе. И даже тайно договорились о том, что когда закончат школу, то тут же поженятся...

Но как известно, большие несчастья происходят от маленьких причин. Вот и здесь, купили на беду мама с папой мальчику новенький мотоцикл. Поехал он на нем кататься и в первый же день разбился насмерть. Заахали, заохали родители, да уж чего теперь охать. Кого отнесли на кладбище, того обратно не принесут.

Вот и Юлия наша тоже погоревала-погоревала маленько, да потихоньку и забыла о своем предполагаемом суженном. Дело молодое...

Но он не забыл.

И вот однажды... решила Юлия отметить свой день рождения. Назвала полный дом гостей. Все едят, пьют, веселятся. Музыка громкая играет. Сама Юлия сидит во главе стола, вся такая нарядная: специально ко дню рождения платье себе модное сшила. А справа от нее — жених. Да, жених. Молодой, интересный, в Америке дипломатом работает. Сидят они рядышком, смотрят друг на друга с любовью, прямо оторваться не могут.

И вдруг чьи-то тяжелые руки легли на плечи Юлии. Оглянулась она и прямо обмерла вся от страха. Потому что позади нее сидел... окровавленный мотоциклист!!!

Вот так тоже бывает в жизни: кругом веселье, смех, пляски, а рядом с Юлией покойник сидит и на нее смотрит. Главное, что кроме Юлии его и не видит никто.

— Юлия, — говорит окровавленный мотоциклист, — я пришел за тобой.

— Как за мной? — шепчет Юлия, а у самой зуб на зуб от страха не попадает.

— А ты разве забыла, — говорит мертвец, — что слово дала за меня замуж выйти?

— Я давала слово выйти замуж за живого, — отвечает Юлия. — А ты уже пять лет как мертвый.

— Ах так, — разозлился мертвец, — ну ладно. Ты еще пожалеешь.

И исчез...

И снова вокруг: шум, смех, музыка. А Юлия оглядывается недоуменно, как будто разбудили ее сейчас. Она уже и сама не знает — приходил ли мертвый мотоциклист или ей это привиделось только.

Короче, попили гости, поели и разошлись. Жених в Америку снова укатил. Осталась Юлия одна. И с того дня как подменил ее кто. Бледная вся сделалась, неразговорчивая, ходит по квартире, словно тень с пустыми глазами. И ведь что интересно, она сама ясно понимает, что что-то с ней неладное творится. А поделаться ничего не может, хоть плачь.

Мать, видя, как ее дитя мается, говорит ей:

— Поезжай-ка ты, Юленька, в деревню, к бабушке. Молочка парного попей, яблочек свеженьких покушай, чистым воздухом подыши. Глядишь, и спадет с тебя напасть эта проклятая.

Послушалась Юлия свою мать, поехала в деревню. Молоко парное пила, яблоки прямо с веток ела, свежим деревенским воздухом дышала... Не спадает напасть, хоть ты тресни. И на сердце тяжело, как камень кто положил.

И возможно так бы и угасла Юлия, словно свечечка, не узнай случайно, что на окраине деревни живет одна старушка — страшная колдунья. Но добрая.

Пришла к ней Юлия. Бабушка, говорит, так мол и так... рассказала и про день рождения, и про окровавленного мотоциклиста, и даже про жениха американского.

— Да, — говорит бабуля, а сама наливочку из рюмочки потягивает, — трудно твоему горю помочь. Потому что увел покойничек с собой твою душу. И не куда-нибудь увел, а аж в Магонию, — город мертвых.

— Что же мне теперь делать, бабушка, без души-то?.. — жалобно спрашивает Юлия.

— А вот погоди, — говорит бабуля, — я тебя научу. И научила...

"Как помру я, доченька, то снесут гроб с моим телом в церкву. И станут искать человека, чтоб надо мной псалтырь читал. Ты и вызовись. И читай молитвы две ночи кряду. А на третью ночь, под самый рассвет, вытащи мое тело из гроба, да, как есть, в саване одном и схорони. Нам, ведьмам, без гробов еще и лучше в могилах лежать. Проще вылезать. Ну вот... а сама, значит, быстренько в церкву возвернись, ляг в мой гроб и крышкой прикройся. А как схоронят тебя на кладбище, так и окажешься ты в Магонии, городе мертвых. А там уж, девка, не теряйся. Ищи свою душу. Как найдешь ее, скажи: "Душа, душа, поди на место..." Ну, а что далее надобно, я тебя на том свете научу..."

Страшно Юлии и слушать про все это, не то что исполнять. Ну, да нужда и не такие дела делать заставит... Короче, вскорости померла колдунья. Стали в деревне искать, кому над ней псалтырь читать. Бабка-то одинокая была. Ну, Юлия и вызвалась... Читала она молитвы две ночи подряд, стоя у раскрытого гроба при свечах, а на третью ночь вытащила мертвое тело из гроба и снесла его на кладбище, благо, что не далеко, и закопала в одной из могил. Потом быстренько вернулась в церковь, легла в пустой гроб и крышку над собой закрыла... Лежит в темном гробу ни жива ни мертва от страха.

Тут и утро. Затопали какие-то мужики, застучали молотками, вгоняя острые гвозди в крышку гроба. Потом подняли и понесли. Слышит Юлия, как в могилу ее опускают. А тут еще комья земли посыпались сверху. Зарывают, значит...

И все. Похоронили Юлию.

Полежала она немножко похороненная, а потом рукой крышку попробовала, открывается ли?.. Крышка при первом же прикосновении так и отскочила, словно и не гвоздями прибитая. Встала Юлия из гроба, смотрит кругом: поля, леса, дорога извилистая за горизонт уходит.

Ну, она и пошла по этой дороге. Шла, шла и пришла в какой-то город. Народу в городе видимо-невидимо. И все как есть — мертвецы. Юлия сразу и поняла, что это и есть Магония — город мертвых.

Идет она по улице, и словно бы не сама идет, а как ведет ее кто. Уже заранее знает, где прямой улицей пройти, а где в кривой переулочек свернуть. Смотрит, дом стоит — и как будто именно сюда ей и надо. По ступенькам на крылечко поднялась, двери открыла, вошла в сени, глядит, и следующая дверь тоже открыта, правда на небольшую щелку. Подкралась Юлия тихонько к дверям и заглянула в комнату...

А там свадьба идет. Сидят мертвые гости, а на месте жениха с невестой: окровавленный мотоциклист и Юли-на душа.

Душа в подвенечном платье, с фатой, а лицо все заплаканное, печальное. Повернулся к ней окровавленный мотоциклист.

— Поцелуй меня! — требует.

— Нет, нет, — в ужасе шепчет Юлина душа, отстраняясь.

— Горько! Горько!! — кричат мертвые гости.

Тут Юлия резко так дверь распахнет, да как крикнет:

— Душа, душа, поди на место!..

Тотчас Юлина душа вся прозрачная сделалась, подвенечный наряд соскользнул с ее плеч, а сама она легко взлетела под потолок. Мертвецы со своих мест повскакивали, руками над головами машут, пытаются ее поймать. А душа уже не прозрачная — а словно облачко белое, руки мертвецов свободно сквозь нее проходят. Подлетело облачко к Юлии, окутало ее всю с головы до ног. Юлия два раза глубоко вздохнула и почувствовала, как душа вошла в нее. Сразу спокойно внутри стало и радостно.

— Держи ее! — страшно закричал мотоциклист, указывая на Юлию окровавленным пальцем. И сам первый бросился вперед.

За ним побежали другие мертвецы.

Юлия, повернувшись, что есть силы припустилась наутек. Бежит, бежит и чувствует — все! Нет больше сил. Вот сейчас мертвецы ее догонят и растерзают. Забежала в первый попавшийся дом, а там — бабулька-колдунья ее поджидает. Держит наготове старушечьё платье и черный платок.

— Переодевайся скорей! — торопит.

Не успела Юлия все это на себя натянуть, как в комнату ворвался окровавленный мотоциклист. Смотрит, сидит себе старушка. Пряжу прядет.

— Эй, бабка! — грозно приступил к ней окровавленный мотоциклист. — Здесь не пробегала молодая красивая девушка?

— Нет, милоч, — отвечает Юлия, — не пробегала. Уж я бы видела.

А в это время колдунья на цыпочках подкралась к окровавленному мотоциклисту сзади, да как звезданет его огромным дрынном по голове. Он так и грохнулся на пол без чувств.

— Ну все, — говорит колдунья, — теперь он в ближайšie три тысячи лет не очухается. Уж я об этом позабочусь. Можешь спокойно выходить замуж и детишек рожать. Никто тебе мешать больше не будет...

Распрощались они сердечно. Показала колдунья, каким образом с того света на землю выйти. Да еще то удачно получилось, что выход как раз в Америке был. Вот Юлия и вышла прямо в городе Нью-Йорке, где ее жених дипломатом работал. Он, конечно, очень обрадовался неожиданному появлению своей невесты, тут же написал заявление об увольнении по собственному желанию, и они поехали в Россию, в Орловскую область, обвенчались там и стали жить в деревне. Дипломат пошел работать пастухом, очень ему здесь дипломатическое образование пригодилось, а Юлия стала работать свиначкой, потому что с детства любила свинину.

Вот вам и вся сказочка, а мне бубликов вазочка.

Рисунки Владимира ГАНЗИНА

Мультики "а ля Аляшев"

...Бежит, пытит паровозик. Змейкой тянутся вагончики. Вместе со струйкой пара на волю вырывается сильный и радостный паровозный голосок:

*Сколько пето-перепето,
Начинаем заново.
Развеселая деревня
Горный Щит — Курганово!..**

Горка, лесок, деревенька. На завалинке старик валенки латает. Рядом коза стоит — сигарету курит. Старик подсмеивается над бабкой, которая собралась доить козу:

*Моя милка по хозяйству
Очень беспокоится:
Три часа козла доила,
А козел не доится.*

Коза удрала в сарай, бабка за ней; бах! — из сарая влетает подошник, бабах! — вылетает бабка. Срамно ей слышать дедову насмешку, но она в накладе не остается:

*Мой миленок — пимокат,
Хорошо пимы катат,
Хорошо пимы катат —
На неделю не хватат!..*

Потрусил паровозик дальше. Видит: два мужика идут босиком, а сверху сапог валится. Остановились мужики. "Глянь, Митяй... сапог!" "Откель это он?" Посмотрели вверх — береза... А на ней — сплошь одни рукавицы. И никаких сапог.

Пофыркал паровозик, посмеялся, залез на горочку — обратно катится. А вагончики остались на горке и ... превратились в избушки. В каждой избушке — по девице:

*Где мое зелено платье,
Где моя тужурочка?..
У меня три ухажера —
Коля, Ваня, Шуручка.*

Осмотрелся паровозик — нету трех ухажеров: один — ходит...

*По деревне ходит парень,
Тень наводит на плетень.
На нем новая рубаха
И ремень через пузень.*

Парень увидел черемуху за забором: доску в заборе выломал, черемуху ободрал. Вдруг, откуда ни возьмись, — маленькая злая собачонка; бросил парень букет и вмиг взлетел на верхушку черемухи. Поет оттуда "любовный романс":

*Эх, самолет летит,
Моторы стерлись,
Видать, не ждали нас,
А мы приперлись.*

Дождь закапал на захудалые избенки. Стоит телега без колес, забор валится... Сидят грустные девушки:

*Девок много, девок много,
Девок некуда девать.
Из Москвы пришла команда
Девку с девкою венчать.*

А паровозик бежит себе и бежит, все дальше и дальше. Горка, лесок, деревенька, завод... Дома становятся все выше — многоэтажные коробки, линии электропередач, огромные заводские корпуса. Дымят трубы, гудят машины, бегут люди, висят афиши... Какой он маленький, этот старенький паровозик, в потоке машин, автобусов, трамваев, и сильный его гудочек уже не может пробиться через многоголосый шум города.

Среди многоэтажных исполинов затерялось маленькое старомодное здание с колоннами. На дощатой сцене — стул, на стуле — старичок с балалайкой. В пустом зале сидят четыре старушки. Тихо и нежно тренькает балалайка, звучит скрипучий голос старичка. "Женский хор", те самые старушки из зала, подхватывают немудреный мотив:

"Ой, куда мы залетели?.."

* * *

...И куда же?!

В забвенье, в то, что забыто, в утерянное и с трудом отыскиваемое... В многоэтажках люди кишмя кишат, а в деревнях избы сиротствуют; заводские трубы чадом чадят, а и из печек предков — ни дымка; и незатейливый весь быт деревенский куда-то канул, и песни забыты...

И правда, куда же мы залетели? То ли в реальный мир, то ли в фантазию-полусказку? ...А залетели мы в творческий мир екатеринбургского мультипликатора Анатолия Аляшева — вот куда, и напомнили коротенько об одном из его фильмов — одном из тех фильмов, которые невозможно сравнить, спутать ни с какими другими "мультишками". Недели не проходит, чтобы щедрое телевидение — Останкино ли, Санкт-Петербург, РТР или екатеринбургское — хотя бы раз по одному из своих каналов не показало бы мультфильмы Аляшева; и зрители снова и снова рады увидеть фильмы, в которых есть свое, неповторимое очарование.

У каждого мультипликатора своя эстетика: у Друяна — одна, у Котеночкина — другая, у Нордштейна — вовсе третья. У Аляшева — своя... Какой мультипликационный фильм ни возьми — будь то "Буренка из Масленкино", "Русские потешки", сериал "Муми-троллей", "Ой, куда мы залетели!.." — их объединяет одно: изначально доброе отношение к героям, к жизни, светлая и, вроде бы, вовсе беспечальная грусть. И — никакого зла! Такая манера у Аляшева, что никто и никогда в его мультиках не кричит, не орет, не вопит, не ругается, не декларирует, не повышает голос. А прислушаться повнимательнее — либо крик, либо стон, либо вздох все равно есть... Фильмы Анатолия Аляшева — как светлый звонкий ручей, радующий слух и глаз; но стоит опустить

* Названия деревень в Свердловской области.

ногу на дно — острый камушек нащупается. Можно бы-ло бы сказать, что милые, добрые отношения муми-трол-лей — это вызов людскому хамству; трогательная волчья любовь к Буренке из Масленкино — протест против жестокости в мире; а светло-озорные частушки в фильме "Ой, куда мы залетели!.." — просто плач по утерянным корням народным, по убитым деревенькам, плач о духовной скудости жизни монстров-городов... Но к кинематографическому языку и эстетике Аляшева не применимы такие резкие слова, как "вызов", "протест", и если — плач: то не в голос, не в крик — а плач-вздых...

Анатолий Аляшев может зачастую один сделать свой мультфильм, от начала до конца. Он сам — автор, режиссер, художник. Он приглашает на озвучивание артистов только знаменитых, с неповторимыми голосами. Он очень недоверчив, когда малейшее изменение грозит общему тону фильма: чуждый цвет или резкое движение, — ведь так легко огрубить и испортить нежную канву задуманного. А это для него самое главное — не сойти с ноты, выдержать тон. Во всех мультиках Анатолия Аляшева есть он сам — его настроение, его фантазия, его мироощущение.

* * *

На Свердловском телевидении Анатолием Алексеевичем Аляшевым создано пятнадцать мультипликационных, или как их сейчас называют, анимационных фильмов. Почти все они представлены на различных фестивалях, получили дипломы и призы. Кинорежиссер Аляшев — заслуженный работник культуры России.

А двадцать пять лет назад Анатолий Аляшев был дипломированный горный инженер. И как получилось, что он стал режиссером-мультипликатором?

— Мне все подарила сама судьба, — так ответил Анатолий Алексеевич. — Если бы жизнь сложилась иначе, я стал бы кем-то другим... Во всяком случае, я не могу сказать, что с детства мечтал быть художником, а тем более — режиссером.

...В первый день войны погиб отец, офицер погран-заставы. В двенадцать лет Толя потерял мать. Его отдали в Суворовское училище, которое по сути было детским домом для пацанов, потерявших в войну отцов-офицеров. Армия есть армия: неукоснительное подчинение, строжайшая дисциплина, муштра. Это "гражданские" дети могли выбирать, чем заниматься, здесь — нет. Весь день воспитанников был заполнен до предела. Учиться было очень тяжело, зато знания вкладывались основательные, а все свободное время суворовцы обяза-ны были посещать различные кружки.

За шесть лет, проведенных в училище, суворовец Аляшев пел в хоре, рисовал в изостудии, играл в струнном оркестре, был актером в драмкружке, занимался фехтованием, разучивал бальные танцы — ах, эти бальные танцы в суворовском училище: голова поднята, грудь вперед, — мазурка друг с другом, и тайная мечта станцевать с девочками из соседней школы!..

Аляшев не может припомнить, чтобы запах красок так уж волновал его душу, но рисует он и сейчас. Он не помнит, чтобы его охватывал священный трепет, когда играл в спектаклях, но артистом ему и позже приходилось быть. А уж играть на домре вальс — вот тоскливо-то было: дергай и дергай одну струну... — но игра в самодеятельном оркестре и посещение симфонических

конcertов дали несравненно много для музыкального образования, он и сейчас неплохо играет на гитаре. Все эти занятия стали необходимыми кирпичиками, из кото-рых потом сформируется его главная жизненная профес-сия.

Он был благодарен суровому суворовскому воспита-нию, но остаться в армии не захотел. Четыре года после училища Анатолий Аляшев проработал машинистом экс-каватора в карьере. Он с удовольствием переворачивал огромным ковшом пласты земли: настоящее мужское де-ло — управлять машиной-великаном! Верхом мастерства считался у машинистов трюк — доннышком ковша за-крыть коробок спичек, не повредив его; любую свобод-ную минуту Анатолий тренировался, чтобы закрыть этот злополучный коробок.

А дальше был горный институт. В шестидесятые годы, во времена хрущевской оттепели, взорвались, заиграли студенческие таланты. Бурные и веселые процессы кол-лективного творчества в институтах рождали доселе неве-домое движение — КВН. В этот шквал попал и Аляшев, уже "пройдя" институтскую сатирическую газету и сту-денческие спектакли. Для первого раза он спел соло в опере из "домашнего задания", а потом окупился с го-ловой — сочиняя, рисуя, что-то изображая...

И вот для очередного финала КВН пришла совершен-но шальная идея — снять мультфильм. О кинопроизвод-стве Анатолий, как и все кэвээнщики, знал только одно: за секунду проходит 24 кадра, и все. Но уж такая это была работа взалех, что однажды ночью Аляшев заря-дил в проектор только что выходящую пленку — и... вот счастье! — куклы на экране зашевелились!..

Члены жюри ни за что не хотели верить, что горняки обошлись без помощи профессионалов; но в конце кон-цов все подозрения отпали, фильм принес победу горно-му институту.

С тех пор Анатолий Аляшев заразился мультиплика-цией. Сам снимал, проявлял, озвучивал. И однажды, когда из-за некачественного проявителя пленка получи-лась абсолютно чистой, Аляшев даже заболел. Зато, ког-да видел своих оживших героев, он переживал минуты настоящего счастья. "Господи, какое же это было золо-тое время, — вспоминает он, — как только удавалось все успевать?!" Летом институтский СТЭМ отправлялся на гастроли по стране — Украина, целина, восстанавли-вающийся после землетрясения Ташкент... В студенче-ских спектаклях постоянно появлялись все новые и но-вые мультзаставки. Со временем Анатолий смонтировал из них "Сборник мультфильмов" — сборник получил приз на всесоюзном фестивале любительских фильмов.

Там же, на фестивале, Аляшеву предложили посту-пить в институт кинематографии, без вступительных эк-заменов — кто бы отказался?.. Но Анатолий еще не сде-лал своего выбора. Он уехал обратно в Свердловск, с ко-пейками в кармане; а фильм его, в сопровождении ра-ботников тогдашнего ВЦСПС, отправился в Женеву, на международный фестиваль... Каждому — свое.

* * *

Получив на руки диплом горного инженера, Анатолий Аляшев в 1968 году, наконец, решил уйти на телесту-дию. Иногда вспоминал о горняцком деле; еще тянуло обратно, сомнения разъедали душу: "Что это, здоровый мужик корпит над какими-то куколками!.." Но все более

необходимой становилась новая профессия, все более забирали его всего радости и огорчения, которая она принесла с собой.

Со своим давним другом, тоже "горняком-мультипликатором" Александром Трифоновым они за год сняли сложнейший фильм — со множеством персонажей, с двумя видами мультипликации, и целым миром русской старины... Мультик получился настолько хорош, что его тут же отправили на выставку ЭКСПО-70 в Японию, которая была своего рода кинорынком. Успех был потрясающий — картину закупили около 60 стран. Это означало завоеванное право на свой почерк, на авторское кино.

У Аляшева не было крупных провалов. Курьезы — да, были. Одна из них постигла следующий же фильм — "Сказку о твердом орехе" — снятый по мотивам произведений Гофмана и Андерсена. Картина была готова и уже предназначалась к отправке за рубеж, когда случилось непредвиденное: в фильмохранилище прорвало трубу с горячей водой, и негатив был уничтожен.

Все корифеи мультипликации работали в столице. На Урале, вдали от большого мира мультипликации, Аляшеву приходилось вариться в собственном соку. (Несколько позже появился целый рад молодых талантливых художников-мультипликаторов на Свердловской киностудии.) Уединившись в своем новом мире, Аляшев очень боялся повторений и старался в каждом фильме сменить стиль, эпоху, страну, способы съемок, заменяя переключочный мир на объемный.

Первоначальный вариант "Буренки из Масленкино" не предполагал образа верного, преданного, доброго волка — этот неожиданный волк родился в голове у Аляшева. Смешно сейчас сказать, но именно московское начальство категорически воспротивилось созданию нового образа: как это — вопреки традициям, как это — смешивать добро и зло? Свердловское же телевидение отдало решение на откуп режиссерам. Так и получила право на жизнь и зрительское признание романтическая история любви волка к корове, доселе "по традициям" съедаемой им. Зрители приняли доброго, влюбленного волка.

После "Буренки" возникло желание сделать "Сказку о золотом петушке". Увы, снова Москва не дала добро, мотивировав тем, что не имеет смысла переносить в жанр незатейливого кино великую оперу. Что делать? Уже были готовы эскизы, фильм стоял в плане: срыв грозил материальным ущербом. И Аляшев решил заново использовать кукол и декорации из "Буренки". Так родился фильм "Я встретил вас", в котором безутешный влюбленный волк превратился в ловеласа, покоряющего женские сердца. Кстати, одна из совершенно незначительных деталей в этом мультфильме чуть не вызвала межгосударственный конфликт. Был там эпизод, когда Волк на автомобиле терпит аварию, а автомобиль, попыхонски разукрашенный всякими иностранными лейблами, имел одну надпись — "PSPR" — по-польски расшифровывающуюся, как Польская Объединенная партия рабочих. Буквально на следующий день, после показа нового мультика по телевидению, разразился скандал. Из Москвы на Урал прилетели представители КГБ и, слава богу, оказались умными людьми: поняли, что никакого злого "подрывательского" умысла не было — одно недоразумение. Конфликт был исчерпан, но негатив приказано было сжечь. И, как всегда, нашлись смелые

люди, которые сумели припрятать неугодный киноматериал до лучших времен, потому что через некий срок из Москвы раздался звонок: "Не сожгли? Ну, и ладушки... Делайте досъемки и пускайте в прокат под другим названием". Вот так задуманный фильм "Я встретил вас" вышел с названием "Под шорох шин", где появилась новая героиня — Свинюшка, которая "захомутала" Волка, превратила его в безропотное домашнее существо, а сама увлеклась несравненным Бельмондо. Второй вариант оказался гораздо веселее и интереснее — вот уж, действительно: что ни делается, все к лучшему.

Потом были мультфильмы "А у тебя есть солнце", "Легко ли быть храбрым", "Под одной крышей", "Притча о ромашках", "За твоим окном".

Не имеющей цены находкой для режиссера Аляшева стала книга шведской писательницы Туве Янссон — сказка о муми-троллях, до краев наполненная добротой и деликатным отношением к героям. Художнику Евгении Стерлиговой, неимоверно трудно было найти видение персонажей, которое не шло бы вразрез с рисунками Туве Янссон, которая иллюстрировала свою книгу сама. И так же непросто было композитору Владимиру Кобекину, сочинившую прекрасную музыку к "муми-троллям". Один за другим было снято три фильма: "Все дело в Шляпе", "Лето в Муми-доле" и "В Муми-дол приходит осень".

* * *

Два года назад Анатолий Аляшев снял свой последний фильм "Ой, куда мы залетели!..". Красота русского бытия, стилизованный народный фольклор — целый ушедший мир воссоздал художник... Забытый нами, солнечный, теплый мир..

Последний фильм Аляшева оказался пророческим и для него самого. Мир его кино, его жизни тоже погибает. В больших комнатах мультцеха пустынно. Усовершенствованный мультстанок ждет не дождется новой работы... А ее нет... Нет средств, нет финансирования. И зрители не дождутся своих любимых доброжелательных мультиков; они будут вынуждены вновь и вновь смотреть удары, пинки и зуботычины, в огромном количестве производимые западными кинематографистами и уже заполонившие отечественный экран. У них — средства, у нас — нищие таланты, в своем отечестве пророки...

...И сидит Аляшев в пустом роскошном мультцехе. Не крутится пленка в кинокамере. Не оживают забавные фигурки. Сказочные миры остаются пустой фантазией... Никому не стали нужны очаровательные муми-тролли и добрые волки.

*На вкладке слайды
Николая ПЕРЕВЫШИНА*

*По деревне я пройду,
Что-нибудь наделаю,
Или скуку разгоню —
За девками побегаю.*

*Ишь, гуляет, как собака,
Только без ошейника!..
Протокол бы написать
На него, мошенника!*

было бы узнать, на какой срок он запланировал свой эксперимент и так ли он ему был необходим, если вопрос о запрещении использования психозонда практически был им решен. Но, увы, момент, кажется, упущен, дай бог — жив бы остался. Напрашивался и еще один вопрос: а смог бы Вадим помешать Ильину? И сразу следовал ответ: вряд ли, разве что только в самом начале, узнав о намерениях инспектора. Почему я в этом уверен? Во-первых, потому, что Ильин полагал, будто действует по собственной инициативе, а во-вторых, потому, что Чер контролировал ход событий. Помнится, перед тем, как Аркадий Семенович подключился к ВИБРу, меня охватило полнейшее равнодушие к происходящему, этокое спокойное безволие, не позволяющее шевельнуть ни ногой, ни рукой (напомню — у Васи Лаптева тоже отказали ноги, а он был намного ближе к Ильину; Гусейнов же вообще не сдвинулся с места), но в тот момент, когда Ильину уже ничем нельзя было помочь, я снова обрел способность рассуждать и двигаться, да и ребята принялись суетиться. Это было очень похоже на сильнейшее внушение.

Не скажу, что мне было страшно, я еще не до конца осознал всю опасность сложившейся ситуации; но то, что нам нужно было немедленно удирать во все лопатки, я понимал очень даже четко.

Теперь все зависело от помощника кэпа Пономарева, на которого после несчастья с Ильиным неожиданно свалилось бремя власти.

Пономарева я знал как педантичного, исполнительного, но очень осторожного человека, у которого преувеличенная осторожность граничила с отсутствием инициативы, и сомневался, что сумею доказать ему необходимость изменения курса, другими словами — сумею обосновать свои умозаключения.

Люкакин, сидевший за пультом и от нечего делать листавший вахтенный журнал, обернулся на звук открываемой двери и с готовностью вскочил с места.

— Будь добр, подежурь пока, — сказал я, — приплюсуется к основному стажу. Мне срочно к Пономареву.

И вышел, некоторое время удерживая в памяти недовольное лицо мальчишки-стажера. Нет, все-таки чем-то он мне нравился, хотя и любитель был поворчать.

Пономарева я нашел в лаборатории анализа, где обрабатывалась, идентифицировалась и систематизировалась вся информация, поступившая от внешних приемных систем. Вычислительная машина работала в диалоговом режиме и как раз сейчас приятным женским голосом отвечала на вопрос Пономарева, который, понимающе кивая крупной лысоватой головой, бегал карандашиком по распечатке.

Окончание. Начало на стр. 15

— Казимир Михайлович, — сказал я твердо, — дело чрезвычайной важности.

Он кинул на меня быстрый недовольный взгляд и сухо проскрипел:

— Умейте ждать, Добрынин.

Не скрою, я настроился воинственно и принялся сверлить тяжелым взором его обтянутую белым халатом рыхлую спину, постепенно сосредоточиваясь на бледно-розовой лысине, обрамленной пушком седеющих волос. Пономарев изредка раздраженно дергал плечом, но не оборачивался, продолжая задавать вопросы и писать.

— Что у вас? — спросил он наконец, разворачивая длинную машинограмму и впиваясь в нее глазами. — Почему не на вахте?

— Вам известно, что произошло с Ильиным? — довольно резко осведомился я.

— Известно, — буркнул Пономарев. — К сожалению.

Вот как? К сожалению? Видно, очень не хотелось ему быть на первых ролях.

— Нет, вам ничего не известно.

— Я бы вам посоветовал думать, прежде чем говорить, Добрынин.

М-да, начало было многообещающим.

— Казимир Михайлович, а вам не попадалась бумага с записью, ну скажем, помехи в секторе СВ-1735, что наблюдалась в 4 часа 39 минут 52 секунды прошлых суток?

Он по инерции развернул, даже выдернул из рулона еще с полметра машинограммы, затем обернулся, затем встал.

— Ну-ка, ну-ка, что вам об этом известно, Добрынин?

— Давайте зададим этот вопрос машине, — предложил я.

— Что ж, — он сформулировал задачу.

— Информационный поток, — сказал приятный женский голос. — Расшифровке не поддается.

— Правильно, — обрадовался я. — Образ трудно закодировать, тем более — расшифровать. А несущая частота зарегистрирована, как помеха.

— Погодите, что это мы стоя? — засуетился Пономарев. — Присаживайтесь, Анатолий Иванович, присаживайтесь, вместе подумаем.

Я сел и начал говорить. Но пономаревская реакция оказалась совершенно неожиданной. По мере моего изложения, сопровождаемого достаточно логичными умозаключениями и выводами, полное невыразительное лицо его скучнело и делалось все более и более безразличным. Наконец, он прервал меня на полуслове.

— Это уже ни в какие ворота, — сказал он нетерпеливо. — Кому-то снятся фантастические сны, а вы это представляете как факт. Несolidно, Добрынин. Да, с Аркадием Семеновичем случилось несчастье, но это не повод для домыслов. Я доложил в Центр, прибудет компетентная комиссия — им и решать данную проблему. А мы давайте не будем.

Во время его речи я потихоньку закипал.

— И на прощание — маленький совет, — подытожил Пономарев. — Ни с кем больше не делитесь этими вашими... измышлениями. Неумно это. Идите и спокойно работайте.

Все, я дошел до точки кипения, но нашел в себе силы выйти спокойным шагом. Черт возьми, Ильин бы меня понял, по крайней мере не стал бы перебивать в начале рассказа. Он уже, кажется, и сам подбирался к отгадке, только другими путями.

Самое скорое — комиссия будет здесь дня через три-четыре, а это просто катастрофически огромный срок. Теперь, когда настало время принятия быстрых и правильных решений, политика нынешнего руководства могла привести к трагедии. Не радовало меня нынешнее руководство станции...

Кое-как додолив вахту, я поспешил к Вадиму. Он уже пришел в себя и выглядел вполне прилично. В его однокомнатной квартире царил идеальный порядок, на столе алели оранжерейные тюльпаны, в хрустальном блюде размером со средний тазик горкой лежали фрукты. Вадим просматривал последние новости.

— Садись, — сказал он. — Все как сговорились. То цветочки притащат, то вон плоды. Будто сам не могу сходить.

— Как себя чувствуешь? — осторожно спросил я.

— Как после наркоза. Голова тяжеловатая. Не привык к снотворному.

— Но вообще-то в форме?

— Вполне. Ты по поводу Аркадия Семеновича?

— Не только... Ведь укол-то тебе сделал я. Вадим без всякого удивления, очень даже спокойно посмотрел мне в глаза.

— Зачем?

— Очевидно, чтобы ты не присутствовал на эксперименте.

— Очевидно? Ничего не понимаю.

Мои заключения он выслушал внимательно, не перебивая.

— Похоже на правду, — сказал Вадим, когда я закончил.

Он вдруг бодренько выскочил из кресла и прошелся по пружинящему ковру. Остановившись перед фруктами, он приценился, выбрал огромное румяное яблоко и хрустко откусил. Мне страшно захотелось яблока.

— Угощайся, — предложил Вадим, — а то пропадут.

Он был тысячу раз прав. Не пропадать же добру.

Между тем, Вадим расхаживал по комнате, спортивный, собранный, готовый к действию, изредка хмурился, а я наблюдал за ним и машинально хрупал яблоко за яблоком.

— Я думаю, надо с ним связаться, — сказал он наконец. — Надо его предупредить, что человеческий мозг слаб и что на станции уже имеются жертвы. Если он и дальше хочет испытывать наслаждение от общения с нами, то

пусть побережет клиентов, а то никого не останется. Нам нужно потянуть время до приезда комиссии. На Пономарева надежда маленькая. Как ты полагаешь?

— Что ж, рискнем, — согласился я. — Но это очень опасно. Уж до чего Ильин сильный психогигиенист, а и то не выдержал.

— Потому и не выдержал, что шел в открытую, — Вадим усмехнулся. — Мы подсунем Черу туповатого клиента, которому плохо и который все время хнычет о помощи.

Туповатого клиента? Какой все время хнычет о помощи? Все время. Господи, как я до этого сам не додумался?

— Ты предлагаешь запись?

— Почему бы и нет?

— А сможем? — усомнился я.

— Надо, — уверенно сказал Вадим.

— Нет слов, — я развел руками.

— Просто я вовремя вспомнил свою тяжелую голову.

Этим он как бы даже благодарил меня за ночной визит. Ну что тут скажешь?..

Сразу от входа бросилась в глаза распахнутая дверца аптечки. Уходя, я ее, помнится, закрывал.

На кухне загремела посуда.

Прикрыв аптечный шкаф, я прошел на свою половину и здесь на письменном столе обнаружил злосчастную коробку с медиалом. Рядом лежал пневмопистолет. В коридоре слышались легкие Тайны шаги.

— Это глупо, — крикнул я.

Хлопнула дверь. Вот чего мне сейчас не хватало, так это женских капризов. Нет, это надо было пресекать и немедленно. Я направился к Тая.

Она лежала на кровати, отвернувшись к переборке, и никак не отреагировала на мое появление.

— Ты, конечно, уверена, что я это сделал нарочно, — сказал я, плюхаясь в пискнувшее кресло. — А теперь подумай, зачем мне это нужно? Лично мне? Прежде всего — об эксперименте я узнал только сегодня. Далее — Вадим мне симпатичен, как человек. И, наконец, к чему так рисковать? Ведь Вадим мог проснуться, зашуметь. Вот и ты видела, что ночью я шарил в аптечке. Но я-то ничего этого не помню.

— Не валяй дурака, — глухо произнесла Тая. — Ты — злобный ревнивец.

Такого оборота я, признаться, не ожидал и, не сдержавшись, глуповато хихикнул.

— Ну и что же, что он маленький, — тихо сказала Тая. — Я ведь все равно ниже его. Он очень хороший. А ты — страшный эгоист.

Слушать ее было не то что неприятно, но как-то даже больно. Чувствовалось, что она целый день думала, какой эгоист я и какой хороший человек Вадим Коржииков. Очень обидно было ее слушать.

— В свое время мы, кажется, договорились

сначала понять, а уж потом судить, — сказал я удрученно. — Ты меня даже не хочешь понять.

Тая резко села и уставилась на меня, как на чучело.

— А что тут понимать? Ты мне все время врешь. Да если бы Вадим не... заболел, Аркадий Семенович был бы здоров. Зачем ты ему позволил подключиться к ВИБРу? Ты же прекрасно знал, чем это может закончиться. Что ты тут все время врешь?

— Ты можешь выслушать спокойно? — рявкнул я.

Она сразу нахохлилась. Затаилась.

— Тогда слушай, — продолжал я уже спокойно, задавив в себе внезапную вспышку ярости.

И рассказал о том, что случилось, присовокупив сюда свои выводы.

— А ты не ходил к Аркадию Семеновичу? — спросила Тая упавшим голосом.

— К нему не пускают.

— О боже, какая я дура. Мой бедненький суслик. Иди ко мне...

Было раннее утро. Я проснулся от того, что Тая осторожно перебиралась через меня.

— Не смотри, — попросила она, целуя мою колючую физиономию. — Спи. Мне сегодня пораньше.

Я закрыл глаза и слушал, как Тая, одеваясь, легко бегаёт по комнате. Тапки она игнорировала. Как-то незаметно я заснул, но, кажется, ненадолго. Разбудило меня острое чувство тревоги. Это было похоже на сигнал о помощи, как будто очень далекая труба печально выводила грустную безнадежную мелодию...

Постовая уже была забита до отказа, а люди все прибывали и прибывали, теснясь в коридоре. Я кое-как протолкался к рабочему месту и узрел пульт и ВИБР в плачевном состоянии. Под ногами неприятно хрустели осколки оргстекла. Кроме того, я обнаружил и орудие разбоя — небольшой, но увесистый блок стабилизатора (БС), очевидно позаимствованный из ЗИПа и помещенный кем-то на пультовую клавиатуру. Но не это было главное. Рядом, закрыв лицо руками, стояла Тая, плечи ее вздрагивали. Вокруг нее образовался пустой полукруг, и в этом полукруге, на полу, хищно свернулось выдранное с корнем из гнезда "щупальце" с присосками. И еще сильно воняло горелой изоляцией. По всей видимости, Тая включила аппаратуру и лишь затем принялась ее крушить, чем вызвала короткое замыкание.

— Дорогу, товарищи, — раздался напряженный голос Пономарева.

Он обогнул меня и остановился напротив Таи.

— Кто позволил? — спросил он свистящим шепотом. — Вы представляете себе, что натворили?

Пономарев на глазах побагровел и резко кинул в пространство:

— Как она сюда попала?

В полной тишине кто-то весело и нахально сказал:

— Так ведь это же Тая Добрынина.

— Добрынина? Ах, да. Это меняет дело. Ну и что, что Добрынина?

— Она дорабатывала ВИБР, — скучно объяснили рядом.

Нездоровый румянец с Пономарева спал.

— Так, так, дорабатывала, — протянул он, что-то соображая. — Значит, аппаратура неучтенная?

— Значит, неучтенная, — согласился все тот же скучный голос (я узнал Гусейнова). — Пульт учтенный, но он пострадал мало.

— Безобразия, — сказал Пономарев, как сказал бы на его месте всякий уважающий себя администратор. — Форменное безобразие. Более того — хулиганство. На вас, Долгорукова, я подготовлю приказ по станции. И чтоб к приезду комиссии аппаратура функционировала! Вот так.

Он удалился, перед ним нехотя расступались.

— А ведь до смены еще двадцать минут, — вдруг громко сказал Гусейнов.

— Ну и что?

Вопрос повис в воздухе, но тут же кто-то неуверенно произнес:

— Действительно, странно. Сигнала общего сбора вроде бы не было.

И тут все разом зашумели. Выяснилось, что сюда, в постовую, ноги каждого принесли сами. Да, да, сразу после того, как прозвучала труба. Откуда бы ей здесь взяться?..

Постепенно люди разошлись.

— Ну, ты чего же, Долгорукова, наделала? — Я уже безнадежно опаздывал на вахту, но отстаивать Таю в таком состоянии не мог.

— Перестань повторять чужие глупости, — устало сказала она. — Я не думала, что сюда набегит столько народу.

— Тут говорили о трубе. Разве ты ее не слышала?

— Нет, конечно.

— Почему — конечно?

— Потому что здесь было шумно.

— Это совсем другая труба, — я постарался улыбнуться, хотя мне уже было страшно от того, что Черу повиновалось все население станции. Или почти все.

— Что здесь случилось? — еще из коридора через открытую дверь спросил Вадим. — Народ валом ва... Ба-а!

Он вошел и уставился на разгромленный пост. Еще один, который ничего не слышал. Слава богу их уже двое. Но — они первые, с кем Чер связался напрямую. Парадокс.

— Восстановить невозможно? — скорее констатировал, чем спросил Вадим.

— Естественно, — задиристо отозвалась Тая. — Чего-чего, а ломать мы умеем.

— Ну и напрасно, — сказал Вадим. — Мы тут с Толей придумали одну забавную штуку. Разве он тебе не говорил?

— К сожалению, не успел, — я вздохнул.
— Жаль, жаль. — Вадим, хрустя пластмассовой крошкой, подошел к пульту и подкинул на ладони тяжелый БС, потом, хмыкнув, посмотрел на Таю.

— Вот именно, — сказала она.
— Судя по запаху, было включено?
— Ага, — в ее голосе было злорадство.
— Месть, так сказать, — весело произнес Вадим. — За Аркадия Семеновича и кэпа. Верно?

— Ага.
— Это для него, как слону дробинка. — Вадим аккуратно приспособил БС на пульт. — Ты, Таечка, забыла, что он уже научился выходить на прямой контакт. Теперь, Таечка, мы сидим на бочке с порохом. А нам нужно время до приезда комиссии, потому что через Пономарева нам не перешагнуть. Толя правильно сказал — нужно отсюда срочно драпать. Потому что мы и придумали забавную штучку с записью. Наподобие магнитофонной. Понимаешь?

— ВИБРУ крышка, — еле слышно отозвалась Тая.

— Тогда мы в его руках, — улыбаясь, сказал Вадим. — Космическая станция "Глыба" в лапах галактического чудовища, как изволили бы выразиться наши заокеанские друзья. Звучит? Тая виновато мигнула.

Я проводил ее на рабочее место и поспешил в навигаторскую, представляя себе реакцию Рыбакова на такое солидное опоздание. Но, к моему удивлению, Сеня был тих, спокоен и даже где-то рассеян. Люкакин сидел рядом, они негромко разговаривали.

— А-а, Толя, — не оборачиваясь, сказал Рыбаков. — Полюбопытствуй на эфир.

Я подошел и понял, что вот оно, началось. Такой густой наводки я еще не видел, экран был затянута сплошной сеткой, которая пульсировала с какой-то завораживающей частотой.

— Не смотри туда, — посоветовал Рыбаков.
— Кстати, чего это на Таю нашло?

Люкакин взглянул на меня с любопытством.
— Это месь, — сказал я. — За Аркадия Семеновича.

А что я еще мог сказать?

— Странная месь, — Сеня вдруг мощно зевнул и сконфуженно бормотнул: — Надо бы покемарить, да вряд ли получится. Часом ранее ни с того ни с сего бросил все это хозяйство и ломанул в постовую, кого-то помял маленько. Нет, не заснуть. По-моему, все дело в этом.

Он ткнул пальцем в экран.

— Да, наверное, — сказал я. — Володя, ты отдохнул? Перебирайся-ка, дружище, на свое место.

Люкакин проворчал что-то неразборчивое, но ушел в свой угол и там примолк за приборами.

— Нешто с Коржиком пообщаться? — спро-

сил сам себя Рыбаков и очень ловко ткнул толстым пальцем в клавишу видеокама.

— Чего надо? — послышался недовольный голос Вадима.

Самого его не было в кадре, камера выхватывала пустое рабочее место.

— Слушай, Вадик, что там за ерунда в эфире?

— Толя, объясни ему, будь добр, — попросил Коржиков.

— Нет уж, — заупрямился Рыбаков. — Кто у нас главный антенщик?

— Это Чер, — помолчав, сказал Вадим. — Все? Тогда связь заканчиваю.

— Сил больше нет, — Сеня встал. — Пойду придавлю. Пока, Вовка.

— Пока, — раздалось из люкакинского угла.

— Не помни там кого, — посоветовал я.

— А пусть не подворачиваются.

Мне почему-то вспомнились слова Вадима по поводу галактического чудовища, и тут на меня накатило. Наводка от непрерывных посылок Чера принялась пульсировать очень интенсивно, будто то вздувался, то опадал радужный пузырь, стиснутый рамкой экрана. Это было необычно, это было красиво, от этого нельзя было оторваться. И вдруг экран погас. Я потряс головой, стряхивая наваждение.

— Вас же просили не смотреть, — сказал Люкакин.

— Толя, без паники, — раздался голос Вадима. — Я отключил внешнюю систему. Идет очень мощное излучение.

— Мы как мухи на липучке, — подумал я вслух.

— Срочно ищи Пономарева, — сказал Вадим. — Он должен быть в штурманской. Если что — примени силу, надо спасти людей. А я пока врублю активную помеху. Авось пронесет.

На пороге я услышал, что Люкакин вдруг всхлипнул, а потом тихонько закатился счастливым смехом. Я и сам был бы не против к нему присоединиться, так хорошо и тепло сделалось на душе, но понимал пока, что надо найти этого чудесного дядьку Пономарева и хорошенько настучать его по голове, чтобы отдал капитанский ключ-мастер для включения стартовых двигателей. Надо — и все тут.

В коридоре я разбежался и, очень хорошо выпрыгнув, вlepил пятерней по висевшему под потолком плексигласовому фонарю, источающему ультрафиолет. Фонарь, естественно, не разбился, зато боль на мгновение отрезвила. Пальцы шевелились, самое большее — будет синяк. Впрочем, я тут же забыл про ушибленную руку, потому что навстречу собственной персоной шлепал Пономарев. Зачем-то он мне был нужен.

— Он спрашивает, что такое муха на липучке, — сказал Пономарев, показывая мне неизвестно где раздобытое жужжащее насекомое, которое он цепко держал пухлыми пальцами. — Я думаю, на лысинке много смешнее. Вы ее

аккуратненько придерживайте, чтобы не удра- ла.

Он посадил муху на собственную лысину, я тут же ухватил ее за свободное крылышко. Действительно, это было очень смешно.

— Хватит, — сказал он свирепо. — Щекотно. Дай сюда.

Тут он скорчил мерзкую рожу и оторвал насекомому лапку.

— У иноходца должно быть четыре ноги, в противном случае это блоха.

Он опять сделал зверское лицо, но вдруг выпустил муху и с криком: "Москва — Воронеж!" — резво бросился наутек. Раненое насекомое улетело на плафон. Я почувствовал себя одуроченным и кинулся за Пономаревым. Навстречу, набывчив шею, яростно скакал Рыбаков. Сначала он забодал Пономарева, потом кинулся ко мне. Я с трудом увернулся, и Рыбаков забодал обтянутую кожей обшивку. Он пал на колени и шумно зафыркал, а я кинулся за ожившим Пономаревым, догнал, поскольку ноги у меня значительно длиннее, и больше не отставал. Он все пытался заехать мне в бок оттопыренным локтем, чтобы сбить дыхание, но я отмахивался. Вскоре мы заметили троицу малознакомых людей в развевающихся белых халатах, которые споро приближались встречным курсом.

— Давай, — скомандовал один из них, плашмя кинулся на пол и принялся уползать задом вперед, да так быстро и ловко, что я позавидовал.

Оставшиеся двое, швырнув в нас по алюминиевой суповой тарелке, кинулись наутек. Прицеливались они не особенно тщательно, поэтому в нашем стане потерь не было. Зато сзади, взбешенный своей неудачей, рыл землю Рыбаков.

Никогда еще я не играл в такие увлекательные игры. Все во мне пело, мышцы были в полной боевой готовности, азарт охотника звал на поединок с безжалостным Рыбаковым. Однако, это бы уже была не игра, а бойня. Следовало, как подсказывал внутренний голос, заманить его в ловушку и тем самым полностью насладиться победой интеллекта над горой мяса. Без всякого, упаси боже, убийства. Посадить усмиренного Сеню на цепь, в клетку, чтобы изумлять публику. Пономарев достал-таки меня локтем по печени, но это был жест дружеского участия, приглашение, так сказать, к совместной охоте. Для него тоже горнил охотничий рожок.

Гикая, мы проскочили над уползающим белохалатником. О, этот ветер свободы, простор безлюдных коридоров, когда сзади усердно работают ноги дикого Рыбакова, эти пьянящие звуки близких и далеких ристалищ, сопровождаемые скрежетом, писком, звоном разбиваемого стекла, этот свист пролетающей над головой табуретки, которая с сочным хрустом врезается в переборку, эта молниеносная смена событий! То от вас, подвывая, улепетывает

зазевавшийся сотрудник химлаборатории, а то целая команда электронщиков-гандболистов поет гнусавыми голосами "Маленькой елочке холодно зимой..." и вообще пускает слюни. Свобода! Вот она, настоящая жизнь, вздох, на полную катушку, чтобы день — как год, чтобы год — как жизнь. Женский визг. Вот, вот и еще раз вот. Это — то самое, что возблагодарит нас за все трусности и опадности, которые мы преодо...

Вдруг я открыл глаза и увидел у изголовья знакомую гравюру, я, оказывается, лежал в своей кровати, но тут бедная моя голова нехотя, лениво взорвалась и раскрылась, как цветок навстречу солнцу, навстречу неизвестному...

Это, оказывается, было жутко интересно, и, когда я внезапно очнулся, внутренний проектор еще какое-то время прогонял в сознании видение симметричных конструкций, появляющихся неизвестно откуда и втягивающихся в микроскопически малый объем. Каким-то образом я понимал, что это абстракции Черы на тему взаимопроницающих пространств. Проектор остановился, я заворочался, устраиваясь поудобнее.

— Проснулся? — утомленно спросила Тая.

Я стряхнул остатки сна и сразу все вспомнил.

— Надо срочно найти Пономарева. Он, по видимому, в штурманской и у него ключ-мастер кэпа.

— Не волнуйся, — сказала Тая. — Все обошлось.

И тяжело вздохнула.

Да, видик у нее был, прямо скажем, потрепанный. Будто она сразу постарела лет на десять. Откуда-то появились морщинки на лбу, губы были крепко сжаты и потеряли ту детскую припухлость, которая так меня волновала. Передо мной сидела очень усталая, очень озабоченная женщина с печальными глазами много выдавшего старца. До невозможности близкая женщина.

— Тая, что случилось? — Я приподнялся на локте, тело ныло. — Почему я в постели? Почему так болит рука?

Брови над глазами старца сдвинулись.

— Здесь такое было, — сказала Тая. — Еще немного, и вы бы разнесли несчастную "Глыбу" на щепочки. Какие все-таки вы, мужчины, здоровые. Просто умучаешься с вами.

— А что мы делали? — Я снова прилег, оберегая правую руку. — Впрочем, можешь не говорить, это я сморозил. Понятное дело — Чер.

— Нет, это надо знать, — решительно сказала Тая.

По мере ее рассказа я все глубже зарывался под одеяло и вообще готов был провалиться от стыда на самое дно преисподней. Именно там было наше место, на сковородах с кипящим маслом, да чтобы оно покруче кипело.

— ...самое низменное, — говорила Тая. — И это у него неплохо получилось. Ладно бы вы

друг другу физиономии квасили и крушили казенное имущество, так нет же — вас еще на баб потянуло. Это не мои слова. Это был ваш боевой клич: "по бабам". Мерзость. Ему и это захотелось испытать, да так, чтобы вышло погнуснее.

— Я тоже? — торопливо спросил я из-под одеяла.

— Нет, мы тебя раньше изловили. Вместе с Пономаревым. Но вы галопировали в нужном направлении. Да, да, и очень целеустремленно.

— Как на духу — и в мыслях не было.

— А я тебя не виню, — сказала Тая, понемногу успокаиваясь. — Разве все вы понимали, что творите? Сначала-то, вроде, ничего, неопасно. Охота, военные действия из разряда "Витька, заходи справа, Левка — ты убит", даже детские хороводы были с песнопениями. Потом как-то сразу этот самый коллективный мордобой, ну и так далее. Как с цепи сорвались... Вот так, Толя. А мы-то, дураки: небывалый прогресс науки и техники, взлет интеллекта, мощнейший скачок прогресса и прочие дидирамбы в честь чистенького разума. Вот он какой — чистенький-то. Старые, битые и ничему не научившиеся дураки. Нам бы всего побыстрее — и прогресса, и справедливости, и ума, ну и, конечно же, избытка для пуза и телес. Как же без этого. Нет, Толя, такой истории не бывает.

От этих в общем-то справедливых слов сильно попахивало пессимизмом, и я сказал, высовывая нос из-под одеяла:

— Ну, прохлопали в данном случае. Наверное, не с того конца взялись. А все-таки крест на контакте ставить не стоит. По-моему.

— Чтобы опять все это повторилось? — Тая зябко поежилась. — Нет уж, меня увольте.

— Так как же меня-то изловили? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Ой, Толя, — она вздохнула. — Вон вся аптечка пуста с твоим любимым барбиталом. Плюс Вадим какую-то адскую смесь намешал в химлаборатории, чтобы распылять в местах скопления. Кого изолировали, кого сетью (где он ее раскопал?), кого он на прием брал — хорошо хоть умеет. Измаялся, бедняга. Потом еще по каютам растаскивали, а народ все не худенький. В общем, лучше не вспоминать. Ты бы сменил его, он же не навигатор. А я тут отдохну пока. Хорошо, Толик?

И эти ее последние слова, в которых была прежняя ласка, заставили меня пулей выскокить из кровати...

Вадим Коржиков, расположившись в кресле у навигационного пульта, крепко спал. Ключ-мастер покоился в гнезде с надписью "стартовые двигатели". Прикинув координаты станции, я понял, что мы вышли из зоны контакта примерно полчаса тому назад. Значит, Вадик, погасив двигатели, спал уже тридцать минут...

Радиомаяк, указывающий наше местонахождение, был включен. Вадим и об этом не за-

был. Теперь комиссии, запеленговавшей нас в новой точке, придется изменить курс. И тут я вспомнил про "Сигнал" и "Затвор" — станции, которые находились в нашем секторе и, естественно, должны были оказаться в активной зоне. Поскольку Чер имел пространственные разрывы, каждое его уплотнение было строго пронумеровано, объявлено сектором номер такой-то, а к сектору прикреплены две-три станции...

"Глыба" дрейфовала в спокойном пространстве, и я направился в радиорубку и вскрыл ее капитанским ключом. Мое сообщение на Базу было кратким: на "Глыбе" авария местного масштаба, которая в ближайшее время будет ликвидирована собственными силами, в связи с этим курс изменен; просим обратить внимание на положение дел у экипажей "Сигнала" и "Затвора". Передав в конце сообщения свою должность и фамилию, я закрыл радиорубку. С этим все.

Теперь надо было идти за Рыбаковым или Люкакиным, чтобы следили за курсом, и высвобождать команду, так как, по всей видимости, только я один находился под Тайным присмотром, остальные же были изолированы. Однако к Рыбакову идти не хотелось, с ним были связаны какие-то негативные эмоции, в причине которых я пока не мог разобраться, и я пошел вызволять Люкакина.

Хилый эмэнэс, распятый на кровати, как лягушка на столе препаратора, дергался и сипло ругался. Один глаз у него был крепко подбит. Вадим приторочил Вовку к ложу без всяких премудростей, но быстро и надежно, используя для этого две простыни, связанные узлами под кроватью, так что ругайся — не ругайся, а без чужой помощи не обойтись.

— Жив? — спросил я, раздергивая тугие узлы и шипя от боли в правой пятерне.

— Гады, — сказал Люкакин. — Шутники казарменные. Козлы.

— Козлы, говоришь? А ты их вообще-то видел живьем?

— Наслышан, — мрачно ответил Люкакин.

— Иди умойся. Нет, брат, ты ошибаешься. Это были не козлы, это было много хуже.

Вовка на полдороге к ванной тормознул и с любопытством уставился на меня.

— А что было?

Нет, не мог я спокойно смотреть на его разноцветную физиономию и только махнул рукой. Он повиновался.

Пока мы шли в навигаторскую, я вкратце, не сгущая красок, но вполне доступно ввел его в курс. Вовка бледнел, хватался за синяк и все приговаривал: "Ай-яй-яй"...

— Главное, чтобы космический топляк не продырявил днище, — сказал я напоследок и заторопился к Ильину, который мог не пережить этого внезапного натиска Чера.

А честно говоря, я просто чувствовал себя очень виноватым перед ним.

Аркадий Семенович, которого, понятное де-

ло, никто не охранял, открыл глаза, как только я вошел, и неожиданно подмигнул. У меня отлегло от сердца. Конечно, он не выглядел прежним здоровяком, напротив — был неестественно желт, худ, небрит, да и его подмигивание могло оказаться маленькой хитростью умирающего, но, самое главное, он перенес эти события.

— Что, Толя, туго пришлось? — спросил он тихо.

О господи, он еще и говорит.

— К счастью, все обошлось, Аркадий Семенович. Может, вам лучше не разговаривать, а то, сами понимаете...

— Не беспокойся, это не больно.

— Что я могу для вас сделать?

— Ничего не надо, Толя. Как видишь, я всем обеспечен.

Система обеспечения Ильина состояла из множества трубочек, колбочек, наполненных разноцветными жидкостями, поршеньков, насосиков и небольшого серого ящика, утыканного индикаторами, — распорядителя системы. Все это жило хитроумной жизнью, в которую был включен организм Аркадия Семеновича.

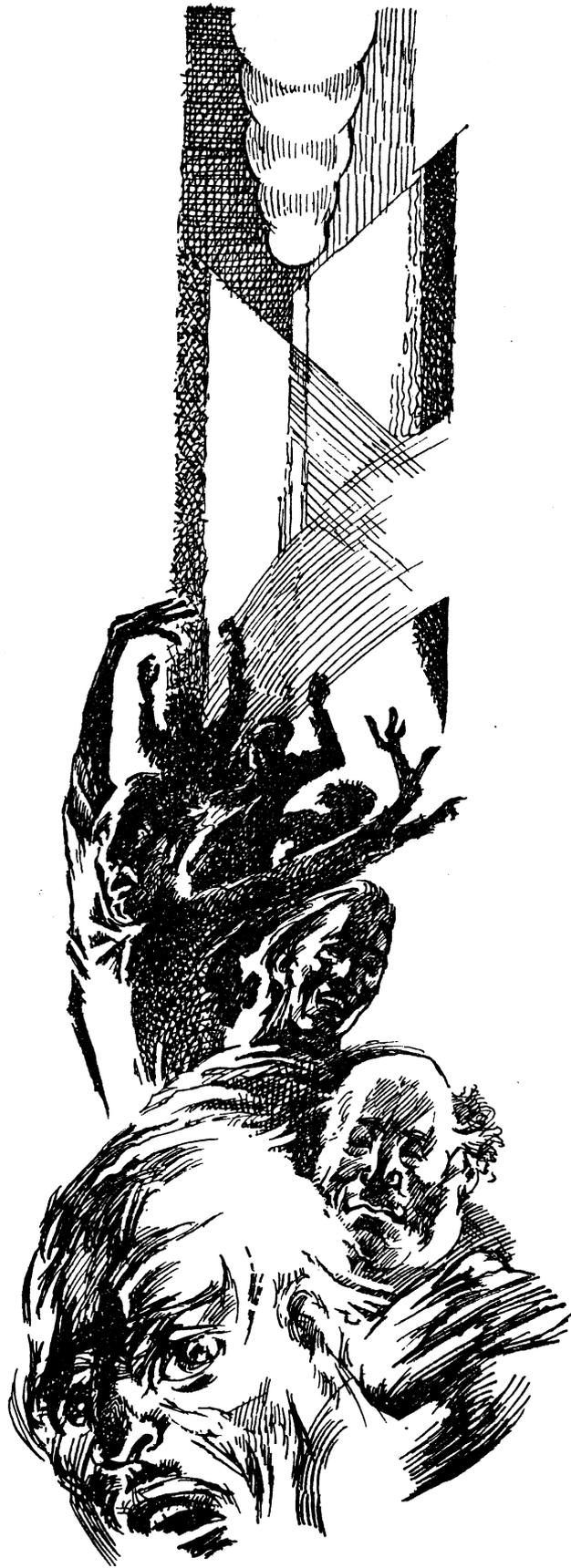
— Много лишнего, но остроумно, — сказал он, проследив за моим взглядом. — Этот пацан напихал в меня столько информации, что устанешь переваривать. Утомительный процесс.

— Простите, какой пацан?

— Ты еще не знаешь? Извини, я с тобой на ты, но сейчас мне можно.

— Ну что вы, Аркадий Семенович. Мне даже приятно.

— Хм, приятно ему. Ну ладно. Дело в том, что наш сектор — это юное отпочкование Черы. Большая, кстати, редкость. Ведь Чер на грани увядания и в любой момент может потерять контроль над, м-м, связующей субстанцией, назовем ее так, которую мы воспринимаем как защитное поле. Это, грубо говоря, среда, в которой происходит перенос информации. У нас данную функцию выполняют нейроны. Весь фокус в том, что при любом прямом контакте с посторонним разумом Чер теряет часть этой субстанции. Это накладно. Попробуй-ка пошвыряйся нейронами. То есть, операции с информацией внутри замкнутой системы — обычный, естественный процесс, но как только происходит контакт с внешним раздражителем, часть энергии теряется безвозвратно. Ее накопление за счет космических излучений, инфорполей разумных цивилизаций и прочее, и прочее — ничтожно по сравнению с затратами при непосредственном общении. Поэтому Чер семь раз отмерит, прежде чем выйти на связь, и поэтому его так трудно обнаружить. А вот для его юного отпрыска это не так страшно, потому что он снабжен избыточной субстанцией. Но и он крайне не любит терять свои нейроны. В нашем случае ему на помощь пришли мощные усилители, образовавшие приличный двусторонний радиоканал, и он получил возможность подпитываться нашими

знаниями, мыслями, эмоциями, то есть, что называется, подзаряжаться... — Аркадий Семенович внезапно умолк, потом улыбнулся. — Извини, Толя. Трудно сосредотачиваться, когда думаешь сразу о многом. Кроме того, формулировки Черы для меня не совсем еще ясны, поэтому на нашем языке они выглядят дубовато. Давай отложим разговор до следующего раза. Погоди. Передай на Базу, что Чер не опасен, но пусть прервут контакт до моего... выздоровления.

— Понял, Аркадий Семенович...

Думая об этом человеке, который не только не успел расследовать несчастный случай с кэпом, но и сам оказался в двусмысленном положении, а если уж крутить дальше — поставил под угрозу срыва дальнейший контакт, я, тем не менее, ничего плохого сказать о нем не мог. Он внушал какое-то суеверное чувство правильности поступков и действий.

Я передал на Базу его пожелание и напомнил, что в нашем районе работают еще две станции.

Дальнейшая моя работа напоминала чистку авгиевых конюшен — с той разницей, что содержимое конюшен не владело человеческой речью. Постепенно ко мне присоединялись обескураженные коллеги, которых я высвобождал из вынужденного заточения. Трудно было представить, что эти милые, корректные люди оказались способны потерять человеческое лицо, да еще до такой степени, однако вокруг была масса фактов, против которых, как говорится, не попрешь. После моих кратких объяснений стыд и ужас от содеянного превращался в глубокую задумчивость. Кажется, Ильин терял потенциальных единомышленников.

Единственным, кто ничего не желал слушать, был Пономарев. После того, как его освободили, он разразился невразумительной тирадой, из которой, будто шипы, торчали недвусмысленные угрозы: "произвол", "бунт", "я это так не оставлю", "кое-кто поплатится" и тому подобное. Мигом скотлив маленькую, но дружную группировку консерваторов, он наименовал ее комиссией и совершил стремительный рейд по станции, в результате чего на свет появился сокрушительный по своей предвзятости протокол, под которым эти бесхребетники расписались. Дескать, после несчастия с Ильиным на "Глыбе" возникла крайне напряженная ситуация, усугубляемая отсутствием рекомендаций руководящих органов. Мол, напряженный план никто не корректировал, хотя по плану предусматривалось регулярное общение с Чером с помощью психозондирующего устройства, а где гарантии, что не повторится ильинская ситуация. Далее в протоколе отмечались недостатки в рационе питания, смело критиковалась недостаточная проработка вопросов досуга, хотя эта проблема остро ставилась еще при прежнем руководст-

ве, вносилось предложение о создании мини-зоопарка, так как созерцание мирно жующих парнокопытных должно настраивать на спокойные размышления. И так далее, и так далее. Самое замечательное, что в документе комиссия начисто обошла инцидент с погромом, представив его как легкий конфликт на почве общей компьютеризации, а смена курса объяснялась заботой о жизни человека, конкретно — инспектора Ильина. Так что был Пономарев далеко не дурак. Зачем выносить сор из избы, если о нем никто не знает?

К прибытию комиссии на станции сиял первоначальный порядок. Даже ВИБР, который на самом деле представлял собой безнадежную рухлядь, весело помигивал огоньками. В него Тая втиснула сжемку наподобие той, что зажигает лампочки на новогодней елке. От восстановления истинной, работоспособной схемы она категорически отказалась.

Комиссию, появившуюся на три дня позже намеченного срока, Пономарев встречал помпезно и с большим размахом. По этому случаю в оранжерее был накрыт стол и для экзотики выпущен на волю волнистый попугайчик Фомка, который на первых порах обрадовался неожиданной свободе, неловко перепархивал с дерева на дерево, орал дурным голосом, пока, наконец, не удрал в свою клетку, где успокоился и затих. Комиссия от изысканных яств отказалась.

По хмурому виду этих людей можно было предположить, что случилось что-то неприятное. Прихватив с собой Пономарева, они направились к Ильину, от которого вышли через 40 минут, тщательно, разделившись на две группы, облазили всю станцию, после чего пересели в свой быстроходный шлюп и были таковы, а Пономарев отдал распоряжение держать курс на Базу. Спаси в нем намного побавилось.

Стремительность событий вызвала в экипаже различного рода толки и кривотолки, но Пономарев предпочитал хмуро отмалчиваться.

Следующим утром Таю, Вадима и меня вызвал к себе Ильин. Он находился все в том же помещении врачебного стационара и встретил нас в тренировочном костюме, который висел на нем мешком. Аппаратуру жизнеобеспечения уже убрали. Нам принесли жесткие табуреты белого цвета.

Совершив несколько неуверенных шагов, Аркадий Семенович присел на аккуратно заправленную койку и виновато улыбнулся.

— Начну с того, что открою свою должность, — сказал он немного напряженным, но достаточно твердым голосом. — Я — член Совета по взвешенным связям, эксперт по аномалиям чистого разума. Говорю это не ради определения дистанции, а для того, чтобы сразу перейти к сути и в какой-то мере просить вашей помощи. Не удивляйтесь, статус члена Совета на сей

раз оказался маловат. Я думаю, вам интересно узнать решение комиссии? Как, Вадим?

Вадим кивнул.

— А решение комиссии однозначное — консервировать контакт. — Ильин внимательно посмотрел на наши каменные физиономии. — К сожалению, на "Сигнале" и "Затворе", которые работали в нашем секторе, последствия инцидента оказались довольно плачевными. Имеются жертвы, психические расстройства. Подробности опустим? Как, Тая?

— Не надо, пожалуйста. Я и так насмотрелась, — Тая побледнела.

— Решение комиссии сформировалось уже на этих двух станциях, — продолжал Ильин. — Туда они направились в первую очередь. Спасибо, Толя, что предупредили. К счастью, к тому времени Чер утихомирился. Вот такая, братцы, трагедия... А теперь о нашей главной ошибке. Мы полагали, что аномалии возникают в результате контакта с человеческим разумом и являются отбраковками, отбросами Черы. Это, вроде бы, и очень легко объяснялось: связи нашего мозга слабо развиты, блуждая по этим связям, Чер впадает в состояние заторможенности, полудремы, отдается во власть нашего подсознания, где много темного, взятого от прошлых поколений. В результате какая-то часть информационной системы Черы становится ущербной — и он от нее освобождается, чтобы зараза не распространилась на весь организм. Так вот, дело не совсем в этом. Из массы наследственной информации, о которой человек и знать-то не знает, из всех нюансов нашего подсознания Чер выбирает нужные ему комбинации, из которых создает, если так можно выразиться, дешевую питательную среду для будущего потомства. Так называемая аномалия является прообразом его новых эволюций. Но, к сожалению, вероятность появления потомства ничтожна, поэтому наше восприятие аномалий было ошибочным. Юный Чер, к которому были прикреплены наши станции, является счастливым исключением из правил, а поскольку питательный бульон, извиныте за такое банальное определение, появился благодаря нашему разуму, то естественно его любопытство к нам, людям. Но мне до сих пор не ясно, почему изучение людей он провел таким варварским способом. Он прекрасно знает, что у человека связь мозга с телом непосредственная. Что это? Негативная реакция, связанная с разрушением ВИБРа? Ведь с помощью радиоконтакта он питался сам и подпитывал родителя, то есть продлевал его жизнь. Или что другое? Пока не знаю.

— Простите, Аркадий Семенович, — сказал вдруг Вадим. — А откуда вам это известно?

— Мне теперь много чего известно, — помрачнев, ответил Ильин. — Порой возникает вопрос: кто же я теперь? Очень часто забываешь о том, что у тебя есть тело, душа, настолько мощными, целостными абстракциями начинаешь мыслить. Это прекрасно, ребята,

это очень прекрасно, но нельзя допустить, чтобы это знал только я один. Нет, Чер не дьявол, как изволил выразиться уважаемый председатель комиссии. Он наш учитель. И мы не вправе упускать такой шанс.

— Еще раз простите, — сказал Вадим. — Вы тренированный психогигиенист, но и вы едва выкарабкались. Допускаю даже, что вас пощадил. Однако, если вспомнить известные факты, контакт с Чером принес одни неприятности. Вот и вы, обладатель знаний Черы, не можете объяснить, зачем он вызвал этот массовый психоз, закончившийся человеческими жертвами. У меня лично создалось впечатление, что чистый разум негуманен.

— Стоп, — прервал его Ильин. — А вы с Таяй?

— Ну мы, например, обладаем иммунитетом.

— Не надо преувеличивать, — мягко сказал Ильин. — По прибытии на станцию я неоднократно связывался с Чером, и он предупредил меня, что собирается провести небольшой опыт над людьми для расширения, так сказать, кругозора. В этом опыте будут два контрольных индивида, оставленные в первичном состоянии, реакция которых на происходящее также будет тщательно проанализирована. Одного из них он назвал сразу, тем самым как бы выражая благодарность за ВИБР. Это вы, Тая. Про второго сказал, что выберет его из ближайшего вашего окружения. И я сделал естественный вывод, что вторым будет Толя Добрынин.

Вадим нахмурился, а мне сделалось тосливо, ведь Чер манипулировал с Таиным подсознанием и именно там нашел ее ближайшее окружение. Глубины, однако, вскрываются. Внезапно мне на руку легла узкая загорелая ладошка, я повернул голову, поймал Таин взгляд и успокоился, хотя в душе появилась еще одна заноза, уже вторая, связанная с Вадимом.

— В связи с этим я протестировал Таю, — как ни в чем не бывало, продолжал Ильин. — Каюсь, это вышло немного жестко, но мне необходимо было проверить правильность ее реакции на психические отклонения. Результатом я остался доволен. Толю, поскольку он мужчина, я всего-навсего предупредил о возможной нестандартной ситуации. Кстати, меня позабыл вариант со снотворным. Толя, будь добр, объясни, зачем ты это сделал?

— А зачем вы проводили эксперимент? — спросил я довольно запальчиво.

— А как же без него? — удивился Ильин. — Что за расследование без эксперимента?

Я многозначительно усмехнулся. Помолчим пока. Пусть и у нас будет маленькая тайна.

— Не могу утверждать, что роль инспектора я играл удачно, — сказал Ильин, — но кое в чем мне удалось вас убедить. В частности, вы поверили, что я разыскиваю зонд прямого контакта. Было? Было, поскольку Чер мне подыграл. Я подкинул версию о гибели человека, ко-

торый научился обходиться без фильтров. Надеюсь, об этом человеке все вы знаете.

Вадим поморщился и, не поднимая глаз, спросил:

— А какая у вас была прямая задача?

Ильин ответил не сразу. Он тяжело встал, прошелся неуверенной, шатающейся походкой, со старческим кряхтением присел на свое ложе и только после этого заговорил:

— Человек я от природы довольно крепкий, плюс ко всему нахожусь в первой пятерке психогигиенистов планеты, но вот видите, до чего дошел. Одним словом, моя основная задача — прямой контакт. Вы довольны ответом, Вадим?

Вадим кивнул, однако чувствовалось, что он в полной растерянности. У меня по спине побежали холодные мурашки, а Тая сжала кулачки и положила на свои туго стиснутые колени.

— Про ваш ВИБР мы прекрасно знали еще по первым сообщениям капитана, — хмурясь, сказал Ильин. — Тогда у меня и возникла мысль о прямом контакте. О настоящем, глубоком контакте, чтобы все поставить на свои места. Меня в принципе поддержали, но сами знаете — наша рутина, перестраховка, ну и так далее. Так что я получил неофициальное "добро", хотя официального разрешения не было. На случай неудачи. Мол, член Совета проявил непростительную самодеятельность. Короче, я вынужден был действовать в одиночку, инкогнито, под маркой недалекого чиновника. Мне надлежало поступать так, чтобы все поверили в последовательность происходящего и не вмешались в нормальный ход контакта. Ночью мы обговорили с Чером время, а утром я пригласил ребят на эксперимент, который на самом деле экспериментом не был. Честно говоря, я немного побаивался, и присутствие людей придавало мне уверенность. Толя, спасибо за помощь. Она мне очень пригодилась.

Что ж, теперь все, вроде бы, вставало на свои места. Вадим мог помешать Ильину подключиться к ВИБРу в связи с тем, что знал опасную особенность прибора. Чер не мог вмешаться в действия Вадима, потому что выбрал его в качестве контрольного экземпляра для своего последующего опыта, за чистоту которого, очевидно, беспокоился, и не хотел навязывать Вадиму свою волю. Поэтому он избрал легкий, безопасный путь — укол снотворного. Тая, которая об эксперименте ничего не

знала, также помешать не могла, а нас, то есть Лаптева, Гусейнова и меня, особенно меня, Чер на время нейтрализовал. Проще пареной репы.

— Зачем ему надо было калечить капитана? — вдруг мрачно спросил Вадим.

— Это пока для меня необъяснимо, — Ильин передернул худыми костистыми плечами. — Скорее всего, он решил на более глубокий контакт, но не учел, что самый главный на станции, то есть капитан, — это обыкновенный человек. Слабый, неподготовленный человек.

Слабый, неподготовленный человек. "Он был испуган, что причинил кому-то вред", — вспомнил я Тайны слова.

Ильин тяжело вздохнул.

— Как вы догадываетесь, во время своего опыта Чер изучал лимбическую систему* с одновременным возбуждением тормозящих нейронов. Может быть, с его точки зрения на время опыта он очистил людей от многовековой шелухи, вернул к истинному состоянию, а получилось самое настоящее варварство. Все очень плохо. Плохо, что капитан почти безнадежен. Плохо, что люди погибли... Вроде бы подошли к следующему этапу, ведь я, ребята, почти готовый посредник, вот только вес наем, а все же положение аховое. Теперь предстоит очень много доказывать.

Он помолчал, сгорбившись, потом вздохнул, как перед прыжком в воду, выдохнул и очень спокойно, даже внушительно, сказал:

— Тем не менее, я считаю, что первый контакт прошел удачно. Уж коль вы все знаете, могу я рассчитывать на вашу поддержку?

Нет, Ильин явно не собирался сдаваться. Пусть в одиночку, но он знал, за что будет бороться. В конце концов, любому прогрессу сопутствуют жертвы и потери, без них он невозможен.

— Да, — сказал я довольно неуверенно.

Вадим кивнул утвердительно, хотя именно он, как мне кажется, был единственным, кто не верил в состоятельность и действенность дальнейшего контакта. Просто в нем в очередной раз сработал неистребимый дух исследователя, не позволяющий останавливаться на полдороге при такой массе вопросов.

Ильин заметно приободрился.

— Нет, — сказала Тая. — Нет, нет и нет.

И заплакала. Горько, навзрыд.

* Лимбическая система — совокупность отделов головного мозга, объединенных по анатомическому и функциональному признакам. Основная функция л.с. связана с процессами саморегулирования при организации поведения и психической активности.

Зачем человеку кольчуга

(Ролевые игры с точки зрения толкиниста)

Во второй раз за недолгое время (см. № 7) обращаемся мы к теме Хоббитских Игр.

Недавно в редакцию попали два первых (в этом году) номера фэнзовской газеты "Фэн Гиль Дон". В первом из них нам встретилось следующее рассуждение о движении ролевых игр: "Правильные" фэны могут сколь угодно брезгливо морщиться, но против факта не пойдешь: субкультура толкинистов по своему богатству уже сравнялась с официальным фэндомом. И делать вид, что этих людей просто не существует — не самый умный вариант поведения".

Разделяем это мнение. А потому собираемся и в дальнейшем освещать различные стороны этого достаточно нового для нас и, несомненно, любопытного явления.

1. "Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа" (Роберт Шекли).

Однажды зимой, когда весь город был укрыт снегом, а на окнах искрились морозные узоры, закрипела открываемая дверь, и в магазин хозяйственных товаров, о чем-то оживленно беседуя, вошли два друга. Растирая замерзшие щеки и носы, они устремились к прилавку, где под стеклом среди тысячи различных мелочей скучали пакетики с ковровыми кольцами. Уплатив положенное, вошедшие протянули чек. Отсчитывая четвертую тысячу колечек, озадаченная продавщица спросила о причинах такой странной покупки. И услышала в ответ веселое: "Да мы тут ковров накупили!" Как говорится, не задавай вопросов...

Конечно, нам с детства внушают, что обманывать окружающих — дело неприличное. Однако не секрет, что правдивые ответы тре-

буют иногда долгих бесед, для которых в повседневной суете просто не остается места. А толкинисты на собственном опыте убедились, как много времени занимает объяснение того, что ковровые кольца можно употребить и по их прямому назначению — то есть сплести из них кольчугу, почти ничем не отличающуюся от тех, что носили средневековые воины. И еще больше времени требуется, чтобы рассказать, зачем вообще некоторым нашим современникам, живущим в благоустроенных квартирах с электричеством, центральным отоплением, телевизором, телефоном и прочими достижениями науки и техники двадцатого столетия, вдруг оказываются совершенно необходимыми кольчуга из ковровых колец, деревянный меч и щит с гербом придуманного государства. Как объяснить, зачем люди усложняют свою жизнь — ведь и без этого все вокруг кипит, все "в работе, как в драке"? Однако

вслед за Ассолью эти фантазеры говорят: "Я знаю, что знаю" — и, понимая, глядя на суету и гам, к которым уже не принадлежат, учатся быть счастливыми. И при любой возможности эти большие дети собираются вместе, надевают странные одежды и до самозабвения играют в мир, о котором говорится в волшебных книгах и где мечтает побывать каждый, кто когда-то был ребенком.

У всех нас своя роль в этой жизни, игрой пронизано все общество, и, вероятно, поэтому мы не обращаем на нее особенного внимания. Слово "игра" становится подчас синонимом слова "наивность", ассоциируясь с несерьезностью, якобы свойственной детям, хотя ни к чему в мире дети не относятся серьезней, чем к игре. Да и взросление не всегда автоматически исключает игровое отношение к окружающему миру. "Взрослеть вовсе не значит терять невинность и способность удивляться;

это значит — идти по назначенному пути". Так написал тридцать лет назад профессор из Оксфорда, талантливый писатель Джон Рональд Руэл Толкин в эссе "О волшебных сказках".

2. "Мы творим в меру наших способностей и разумений, ибо сами были сотворены, но по образу и подобию Творца" (Дж. Р. Р. Толкин).

Странным человеком был Профессор. Потеряв во время Первой мировой войны лучших друзей, в военном госпитале он сочиняет легенды о прекрасном мире, возникшем из Музыки, мире удивительной красоты и бесконечной печали. Почтенный и уважаемый преподаватель престижного английского университета, он изучает памятники средневековой литературы, читает лекции, растит сыновей — и пишет книгу, которую сам называет волшебной сказкой. Эта книга обретает свою судьбу, а с нею — способность влиять на людей, ее прочитавших, изменяя их мир.

Со времени появления первого перевода на русский язык трилогии "Властелин Колец" таких людей в нашей стране становится все больше и больше, и вот наконец они собираются вместе, чтобы в 1990 году в окрестностях Красноярска воплотить в реальность страницы любимого произведения. "Творим, как сами мы сотворены", — сказал однажды профессор Толкин, и поклонники его таланта создают свой мир, бесконечно разнообразный и полнокровный, называя его Игрой.

Что же такое ИГРА, популярность которой растет с каждым днем, смущая умы здравомыслящих приверженцев рыночной экономики? Может быть, это всего лишь дуэли на игровых мечах в перерывах между лекциями, слово "эльф" в графе "национальность" и бессмысленные, хоть и красивые, фразы на придуманном языке? Люди, занимающиеся ролевыми играми, считают, что все-таки не всегда следует слепо доверять первому впечатлению, ведь истинное — открывается не сразу. Не увешанные с головы до ног бутафорским оружием и заковананные в поддельные доспехи парни, считающие себя крутыми самураями, являются душой Игры, не томные девы, грозящие уничтожить каждого, кто не разделяет ИХ точки зрения на Величайшую Из Книг, выражают мнение тех, кого снисходительно называют "толкинутыми". Игровое движение имеет под собой основу гораздо более прочную, чем фехтование на деревянных мечах и плетение браслетов из бисера. Участвуя в ролевых играх, люди на самом деле поднимаются все выше в своем духовном развитии, уходя все дальше от наивного увлечения игровым антуражем.

3. "Клуб идет игре, как голове шляпа" (Йохан Хейзинга).

Появившись в первый раз в клубе ролевых игр (а такие клубы существуют во многих городах России и ближнего зарубежья), человек невольно оказывается очарованным новыми символами, указывающими на принадлежность к определенному кругу. Это стремление подчер-

кнуть свою "избранность" понятно, оно присутствует и большинству представителей "серьезных" профессий, кого униформа выделяет из массы всех людей, живущих на планете. Но проходит время, и неопит осознает, что за этой маской кроме желания быть оригинальным скрывается и стремление внести смысл в свое существование, достичь наиболее полного самовыражения.

Имея исходным пунктом желание просто поиграть в любимых героев и немного пожить в мире, далеком от реального и вместе с тем поразительно на него похожем, ролевые игры постепенно превращаются в движение, объединяющее творческих людей различных профессий, возраста и характеров, которые тем не менее понимают друг друга и вместе ищут свое место в мире. В этом кругу единомышленников люди, считающие себя непонятыми и ненужными, обретают вновь веру в себя, избавляясь от комплекса "неполноценности", находят настоящих друзей и знакомые им ранее области приложения своих знаний. Конечно, подобные "чудеса" происходят с людьми и в других неформальных объединениях, но вот только в клубах ролевых игр эти изменения оказываются более эффективными и менее болезненными — ведь само слово "игра" придает существованию непринужденность и вносит настроение радости и уверенности в своих силах.

Вспоминая народную мудрость — "ведь не корову проиграем!" — человек смело пробует себя в различных ролях, участь и совершенствуясь. Среди людей, занимающихся ролевыми играми, много психологов и педагогов — возможно, именно потому, что игра вообще и ролевые игры в частности предоставляют огромный материал для исследований человеческой личности и являются иногда наиболее действенным методом обучения и воспитания. Игровая, мы приучаемся логически мыслить, задумываться над последствиями своих поступков, сотрудничать и соперничать — и достойно проигрывать в случае неудачи. Вхождение "в роль" вызывает всплеск фантазии, пробуждает дремавшие ранее таланты и способности, а главное — стремление прожить жизнь "по максимуму". Не претендуя на оригинальность — ведь о влиянии игры на формирование личности давно известно, — я просто еще раз скажу, что именно эта возможность творческого роста является одним из главных достоинств ролевых игр.

4. "Наиболее зловещей игрой является, конечно, война" (Эрик Берн).

Остается еще один важный вопрос, на который нельзя не ответить, говоря об Игре. Не секрет, что существуют так называемые "милитаристские", "военные" ролевые игры, да и многие другие виды игр трудно представить без игрового оружия и сражений. Чему же может научить игра в войну, не слишком ли много зла и без Игры — в реальном мире? Этот вопрос задают многие, впервые увидев верхний, антуражный пласт Игры и со страхом слыша

слова "меч", "стрелы", "смерть". Но обычно спрашивающие упускают из вида самое главное, то, без чего ролевые игры станут пустым времяпрепровождением, потеряв возможность осуществить давнюю мечту большинства живущих на Земле. Игровая опасность, смерть "понарошку" ведут к постижению самих основ нашего бытия. Смерть страшна и жестока, ошибка может стать роковой, но при этом самая важная (и счастливейшая) особенность Игры — это предоставляемая ею возможность исправить содеянное, прожить новую жизнь, уже не совершая прежних ошибок, став мудрее и добрее.

Игра — это тоже жизнь, только время в ней течет быстрее. За несколько дней или даже часов игры может миновать целая эпоха, а человек иногда проживает несколько жизней, с каждым своим новым воплощением поднимаясь на более высокий уровень сознания, потому что каждая прожитая жизнь — это крупица опыта в копилке мудрости. Игра — это учеба и тренинг, результаты которых оказывают огромное влияние на жизнь вне Игры.

5. "Игра — дело серьезное" (Роджер Желязны).

Заканчивая рассказ об Игре и движении ролевых игр, хочется привести одну цитату из книги нидерландского историка Йохана Хейзинги "Хомо луденс" ("Человек играющий"). В своем исследовании сущности и значения игры как источника культуры он приходит к выводу: "Мы привыкли рассматривать противоположность "игра — серьезное" как нечто окончательное. Но судя по всему, она отнюдь не исчерпывает до самого дна отношения этих понятий". С полной серьезностью относиться к игре, дети входят во взрослый мир. Но как часто эта "взрослая" жизнь, которую мы по привычке считаем делом серьезным, превращается в смешную игру с нелепыми правилами и бездарными игроками. Вероятно, есть только один способ научиться играть в эту навязанную нам судьбой игру — придумывая на досуге новые игры.

Но разве в таком случае так уж необходимы мечи, плащи и кольчуги? Нет, конечно, ведь выбор игры зависит только от нас самих. Однако игра в рыцарей ничуть не хуже, чем, например, игра в дилеров и президентов. Она, на мой взгляд, даже лучше — потому что именно она нужна тем, кто ее выбрал. Ролевые игры — это целый мир, в котором люди, понявшие, зачем они пришли в него, смогут достичь главной цели — счастья и радости. Серьезное отношение к жизни, конечно, выделяет из толпы, но, согласитесь, счастливых людей вокруг тоже не слишком много. И если кто-то вдруг обретает себя, имеет ли какое-то особенное значение тот факт, что для исполнения желаний этому человеку необходимы кольчуга из кожаных колец, деревянный меч — и люди, играющие в необычные игры?

Е. Шамаханова,
г. Новокузнецк Кемеровской обл.

Владимир СИБИРЕВ

Душе порой надежда выпадает...

Сестра милосердия

Век Сатиры
Краток чересчур —
На маршруте сквозь огни и трубы
Резкий перепад температур
У нее расшатывает зубы.
И у публициста
Не длинней
Путь кремнистый
В душах поколений,
Выложенный часто из камней
Догм бредовых и установлений.
Лирике же
Вечность суждена,
Как и милосердие к скорбящим...
Но сестрой
Приходится она
Далеко не всем стихотворящим.

Разборка

Такое
И в приморском городке
Увидеть суждено довольно редко —
Он обезьяну вел на поводке,
Считай, — наукой признанного предка.
Солидно шла.
Поводырю под стать.
Меж тем, отдавшись умыслу всецело,
Ленивая обычно, песья рать
Буквально на хвосте ее
Висела.
Собаки от обиды,
Не со зла
Намеревались разобраться с нею:
Пошто на свет
Жлоба произвела,
Который
Ей же
Заарканил шею?!

Старые матросы

Стареем в заложниках суши.
На наших запястьях, братва,
Поблекшие крапинки туши
Уже различимы едва,
Иные и вовсе стереться
Успели.

Следа не найдешь.
Уже не на якорь,
На сердце
Рисунок тот больше похож.

Дельфин

Он был еще, наверно,
Жив,
Когда в игре стихий без правил
Перебесившийся прилив
На берегу его оставил.
Но почему так ослабел?
Под винт попал?
Глотнул отравы?
Или в оптический прицел
Был пойман кем-то для забавы?
И вот уже добыча скал —
Дельфин, обманутый судьбою...
Но даже мертвый
Он лежал
Лобастой головой
К прибою.

Проза жизни

В самом деле —
Не конец же света,
Не уйдут под лед материки,
Если вас не выслушали где-то,
В чем-то обделили...
Пустяки.
Надо ли, чтоб каждого встречали
Как заморских принцев и принцесс?
Но...

Вот так в обыденность печали
И уходишь, как в осенний лес.

Гонки

Душа и сердце —
Близкие понятия.
И все ж не стал бы их
Отождествлять я.
Пока свой честный добываем рубль,
Пока нас призрак ядерный
Снедает,
Душе порой надежда выпадает,
А сердцу —
Только шрамы

Вширь и вглубь.
Вот так и я...
Чем дальше, тем сильней
Моя душа воюет с подлецами,
А сердце, сплошь покрытое рубцами,
Уже не в силах поспевать за ней.

Каскадеры

Занятие это
Известно давно,
Значительно раньше, чем порох,
Иной никогда не снимался в кино,
А век состоял в каскадерах.
...Из них
Хоть один
Перед войском едва ль
Промчался в приветственных кликах,
Зато так по-царски
Ошпарена сталь
Их кровью
На шпагах и пиках!
Они под Полтавой
Умели стоять,
Не кланяясь вражеским ядрам,
И мне завещали
Обид не держать,
Когда остаешься
За кадром.

Первородство

Праматерь женщин,
Речь мою прерви,
Коли не прав я...
Но ведь было время,
Когда не только что огня —
Любови
Не знало человеческое племя.
Любовь.
Ее святое естество
Возникло раньше,
Чем облечься в слово,
Когда, однажды выбрав одного,
Ты властно отвела глаза другого.
Каким же магнетизмом обладал
Избранник твой,
Что через поколения
Он удесятеренной передал
Мне жажду
Твоего благоволения.

Лидия МИШЛАНОВА

"Дорогая наша Флора и Фауна!"

Всю жизнь она занималась тем, чем было надо: пшеницами, овсами, лекарственными растениями. Но в последние годы выяснилось, что очень любит цветы, особенно подснежники (галантус — по-латыни). Высаживала разные виды первоцветов на альпийской горке в ботаническом саду Пермского университета, на участке возле старенького дома, где жила. Восторгалась этими нежными и дерзкими созданиями природы и увлекала ими многочисленных знакомых по всей стране и даже за рубежом. Любила она и животных — собак, лошадей, хранила даже их фотографии. Неудивительно, что однажды знакомые обратились к ней в письме именно так: "Дорогая наша Флора и Фауна!" А звали ее Эмилия Эдуардовна Аникина.

В Перми, где она прожила более 30 лет, ее считали чудачкой. Теперь же, спустя годы, представляешь эту женщину совсем в ином свете.

"Я недолюблен..." — сказал перед смертью Д. Н. Мамин-Сибиряк, то же могла бы сказать о себе и Эмилия Эдуардовна.

На Урал она приехала из блокадного Ленинграда в апреле 1942 года в возрасте 55 лет. Живой, энергичный человек, но, увы, многое уже было у нее в прошлом. Но как раз о прошлом-то она никому ничего не могла рассказать.

Родилась Эмилия Эдуардовна в Барнауле, на Алтае, в семье ссыльного литовца, участника польского восстания 1863 года Будкевича (Будкевича). Известно, что мать была начальницей гимназии.

После 1905 года семья попала в жандармские списки. Старшего брата, студента, арестовали в Казани. Младшего исключили из гимназии. А Эмилию, к тому времени окончившую гимназию с золотой медалью, переправили за границу. Она закончила биологическое отделение Женевского университета и получила степень бакалавра.

За границей же вышла замуж за человека, намного старше ее — с взрослым сыном и дочерью. Степан Васильевич Аникин — мордвин, эрзя, был человек образованный, революционер-народник, литератор. В

1906 году он состоял членом I Государственной думы, а после революции 1917 года — членом Саратовского горсовета. В 1919 году погиб.

По возвращении в Россию они предвидели арест Степана. Так и случилось. Чтобы быть готовой содержать семью, она поступает на очно-заочные курсы французской словесности и в 1914 году в Париже сдает экзамены. В ее анкетах значится: пишу и говорю по-французски, по-английски, немецки, польски, как и по-болгарски, владею специальной литературой, но живой речью не владею. Пока муж находился в тюрьме, она преподавала в показательной французской школе в Барнауле.

Затем она переехала к мужу в Саратов и стала здесь ученицей и сподвижницей основателя отечественной школы генетиков, селекционеров, геоботаников Николая Ивановича Вавилова. Под его руководством она работала на кафедре частного земледелия и селекции Саратовского уни-

верситета. Это счастье общения с талантливым и обаятельным человеком длилось почти двадцать лет — с начала двадцатых годов по 1940-й, когда Вавилов ушел из Всесоюзного института растениеводства (ВИР).

Счастье это было сопряжено с огромным риском. Известно, что Н. И. Вавилов погиб в сталинских застенках Саратовской тюрьмы. А Эмилия Эдуардовна долгие годы хранила письма к ней Вавилова, его фотографии, труды, присланные им, его отзывы о ней и ее работе. В Государственном архиве Пермской области (ГАПО) мною выявлено пятнадцать документов, непосредственно связанных с именем Н. И. Вавилова.

Нельзя сказать, что все они неизвестны. В 60-х годах младший сын Николая Ивановича — Юрий Николаевич собрал и издал книгу воспоминаний об отце — "Рядом с Н. И. Вавиловым". В ней опубликованы воспоминания и Э. Э. Аникиной, но в сокращенном и отредактированном виде. У нас же хранится первоначальный вариант.

Несколько писем напечатаны в "Научном наследии" — томах, посвященных Н. И. Вавилову. У нас — их подлинники. В личном фонде Эмилии Эдуардовны хранится "Свидетельство" об окончании ею в 1930 году Всесоюзных курсов по генетике, селекции и семеноводству при Институте прикладной ботаники и новых культур. Первой стоит подпись Президента Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук академика Вавилова. Есть две брошюры Н. И. Вавилова с надписью Э. Э. Аникиной. И, главное, — подлинный отзыв Вавилова о деятельности Аникиной, однажды в дальней командировке потерявшей документы и нуждавшейся в подтверждении своей личности и своих полномочий. А также отзыв об одной из научных работ. Эти документы еще ждут своей публикации.

Давайте познакомимся хотя бы с некоторыми фрагментами их.

1923 год. Фраза из письма Н. И. Вавилова: "...благославляем Вас на открытие географического участка

Отдела прикладной ботаники в Николо-Уссурийском крае".

Дело в том, что Вавилов, начиная с 20-х годов, организовал на территории страны сеть периферийных экспериментальных отделений, сначала в 115, затем в 150 почвенно-климатических зонах (так называемые географические посевы). Аникина была одной из тех, кому он это поручал. Вначале он послал ее на Алтай, затем в Даурию, потом она оказалась в Чите, куда и было адресовано его письмо.

В другом письме он пишет о семенах: "Сделаем предписание, чтобы выслать все, что Вас поинтересует". И еще: "Ваши новые пшеницы и овсы шлите". И опять нужно пояснение. На Дальнем Востоке Эмилия Эдуардовна занималась селекцией местных сортов пшеницы — "Штраубе" и "Милоградка", последний сорок лет держался в производстве. А четыре разновидности пшеницы, открытые ею в Казахстане, были названы ее именем и включены как новые формы в книгу "Культурная флора СССР" (1935) и "Определитель настоящих хлебов" (1938).

1934 год. Н. И. Вавилов пишет Аникиной: "Вам, конечно, надо подытожить, как следует, работы по Семиречью (она в это время была уже в Алма-Ате. — Л. М.): дела недоделанные делами не считаются. Самое лучшее, конечно, обработку вести в Ленинграде. Посылаю Вам на всякий случай официальный документ, который может быть, Вам в какой-нибудь мере пригодится".

Документ тоже хранится в личном фонде. "Агрономом-ботаником Э. Э. Аникиной была проведена во время ее пребывания в Казахстане очень ценная работа по изучению культурных растений Казахстана. Собран большой материал, как экспериментальный, так и полевой, который требует незамедлительной обработки.

Прошу командировать т. Аникину на 2—3 месяца в Ленинград во Всесоюзный Институт Растениеводства для оформления ее работы, для подготовки ее к печати.

Президент Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина академик Н. Вавилов".

И наконец — "Отзыв о работе Эмилии Эдуардовны Аникиной на тему: "Культурная растительность и

ландшафт". В последнем абзаце — вывод Вавилова: "Считаю эту работу заслуживающей присуждения автору степени кандидата биологических наук". Это было написано в 1937 году.

Окрыленная Эмилия Эдуардовна сдает экзамены по экологии, философии и двум языкам — английскому и французскому. Но вскоре начинаются гонения на Вавилова. В 1940 году он оставляет пост директора ВИРа. Затем война, блокада, эвакуация. Рекомендацию Н. И. Вавилова уже нельзя никому показывать...

В книге "Рядом с Н. И. Вавиловым" Э. Э. Аникина названа кандидатом наук. Однако официального

присвоения звания не было. Правда, в 1963 году ей разрешили защитить диссертацию по совокупности ее печатных работ. Но, видимо, встретились еще какие-то сложности. А ей к тому времени было уже 77 лет...

В Перми, тогдашнем Молотове, прошла вторая часть жизни Эмилии Эдуардовны. В университете места не оказалось. Ей предложили стать научным руководителем областной станции юннатов. Для продолжения научной работы прикрепили к фарминституту. Она занялась изучением лекарственных растений Западного Урала, преподавала, а в науке исследовала степную и лесостепную растительность северного, лесного края и описывала места, которые необходимо сделать заповедными. Она по-прежнему чувствовала себя полпредом ВИРа, сподвижницей и верной помощницей Николая Ивановича Вавилова.

Профессор Анатолий Георгиевич Воронов рассказывал мне, что кафедра биогеоценологии Пермского университета, которой он руководит, употребила в дело около семидесяти описаний территорий, сделанных Эмилией Эдуардовной и предложенных ею к заповеданию. Сотрудники кафедры и студенты, бывая в дальних уголках области, до сих пор встречают людей, которые живо помнят необычную, боевую старушку, которая страстно ратовала за сохранение природы.

Эмилия Эдуардовна Аникина покинула Пермь в 1976 году в возрасте 90 лет. Она уехала к сестре во Львов, где и умерла через семь лет — 12 декабря 1983 года.

На снимках:

Э. Э. Будкевич (Аникина). Возможно, 10-е годы XX века.

Н. И. Вавилов с сыном Олегом. Начало 1920-х годов.

Э. Э. Аникина (слева) с пермскими юннатами возле посевов люпина.

Из личного фонда
Э. Э. Аникиной в ГАПО

Фотопроизведения
Евгения ЗАГУЛЯЕВА

Дайана МАНФЕРТ

Ловушка для наемника

Открыв дверь, Пол Берон сразу же заметил, что горит красная лампочка автоответчика — кто-то звонил в его отсутствие. Оказалось, что это Борелли. Пол Берон быстро выскочил на улицу, чтобы позвонить боссу из телефонной будки. Простая предусмотрительность, поскольку нет уверенности, что его телефон не прослушивается.

Голос Борелли, как всегда, был холоден и высокомерен:

— Хорошо, что ты позвонил. Слушай. Вечерний авиарейс в Ниццу — восемнадцать тридцать. В кассе Эйр-Франс заказан билет на твое имя. Деньги получишь как всегда. Ясно?

— Почти. Где найду клиента?

Борелли коротко объяснил.

— Как я его узнаю?

— Узнаешь, не ошибешься. Крупный мужик, лет около пятидесяти. Зовут Рауль Риснейл, — добавил Борелли и положил трубку.

Пол покинул будку и, насвистывая, отправился домой. Борелли платит хорошо. За это требует неукоснительного выполнения заказа и молчания...

Пол Берон дождался полной темноты и только тогда осторожно пробрался на террасу двухэтажной виллы. Отсюда попал в неосвещенную комнату. Из соседнего помещения доносилась негромкая музыка. Там находился клиент, которого он должен ликвидировать. Помешать ему не смогут — прислуга отпущена, охранник отлучился, Пол это знал.

Рывком открыл дверь. Рауль Риснейл, мужчина с тронутой сединой густой шевелюрой, с мягкими чертами лица смерил налетчика таким взглядом, что Пол понял — клиент не из робкого десятка. Не испугался он и пистолета в руке непрошенного гостя.

— Кто вас послал? Борелли? — спросил он, не повышая голоса.

— Если знаете, зачем спрашивать, мистер Риснейл? — ответил Пол, слегка усмехнувшись. Сейчас он чувствовал себя вершителем судеб, наслаждаясь абсолютной властью над жизнью этого человека. Он не знал и не хотел знать, за что Борелли приговорил его к казни, это не его дело.

Конечно, нельзя сказать, что хозяин виллы не нервничал, он просто изо всех сил старался держать себя в руках. Играл золотой зажигалкой, то зажигая ее, то гася.

Он, видимо, лихорадочно искал какой-нибудь выход из безнадежной ситуации.

— Наверное, есть что-то такое, что может убедить вас отказаться от выполнения заказа? — наконец спросил Риснейл. — Например, деньги?

Наемник хмыкнул и покачал головой.

— Если бы я хоть раз позволил себе принять взятку от приговоренного, меня бы ждал плачевный конец. Вы должны это понимать.

Риснейл кивнул головой в знак согласия.

— Ол-райт, никакой торговли. Но каждый осужденный к смерти имеет все же право на последнее желание. Не так ли?

— Смотря что за желание...

— Скромное — выкурить сигарету.

— Ладно. И мне дайте одну.

— Охотно. Нервничаете?

Пол ничего не ответил.

— Сколько платит вам Борелли? — спросил Риснейл, сделав несколько затяжек. — Больше чем двести тысяч франков?

— Зачем вам это знать?

— Зачем... Затем, что там, за картиной, находится сейф. А в нем как раз двести тысяч франков.

— Это большая сумма, — нехотя проговорил наемник.

Риснейл молча встал, подошел к картине, снял ее и открыл сейф.

— Эй, что это? — выкрикнул Пол Берон и, подняв пистолет, прицелился в голову хозяина виллы. — У вас там оружие?

— Вы очень подозрительны, молодой человек, — улыбнулся Риснейл, вынул коричневый конверт, и опять запер сейф; он сделал это раньше, чем наемник на что-то решился. — Просто хочу показать вам содержимое конверта, чтобы вы мне поверили. Это плата за жизнь.

— Значит, вы все-таки надеетесь купить меня? — зло бросил Пол Берон, но конверт взял. — А если я деньги заберу, а вас застрелю?

— Взываю к вашей чести, молодой человек.

— Глупости, — заметил наемник и открыл конверт. Когда взглянул на содержимое, у него с негодованием вырвалось: — Какого дьявола!

Взмахом руки он высыпал на стол нарезанную цветную бумагу.

— Что за фокусы, черт бы вас побрал!

Хозяин виллы широко улыбнулся.

— Вы правы, это небольшой фокус. Вы позволили мне открыть сейф, и я смог спрятать в нем свою золотую зажигалку. Вы заметили ее? Я давал вам прикурить от нее.

— Ну и что? На кой черт мне ваша зажигалка, даже если она золотая?

— Не горячитесь, молодой человек, и послушайте меня. Как вы думаете, зачем я вертел этой зажигалкой перед вашей физиономией? Не знаете? Все очень просто: чтобы запечатлеть вас на фотопленке. Мой адвокат знает об этой безделушке и знает, что на пленке будет снят мой убийца.

Глаза Пола Берона сузились, рот перекосялся, и он поднял пистолет.

— Блефуйте! Хотите меня убедить, что в такой зажигалке уместилась фотокамера?

— Да, да! Именно так — микрокамера, новинка техники для шпионажа. Не приходилось слышать? Как видите, такая игрушка может пригодиться и в другой ситуации.

Наемник вытер пот со лба: неужели этот тип говорит правду?

— Я, как вы понимаете, сейф больше не открою и комбинацию цифр кода не назову, — продолжал Рауль Риснейл. — Только адвокат и еще два человека знают этот код. После моей смерти зажигалка в сейфе все расскажет. Отпечатать снимки человека с пистолетом — дело несложное. Как вы думаете, что сделает Борелли, когда в газетах появится ваша фотография?

Берон молчал, пытаясь что-нибудь придумать. Да, он слышал о разных шпионских штучках. Так блеф или нет? Он заскрежетал зубами: ну почему он не пальнул сразу, как только открыл дверь?

— Вы все еще не поняли меня? — миролюбиво спросил Риснейл. — Не удивляйтесь — я ведь знал, что ко мне пожалует кто-нибудь вроде вас, и принял кое-какие меры предосторожности... Да, вы меня в какой-то момент застали врасплох — до оружия в столе не дотянуться, к кнопке охранной системы тоже... И своего телохранителя я отпустил на пару часов. Вы все хорошо рассчитали! Но и я имел запасные варианты.

— Открой сейф, Риснейл! — с ненавистью выкрикнул Берон. — Или тебе придется пожалеть!

— Вы просто чудак, молодой человек, — рассмеялся хозяин виллы. — Чем вы мне угрожаете? Смертью?

Пол Берон не знал, как выбраться из этой ловушки. Открыть сейф не удастся, это ясно. Можно было бы взорвать... Но где, проклятие, он возьмет взрывчатку? Минуты убегали, а с ними исчезала надежда найти какой-нибудь выход.

— Что вы собираетесь делать со снимками? — спросил он хрипло.

— Если останусь в живых, сделаю несколько отпечат-

ков и передам верным людям. Поручу, чтобы они передали снимки криминальной полиции, если я умру насильственной смертью. Понимаете? Не только пуля, бомба, яд, но и "несчастный случай", вроде автомобильной аварии.

— У Борелли не будет проблем с другим наемником... Он справится.

— Со мной одним или с нами обоими?

— Вы думаете... — Берон бросил на Риснейла растерянный взгляд. О таком повороте дела он не подумал.

— Разумеется! Зачем Борелли оставлять в живых свидетеля, человека, который не выполнил задание.

Берон нерешительно посмотрел на пистолет в своей руке. Он должен был признать, что Риснейл не оставил ему выхода: он, наемный убийца, Пол Берон, должен застрелить своего босса и работодателя Борелли, чтобы тот не расправился с ним.

— О'кей, ваша взяла, — просипел он. — Борелли вас больше не побеспокоит...

Сутулясь, он направился к выходу.

Когда дверь за ним захлопнулась, Риснейл опустился в кресло и вытянул ноги. Руки его дрожали от нервного напряжения, сердце бешено колотилось в груди. Мозг снова и снова прокручивал события последних минут. Когда человеку грозит смертельная опасность, он способен на самые невероятные поступки. И как ему вспомнилась недавно прочитанная в газете информация о микрокамерах, спрятанных в различных предметах, в том числе и зажигалках. В зажигалках, но вовсе не в той золотой игрушке, что была у него... Этот блеф помог остаться в живых! И не только. Кажется, пришел конец и Борелли, этому проклятому пауку. Конечно, если только этот киллер и там не оплошает. А почему бы действительно не приобрести такую зажигалку с камерой? Она будет прекрасным дополнением к пачке нарезанной бумаги в конверте...

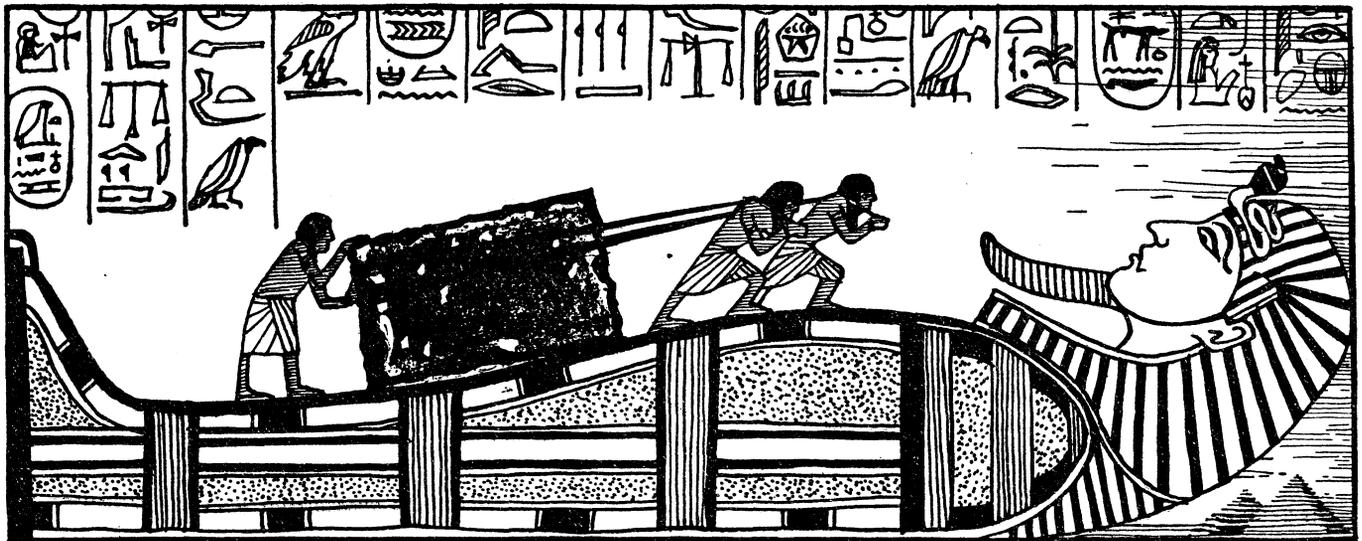
Перевод с английского В. РОЩАХОВСКОГО

Михаил МИХАЙЛОВ

Пирамиды Египта — метод и технология

На протяжении нескольких тысяч лет лик Земли украшает чудо света — пирамиды Египта, и большую часть этого времени люди не переставали искать ответ на простой вопрос: "Как они были построены?".

Десятки, если не сотни ученых разных стран и времен, начиная с великого Геродота, не жалели времени и сил на исследования и дали миру огромное количество фактического материала о технологиях, примененных древними строителями, но указать сам способ строительства им пока не удалось. Заранее должен оговориться, что моя гипотеза не претендует на глубокую научность, скорее ее следует рассматривать как попытку решить общетехническую задачу построения пирамиды, зная ряд заранее заданных условий. Вы не найдете новых сведений о пирамидах. Я лишь делаю два-три допущения, позволяющие выстроить известные факты в стройный ряд, который, как оказывается, образует полный технологический процесс строительства пирамиды.

Вода и фундамент

Принципиально объяснение метода строительства пирамиды сводится к ответам на три вопроса. Первый: какие технологические приемы позволяли обеспечить столь высокое качество подготовки фундамента. Второй: каким образом транспортировались каменные блоки, образующие пирамиды. И третий: каков способ монтажа и подъема каменных блоков на высоту.

На первый вопрос ответить довольно просто. В научной литературе о древнем Египте уже описан технологический процесс получения строго горизонталь-

ных поверхностей весьма значительных размеров. Для этого на строительной площадке по всему ее периметру в грунте выдалбливались сообщающиеся между собой канавки, заполненные водой. Зеркало воды, представляющее, само собой разумеется, идеально горизонтальную поверхность, и служило очень точным базовым уровнем для выравнивания всего поля фундамента. Способ очень прост и весьма точен. Воду можно подвести в любую точку будущего фундамента и, следовательно, проверить правильность ее положения по высоте. Практически не существует предела удаленности двух точек поверхности, между которыми можно осуществить та-

кую "гидравлическую" связь. После получения таким образом ряда базовых высотных точек, лишней, выступающий над плоскостью расположения этих точек, грунт удалялся, обнажая строго горизонтальную площадку, которая и служила основанием пирамиды. По ориентировочным оценкам разность высотных точек основания, выполненного с применением такого способа нивелировки, не превысит один-два см. Разметка сторон и получение в основании пирамиды точного квадрата осуществлялось с помощью шаблона, например, веревочного. Отметив четыре вершины четырехугольника и обеспечив вторым шаблоном равенство его диагоналей, получали

на местности точный квадрат. Такая разметка весьма надежна и обеспечивает отклонение от номинального расположения вершин квадрата (являющихся началом ребер пирамиды) в пределах единиц сантиметров.

Диски вне конкуренции

Ответ на второй вопрос гораздо труднее. Все предполагаемые теории транспортирования каменных блоков основаны на толкованиях дошедших до нас древних фресок. Видно, что камень устанавливался на специальный лафет, низ которого имел вид полозьев саней. Ряд ученых трактует это изображение так, что древние строители перемещали лафет просто волоком. Другие, видя, что под "полозьями" изображены какие-то кружки, предполагают, что это подкладные валки или шары, по которым катили лафет.

Рассмотрим эти варианты подробно. Расчеты показывают, что для перетаскивания первым способом 200 тыс. каменных блоков объемом в 1 м^3 каждый, требуемых для строительства пирамиды (почему именно 200 тыс. а не 2,5 млн. поясно позже), на расстояние примерно в 2 км (1 км от каменоломни до реки и 1 км от реки до пирамиды) по горизонтальному пути, при коэффициенте трения скольжения 0,1 (дерево по дереву со смазкой) необходимо затратить $1,1 \times 10^{12}$ дж. энергии. Приняв ориентировочно, что физически здоровый человек за день может совершить работу 5×10^5 дж, получим, что для выполнения такого объема работ нужно 350 человек, работающих 300 дней в году в течение 20 лет. Очевидно, что такой способ приемлем только для малых блоков, блоки же весом в десятки и сотни тонн волоком транспортировать просто невозможно — потребуются одновременные усилия тысячи и более человек.

Второй способ более перспективен, поскольку трение качения по валкам или шарам как минимум в 10 раз меньше и следовательно количество людей, занятых на этой операции, составит всего 35 человек. Но перекатка на валках или шарах требует высокой точности их изготовления и качества поверхности, по которой идет перекатка. Чтобы не было заклинивания и разворота валков вокруг вертикальной оси, все валки (или шары) должны быть одного диаметра, и максимальная разность диаметров по длине валка не должна превышать долей сантиметра. Иначе валок будет время от времени терять контакт с одним из полозьев и разворачиваться вокруг вертикальной оси, вынуждая прекращать движение. Такие же высокие требования предъявляются и к шарам. Изготовить большое количество таких вал-

ков или шаров (с учетом замены изнашиваемых — это десятки тысяч) с помощью только зубила и молотка, вытесывая их из камня, представляется невозможным.

Древние строители конечно же опробовали эти способы и, убедившись в их неприемлемости, нашли другой — перекатывание на дисках. Его я и предлагаю в качестве основного способа транспортирования каменных блоков.

В полозьях лафета и специальных каменных блока, которые укладывались на дорогу, делались сквозные продольные канавки прямоугольного сечения (см. рис. 1). Расстояние между канавками на лафете и на дороге было одина-

тельный коэффициент трения качения — вероятно не выше 0,01.

Дорожные блоки укладывались на специальные подкладки — шпалы и фиксировались в них от поперечных и продольных перемещений. Выравнивание блоков по горизонтали, а движение шло только по строго горизонтальному пути, осуществлялось по той же технологии, что описана для фундаментов, т. е. заливкой в канавку блоков воды до заполнения всей канавки от начала дороги до конца. При необходимости отдельные дорожные блоки приподнимались подсыпкой под них грунта или припускались удалением лишней породы. Так обеспечивалась горизонталь-

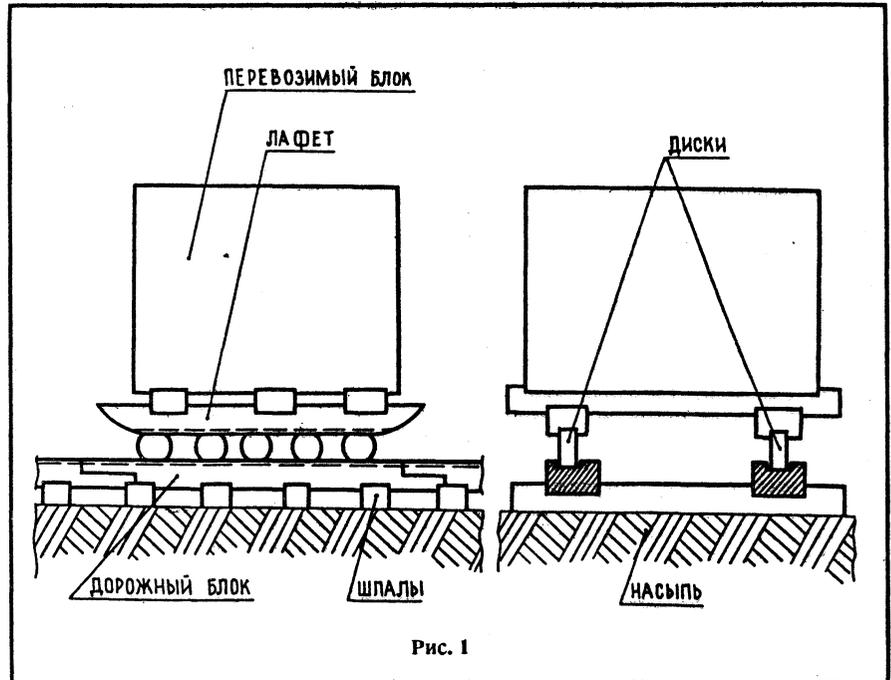

Рис. 1

ковым. В канавки вставлялись каменные диски диаметром 10—15 см и толщиной 3—5 см, по которым собственно и шло перекатывание. Отличие от ранее предложенных способов на первый взгляд не большое, но оно носит принципиальный характер. Ведь теперь для обеспечения плавного качения необходимо обработать с высокой точностью не всю поверхность дороги и валков (или шаров), а узкие доньшки канавок на лафете, дорожных блоках и наружный поясик дисков, что вполне выполнимо. Диски фиксировались стенками канавок от разворота относительно вертикальной оси, одновременно фиксируя и сам лафет от перемещений поперек направления движения. Дорожные блоки, диски и полозья лафета изготовлялись из твердых пород камня, что обеспечивало низкий и ста-

ность дороги на всем ее протяжении.

Предлагаемый способ обладает интересной особенностью. Диски, изготовленные хотя и с небольшой, но все-таки разностью диаметров, со временем прирабатывались, и диаметр группы дисков, работающих с одним лафетом, выравнивался, т. е. износ дисков не влиял на работоспособность системы лафет-диск-дорога. Более того, после приработки выглаживались и днища канавок, трение еще более снижалось, и для перемещения одного каменного блока весом в три тонны требовалось усилие менее 30 кг, т. е. было достаточно усилия одного человека!

Способ несомненно работоспособен и высоко эффективен, но все-таки необходимы доказательства, что именно он был использован при строительстве пирамид. Такие доказательства есть, правда, косвенные.

При раскопках рядом с пирамидами обнаружено множество остатков бронзовых сверел, предназначенных для высверливания в камне кольцевых отверстий. Количество остатков сверел очень велико, что говорит о больших объемах сверления. Но ни в самих пирамидах, ни в окружающих их сооружениях нет большого количества отверстий. Тогда, что же сверлили? Сверлили каменные плиты, но не ради отверстий, а ради того цилиндра, что оставался внутри сверла. Цилиндр извлекали, и после поперечного раскалывания, получали диски! Причем диски практически одинаковые по диаметру, т. к. получались они от одного общего сверла.

Найдены и каменные блоки, имеющие сквозную продольную канавку прямоугольного сечения, которые ошибочно причислены к остаткам водоотводящих систем. А это именно дорожные блоки, ибо они отвечают всем требованиям, предъявляемым к таковым. Водоотводящими же они быть не могут из-за слишком малого поперечного сечения канавки.

Отметим еще, что транспортирование супер блоков весом в сотни тонн осуществлялось этим же методом, только может быть увеличивались размеры дисков и их количество, чтобы снизить контактные давления в парах качения. Для передвижения таким методом супер блока весом в 100 т достаточно усилий 30—40 человек.

Таким образом картина транспортных операций на суше (кроме подъема и спуска блоков) получает законченный вид, и мы можем перейти к третьему и основному вопросу гипотезы.

Таинственное устройство

Принципиально способ монтажа пирамиды выглядел так. От реки по насыпи в пойме Нила была горизонтально проложена дорога. Потом она врезалась каньоном в тело возвышенности, на которой велось строительство и продолжалась далее в тоннеле, доходившем до вертикальной оси пирамиды на глубине нескольких десятков метров. По этой дороге каменные блоки докатывались до оси пирамиды и оказывались на дне вертикальной шахты, по которой с помощью специального подъемника поднимались до высоты строительной площадки. Навверху блок устанавливался на новый лафет и откатывался к месту своей окончательной установки. Иными словами, пирамида наращивалась послойно, строго горизонтальными слоями.

Какой же механизм использовался в качестве подъемника для доставки блоков из тоннеля под пирамидой через шахту наверх? Многие египтологи считают, что древние строители не знали никаких механизмов подъема, кроме рычага, основываясь в своих убеждениях на том, что история не сохранила ни малейших упоминаний о таковых. Возьму на себя смелость утверждать, что отсутствие прямых исторических свидетельств связано не с тем, что такого механизма не существовало, а с тем, что древние строители тщательнейшим образом скрывали свой способ от непосвященных, исключая малейшую утечку информации. Посторонние, даже видя, что пирамида год за годом растет, не могли понять, как она строится и разобратся в ее внутренней структуре. Соображения секретности привели к тому, что после окончания строительства все

механизмы и орудия, которые могли указывать на способ строительства были уничтожены — шахты и тоннель засыпаны, лафеты, диски и сам подъемный механизм сброшены на дно и погребены в одной из шахт. Сам механизм подъема был тоже исключительно секретным. Работу его организовали так, что из нескольких тысяч строителей, профессионально занимавшихся сооружением пирамиды, принцип знали только несколько десятков человек.

Механизм выглядел так (см. рис. 2). В двух, параллельно закрепленных каменных плитах, на сторонах, обращенных друг к другу, выдалбливались конусные углубления, в которые концами своей оси входило специальное блок-колесо, выполненное из камня твердой породы. Расстояние между плитами регулировалось четырьмя парами клиньев. Такая конструкция очень напоминает систему крепления в камнях зубчатых колес механических часов, только увеличенную в сотню раз. Но она обладает теми же достоинствами: низким сопротивлением вращению (которым в первом приближении можно пренебречь) и способностью выдерживать большие нагрузки, направленные перпендикулярно оси вращения. Блок-колесо выдалбливалось из цельной каменной плиты и имело по своему наружному диаметру канавку в которую укладывался канат. Один его конец опускался в шахту (а весь механизм устанавливался прямо над ней) и имел на конце специальный захват, с помощью которого камень, находящийся на дне шахты, в считанные секунды мог быть закреплен на канате. Другой конец выводился на грань пирамиды и имел ляжки, в которые впрягалась специальная команда строителей.

Опускаясь по грани пирамиды, команда тянула за собой канат и поднимала камень до уровня строительной площадки. После этого подъем останавливался. Под камень, удерживаемый на весу, подводились дорожные блоки с дисками и лафетом. По сигналу команда поднимавших делала шаг назад, камень опускался на лафет, отсоединялся от захвата и откатывался в сторону, освобождая шахту для следующего подъема. Для подъема камня весом в 3 т по такой технологии требуется примерно 50 человек весом 70 кг каждый. Отметим, что люди затрачивали энергию при подъеме на пирамиду, а при спуске вниз (подъеме камня вверх) работа совершалась за счет накопленной их телами потенциальной энергии. Это сводило к минимуму аварийные ситуации, нарушающие ритмичность работы.

При такой конструкции подъемника посторонние и даже непосвященные строители не видели, как происходит его работа. Те, кто подкатывал камни под подъемник, не могли видеть, откуда берется сила, уносящая камень вверх по шахте. Даже команды самих поднимателей (а таковых команд было несколько десятков) не видели устройства подъемника, скрытого от них специальными щитами. По всей вероятности, устройство объявлялось священным, на него запрещалось даже бросать взгляд. Видели его и работали с ним только те несколько человек, что находились непосредственно под ним, — те, кто отсоединял поднятые камни от каната и выкатывал их из "запретной" зоны. Они же разбирали подъемник, когда заканчивался монтаж очередного слоя пирамиды, поднимали его на новую высоту и там монтировали. Численность этой команды 3—5 человек. Учитывая, что подъемник-

ков было по крайней мере три (один в самой пирамиде, второй на пристани, для подъема камней из лодок до уровня дороги, третий на пристани каменоломни, где производилась погрузка камней на лодки), получается, что количество

людей, знавших устройство подъемника, составляло 10—15 человек.

Какие же доказательства можно предложить в защиту такого метода подъема камней? Доказательства есть,

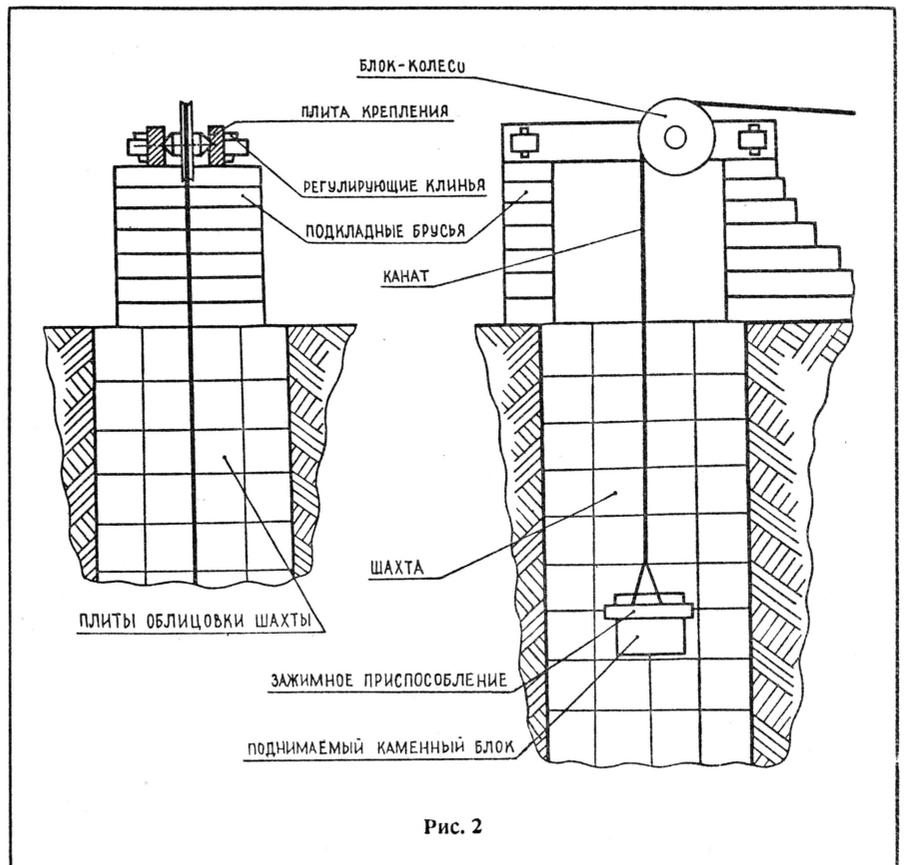
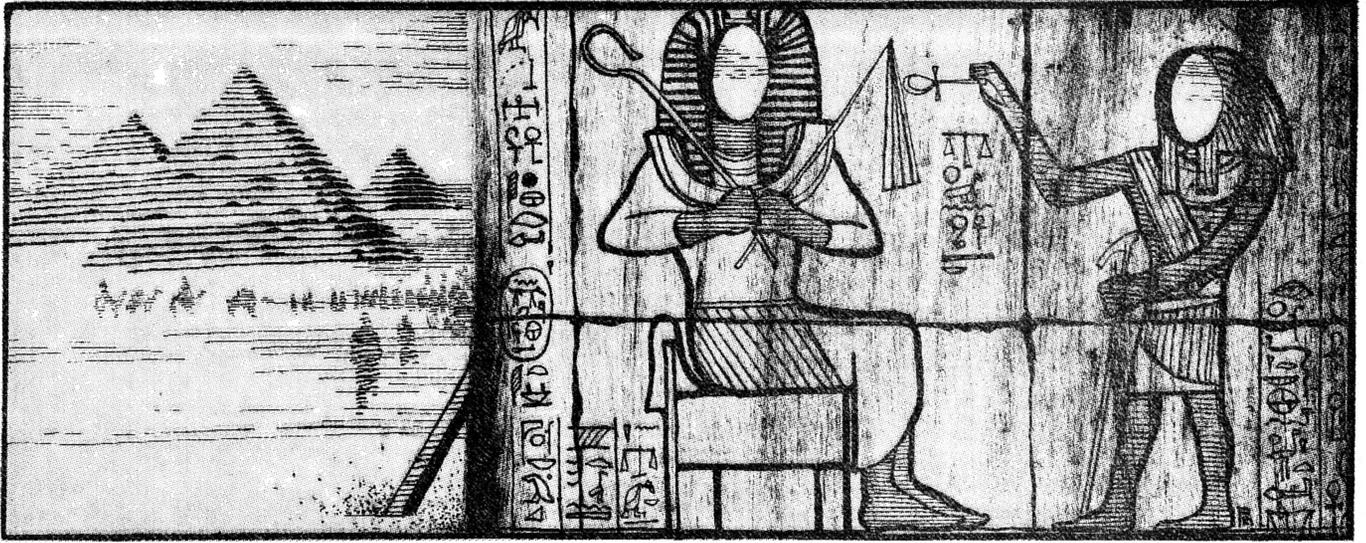

Рис. 2

хотя в силу упомянутых выше причин, косвенные.

Уже в самой древней пирамиде Джосера были использованы шахты для спуска с поверхности под землю каменных блоков весом около 10 т, выполнявших роль дверей-затворов в подземных погребальных камерах. Блоки спускались в шахты на канате, который пропускался в специальное отверстие в верхней части камня, и аккуратно устанавливались в специальное гнездо на небольшие подставки, они выбивались из-под камня, когда было необходимо "закрыть дверь". Простым сбрасыванием камня в шахту невозможно достичь точной установки камня в гнездо — велика вероятность перекосов и заклинивания, кроме того, при падении с высоты несколько десятков метров камень просто может разрушить приемное гнездо и разрушиться сам. Известно, кроме того, что древние строители достигли совершенства в строительстве вертикальных шахт, а эти шахты необходимы только тогда, когда через них осуществляются спускоподъемные операции.

При раскопках вблизи пирамиды Джосера были найдены два камня с конусными углублениями — как раз такие, которые нужны для подъемника. Другое назначение камней маловероятно. Само же блок-колесо не было найдено ни одной экспедицией ни в одной из пирамид в силу причин, указанных выше.

Чехол для пирамиды

При строительстве пирамид в Гизе был применен способ "зачехления" (кроме, пожалуй, пирамиды Миккерина),

который заключается в том, что каменные блоки образуют только тонкий наружный чехол. Камни выкладывались по периметру каждого вновь образуемого слоя, со строгой разметкой сторон и вершин, образуемого ими квадрата (по указанной ранее технологии), лентой, вероятно, в два-три камня по ширине. Остальное пространство внутри этого квадрата, кроме внутренних помещений, облицованных блоками, заполнялось рассыпчатой породой, добываемой в непосредственной близости от пирамиды, для ее доставки привлекались сотни тысяч людей, которые поднимались по наклонным пандусам наружной поверхности пирамиды, неся на плечах корзины с породой, и сыпали ее в тело пирамиды.

Пусть не смущает современных исследователей то обстоятельство, что внутренность пирамиды кажется сегодня монолитной (иные даже считают, что это гора естественного происхождения). Вспомним геологический термин — осадочные породы. Так называются горные породы бывшие когда-то ранее рыхлыми, но под воздействием давления верхних слоев, по прошествии времени слежавшиеся и ставшие твердыми и монолитными (например, мрамор). Даже сыпучий песок в глубоко залегающих слоях слеживается и образует камень-песчаник. Этот процесс учили и древние строители.

Наружный же каменный чехол предохранял тело пирамиды от эрозии, ведь если бы его не было, то наружные слои насыпной пирамиды, не испытывающие горного давления, подверглись бы очень интенсивной эрозии. Пирамида потеряла бы свою форму, а современные ученые спорили бы о том, естественное это сооружение или искусственное.

Метод строительства пирамиды как засыпного сооружения позволял использовать неквалифицированную рабочую силу. Профессиональные же строители работали только на операциях добычи камня, изготовления каменных блоков, их транспортировке, подъеме и укладке в "чехол" пирамиды и в облицовку внутренних шахт и помещений, а также на строительстве транспортной дороги и вспомогательных сооружений. Расчеты показывают, что на сооружение 2—3-слойного "чехла" и на облицовку внутренних помещений потребуется примерно 200 тыс. блоков объемом 1 м³ каждый.

Тайное стало явным?

Теперь сведем все факты и допущения воедино и изложим их последовательно в виде технологического процесса. Выбрав место постройки, древние строители первым делом размечали фундамент и прокладывали шахту на пересечении диагоналей квадрата основания. Одновременно начиналось строительство транспортной дороги от Нила до пирамиды и в первую очередь главной ее части — тоннеля. Очевидно, для расширения фронта работ пробивались еще несколько вертикальных шахт по длине тоннеля. Возводилась насыпь в пойме Нила и востань на ее конце. Объемы работ на этой подготовительной стадии довольно значительны. Достаточно сказать, что длина тоннеля для пирамиды Хефрена составляет не менее 700 м, а пирамиды Миккерина — не менее 750. Причем для выполнения этих работ нужны были только высококвалифицированные рабочие (кроме отсыпки насы-

пи). Поэтому подготовительная стадия растягивалась на несколько лет.

Затем приступали непосредственно к возведению тела пирамиды. Как мне представляется, сначала насыпался холм земли с размерами основания несколько меньшими, чем окончательные размеры пирамиды, и высотой 10—15 метров. В теле этого холма оставались незасыпанными узкие каньоны диагонали квадрата основания, которые были нужны для проверки правильности расположения вершин квадратов, которые представлял из себя каждый возводимый слой. Одновременно по ним шла дорога для транспортировки каменных блоков от центральной шахты до мест окончательного монтажа, т. е. до наружного чехла. По окончании отсыпки сотни тысяч крестьян распускались по домам, и только с их уходом начинались работы по транспортировке и укладке в "чехол" каменных блоков.

Блоки с помощью подъемника поднимались до высоты строительной площадки, прокатывались по диагонально расположенным дорогам и укладывались с наружной стороны насыпного холма, образуя горизонтальный квадрат. Зазор между телом холма и чехлом засыпался. Когда слой блоков полностью заполнялся, подъемный механизм разбирался и переносился на высоту следующего слоя блоков. Таким образом слой за слоем наращивался чехол, пока не покрывал полностью насыпной холм. На наружной, ступенчатой поверхности делались наклонные пандусы — подмости, по которым при следующем цикле насыпания холма будут подниматься колонны людей, несущих грунт. Высота холма рассчитывалась так, чтобы он мог быть насыпан в период паузы в сельхозработах, а строителей-профессионалов привлекалось столько, чтобы за время между засыпками успеть "зачехлить" новый холм и продлить по нему наклонные пандусы, обеспечив тем самым фронт работ на следующий цикл возведения пирамиды.

Так, цикл за циклом, пирамида поднималась все выше и выше, пока не достигала заданной высоты. Затем на строительные леса вокруг вершины пирамиды укладывались поднятые по шахте последние каменные блоки, шахта засыпалась грунтом, а блоки устанавливались на место, завершая возведение основного тела пирамиды. Последней операцией был монтаж на наружной поверхности облицовочных плит. Для этого создавалась система подъемников (5—10 шт.), последовательно расположенных один над другим и работавших по уже известному нам принципу. Облицовочные плиты поднимались каждым подъемником до своей верхней площадки, где по горизонтальному участку откатывались к подножию следующего подъем-

ника (см. рис. 3). Так, от подъемника к подъемнику, плиты поднимались до самой вершины. Но это не единственный способ.

Мне кажется более предпочтительным подъем по специально уложенным по наружной поверхности пирамиды плитам, образующим наклонную дорогу до

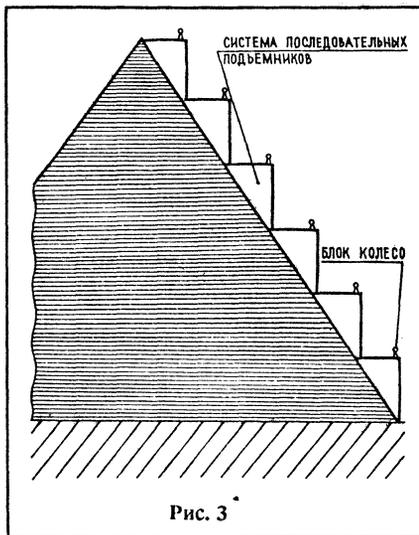

Рис. 3

самой вершины. На конце дороги устанавливалось блок-колесо. Плиты имели на своей поверхности два желобка, в которые входили полозья лафета с закрепленной на нем плитой. Дополнительные силы трения-скольжения, которые приходилось преодолевать при подъеме таким способом, составляли примерно 200—300 кг. Каждый из двух способов имеет свои достоинства и недостатки, и какой из них выбрали древние строители, могут показать только натурные исследования.

Чтобы доставить плиту в любую точку периметра слоя, вокруг пирамиды устраивались подмости шириной 1—1,5 м, опиравшиеся на выступы нижних слоев. По этим подмосткам плиты откатывались до места своей окончательной установки. Монтаж плит велся послонно, начиная с вершины пирамиды. По окончании каждого слоя подмости разбирались и переносились на один слой ниже. Верхняя часть последнего подъемника тоже разбиралась, и подъемник укорачивался на высоту одного слоя (такая операция сложности не представляла, поскольку стены подъемников выполнялись из кирпича). Так, слой за слоем, сверху вниз пирамида покрывалась облицовкой до самого подножия, чем и заканчивалось строительство самой пирамиды. Оставалось только возвести храмы и дорогу восхождения.

Дорога восхождения никогда не использовалась для транспортировки блоков, как ошибочно принято считать. Она создавалась с двумя чехлами: первая —

ритуальная, вторая — специально запутать людей, которые будут искать способ строительства, показать им ложный путь, увести от поисков истинной транспортной дороги и главной ее части — тоннеля.

Что касается храмов, верхнего и нижнего, то и они строились не случайно. Их основанием служат технологические накопительные площадки, которые было необходимо устраивать на транспортной дороге между двумя подъемниками, поскольку работа подъемников не синхронизирована. Устраивались они в виде строго горизонтальных площадок, по которым в несколько рядов прокладывались дорожные блоки. Накопители напоминали железнодорожную станцию и могли вместить в себя несколько тысяч каменных блоков, ожидавших подъема на пирамиду. Первая накопительная площадка устраивалась там, где транспортная дорога переходила с насыпного участка в тоннель, т. к. именно в этом случае затраты труда на ее выполнение будут минимальными. На этом месте впоследствии и возводился нижний храм. Вторая площадка устраивалась перед системой наружных подъемников и служила для складирования облицовочных плит (и только их), поднятых из тоннеля через специальную шахту и ожидающих подъема на пирамиду. На этой площадке возводился верхний храм. Как видим, даже ритуальные сооружения строились так, чтобы скрыть любой намек на истинную картину строительства.

Предложенная гипотеза, при всей ее умозрительности, получилась весьма реалистичной, практически выполнимой и, хочется надеяться, заслуживающей внимания научной общественности. Она довольно легко может быть проверена. Для ее доказательства необходимо определить, была ли на вертикальной оси пирамиды шахта и был ли тоннель, соединяющий эту шахту с площадкой нижнего храма. Сегодня шахта засыпана полностью, а тоннель, по всей вероятности, частично, но определить их наличие для современно оснащенной экспедиции не составит большого труда. Если шахту и тоннель удастся найти, подтвердив тем самым правильность основных положений гипотезы, появляется возможность исследовать пирамиды с помощью новых теоретических моделей, вытекающих из следствий нашей гипотезы.

Рисунки Артемия РОДИОНОВА

Ольга КОЛПАКОВА

Все вороны были в сборе

— А слон, как ты понимаешь, в квартире не помещается, — с сожалением говорит Татьяна.

— Конечно, — соглашаюсь я.

— Поэтому он живет у нас в гараже.

— Ему, наверное, скучно, — сочувствую я, — хоть это и Веселый Слон.

И, пожалев большого, выше годовалого ребенка, слона, мы с инженером Татьяной Шариповой отправляемся в маленькую квартиру на Химмаше, где я знакомлюсь с остальными членами семьи Шариповых. Кроме мужа и сына, что само собой разумеется, здесь живет полуперсидская кошка Глаша, которая рычит на чужих и вот-вот научится лаять, и множество больших игрушек, которые хозяйка делает сама.

Самый солидный — царь игрушек — лев Никак. Сделан он способом макраме, но не обычно — плоско, а объемно. Никак висит на стене вместо ковра. Полезная вещь. А вот куклы — Мария, Катерина и Глафира — создания бесполезные, но симпатичные, в прекрасных вышитых сарафанах и кокошниках. Была у них и четвертая сестрица — Дарья, но на выставке в Москве, где куклы в русских нарядах приветствовали иностранных гостей, заинтересованных в химмашевской продукции, в нее страстно влюбился итальянец. Татьяна противиться не стала, отдала Дарьюшку за итальянца, да еще и приданое собрала: настоящие лапти, бусы и серьги.

И вот еще приятно познакомиться: три вороны Николетты. Самые дорогие и близкие Татьяне поделки, а может, это даже символ семьи Шариповых. Все они летают (вороны сами по себе, а Шариповы на дельтоплане). Сделаны Николетты с членов семьи, у каждой свой характер, но имя одно. Первая ворона, лохматая, появилась 14 лет назад. Вот с тех самых пор, с той Николетты из веревки, Татьяна и начала делать большие мягкие игрушки.

— Мои игрушки — это не спасение от одиночества, не рукоделие для успокоения нервов, это не ностальгия по детству. В детстве я играла в машинки, катала на них маляушеньких пупсиков, играла долго, не замечая в этот момент ничего и никого вокруг, такое же состояние я испытываю, когда сейчас шью, плету новые свои игрушки — воюсь с ними до потери пульса. Так что это не воспоминание о детстве, а само оно, которое не проходит, не уходит, детство живет внутри. Игрушки — это просто часть меня. А что они такие большие — так значит это большая часть. Да ведь я и сама выросла с тех пор, когда играла пупсиками, — так определяет Татьяна место этих милых оригинальных игрушек в своей жизни. Впрочем "игрушки" — название, наверное не совсем точное, ведь с ними никто не играет.

Они просто появились здесь, в семье, прижились, как цветы на

подоконнике, как радио на кухне, не требуя к себе внимания большего, чем все остальные вещи, но, конечно же, без них в доме было бы не так тепло, уютно, "семейно".

Я помню, в детстве у меня был большой мягкий медвежонок. Однажды я проковыряла дырку у него в лапе и, увидев опилки, самоуверенно заявила, что он не живой. Медвежонок обиделся и куда-то пропал. Тихо, незаметно ушел, исчез. Так мне и надо. Ведь, как считает Татьяна, только от самого человека зависит — живые твои игрушки или нет. Может быть, они и не такие живые, как люди или цветы, но уж и никак не мертвые. Они живые "по-особому". Так что, пожалуйста, не роняйте мишек, ворон, собак на пол. И не отрывайте им лапы.

Татьяна к своим поделкам относится, как к родным. Зайдет после работы в комнату и обязательно отметит про себя: "А, вы тут. Ну, ну. И хорошо, что вы тут".

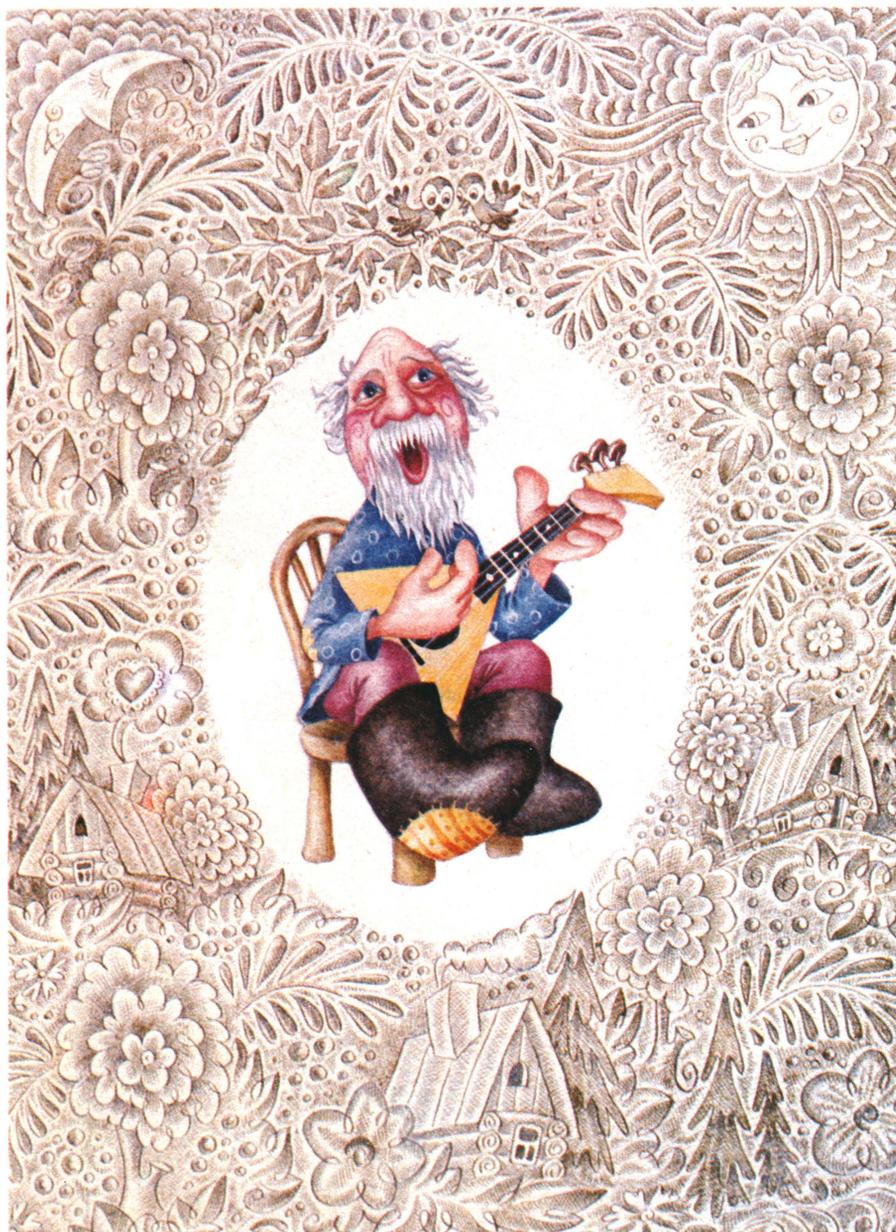
Она и себя иногда ощущает игрушкой. Не марионеткой, а большой, мягкой, теплой, с огромными глазами, вечно всему удивляющимся.

Напоминаем, что читатели, не успевшие подписаться на второе полугодие, могут получить любой номер "УС", выслан на имя редакции 800 руб. плюс почтовые расходы, которые в мае при отправке простой бандероли по российским тарифам составляли 320 руб.

Справки об изменении тарифов Вы сможете получить в своих почтовых отделениях.

Наш адрес: 620219, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67. Редакция журнала "Уральский следопыт".

*Ой, куда мы залетели —
Все поля, поля, поля...
Ты играй, моя подружка,
Балалаечка моя!*

*Ох, часы остановились,
Гирька до полу дошла.
Воротись, любовь старинна,
Которая ушла...*